

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АНДРЕЙ БАЛАБУХА
НЕПТУНОВА
АРФА

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АНДРЕЙ БАЛАБУХА

НЕПТУНОВА АРФА

Приключенческо-фантастический роман

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1986

ББК 84Р7-4
Б 20

Художник Борис ФЕДОТОВ

Б $\frac{4702010200-219}{078(02)-86}$ 169—86

© Издательство «Молодая гвардия», 1986 г.

ПРОЛОГ ДОЛЖНИК

РАСПЛАТИТЬСЯ БЫТ СЫНУ НЕДОРОГОГО ВЕКА
ДА ПУСТЬ КОШЕЛЁЧКИ УПАДАЮТ
С РУКИ...

Б. ОКУДЖАВА

Хотя было уже начало седьмого, кафе все еще оставалось полупустым, и Ганшин увидел ее, едва вернувшись в зал. Час назад, когда она шла к нему, Ганшин тоже смотрел на нее, но тогда — сидящему — она казалась выше, строже, пожалуй, даже недоступнее. Или нет,

отчужденнее. Впрочем, можно ли говорить об отчужденности, видя человека впервые? Когда Ганшин поднялся ей навстречу, оказалось, что не так уж она и высока — чуть выше ганшинского плеча. А сейчас, сидящая, чуть ссутулившаяся, она казалась и вовсе маленькой, хрупкой и потому еще более привлекательной. И почему красивые женщины вечно достаются таким, как Йензен? Ганшин даже замер на полушаге, сообразив, что думает о Йензене как о живом. Да что же это?

Женщина за его столиком шевельнулась, и в движении ее Ганшину почудилось нетерпение. Он ускорил шаг.

— Договорился,— сказал он, садясь. Столики здесь были необычные, треугольные, с вогнутыми сторонами. Массивная колонка подающего канала, служившая одновременно единственной ножкой, придавала им сходство с какими-то невиданными грибами.— Теперь весь вечер наш.

— Спасибо. Ваш друг не обиделся?

— Нет,— не испытывая особых угрызений совести, соврал Ганшин.— Он понятливый. И знаете что? Помоему, нам обоим стоило бы сейчас выпить.

Женщина вопросительно посмотрела на него.

— Я предлагаю коктейль «Космос».

— Здесь такого не подают.

— Ну это не беда...— Ганшин поймал себя на том, что ему почему-то трудно называть ее по имени, и фразы сами собой организуются в этакие безличные обороты. Чтобы пересилить себя, он старательно вдавил в разговор ее имя: Ора.— Эт-то, Ора, не беда. Нам подадут. Главное — было бы желание. А оно у нас есть?

Ора кивнула. Она вообще говорила мало, короткими, четкими фразами, но не от скованности, а скорее от избытка силы. Причем Ганшина эта сила не подавляла, хотя обычно он сторонился таких вот женщин, под чьим взглядом вечно чувствуешь себя нашкодившим школьником, мучительно доискиваясь, когда и что сделал не то и не так. С Орой он сразу же почувствовал себя уве-

ренно и спокойно. Потому, наверное, что был в ее немногословии интерес, пусть не к нему, а к тому, что он должен рассказать. Интерес, помноженный на редкостное умение слушать.

— Эт-то, Ора, не беда,— повторил Ганшин, запустив руку под стол и нашаривая кнопку замка.— С этим мы справимся. Нам подадут.— Кнопка наконец нашлась, Ганшин выдернул шплинт, вдавил ее, потом подцепил ногтем крышку податчика.— Знаем мы эту систему. «Ауста» называется. Знатоки говорят, что от «аустерии» — были во время оно заведения такие. Только вы, Ора, им не верьте, снобы они и все врут. Потому как на самом деле это всего-навсего АУ-100. Она, между прочим, единая, «Ауста»,— и сюда выходы имеет, и в «Эксцельсиор»...— Ганшин привстал и посмотрел схему.— Так что мы сейчас ограничитель того... долой и выйдем на канал индивидуальных заказов.— Он порылся в карманах.— Ора, а шпилька у вас есть?

— Есть.— Впервые за полтора часа их знакомства в голосе ее промелькнуло что-то похожее на удивление. Она вытащила из прически шпильку, слава богу, металлическую, потому что, окажись она пластмассовой, горел бы Ганшин синим огнем со своим электронным гусарством. Он согнул шпильку скобой и обошел ею ограничитель.

— Ну вот и все, Ора. И вся недолга.— Ганшин закрыл крышку и воровато оглянулся. Вроде бы его самоуправства никто не заметил. Впрочем, столик их был угловым, да и сидел Ганшин спиной к залу.

— Bravo,— сказала Ора.— Сразу видно специалиста.

— Итак,— Ганшин по памяти набрал код, даже не попытавшись свериться с картой напитков, где этого наверняка не было,— теперь придется подождать. Минуты две-три, не больше. Потому как в этом заведении заказы по персональным рецептам не предусмотрены, так что пока там все срабатывает...

— А это что — фамильный рецепт?

— Отнюдь,— возразил Ганшин.— Скорей уж корпоративный. Взвар облепихи и настойка элеутерококка. Главное здесь — пропорция. И в должный момент надо бросить три маринованные ягоды куманики.

— Непонятно только, почему «Космос»? — сказала Ора.— Уж скорее тогда «Лес». И почему именно это пьют настоящие мужчины?

— А потому,— охотно пояснил Ганшин,— что лет этак шестьдесят тому назад именно элеутерококковой настойкой чокались двое космонавтов на орбите, встречая Новый год. От них и пошло. С годами, правда, рецепт сформировался в нынешнем своем виде. И сами убедитесь, тонизирует удивительно, напряжение нервное снимает. Да вот, как раз...

Крышка податчика утонула и тотчас возвратилась с двумя искрящимися сахарным ободком фужерами. Ну вот и все. Антракт окончен. Продолжим наши экзерсисы.

Ора сосредоточенно гоняла соломинкой ягоду, которая то всплывала, то медленно шла ко дну. В молчании ее Ганшин явно ощущал ожидание. Господи, ну зачем ей это нужно? На кой черт красивой молодой женщине так себя травить? Ведь давно же разошлась она с Йензенном. Четыре года ведь. И лучше бы не ворошить ей сейчас это старое, отболевшее. Лучше бы потанцевать сейчас...

Бра на стенах потускнели и сникли, как увядшие колокольчики. Ударили цветные прожекторы, высветив в центре зала эллипс, в котором уже замерли в ожидании две или три пары. Разом, безо всякой постепенности зарождения, упала музыка — что-то похожее на спинк, только помедленнее и поглубее. Ноги Ганшина невольно шевельнулись, ловя ритм, но тут Ора посмотрела на него, просто скользнула по лицу взглядом, быстрым и легким, и он сразу же понял, что сейчас нельзя, ни в коем случае нельзя.

Не торопись, сказал он себе. Не торопись. Отдадим

долг прошлому. Мертвому прошлому. А потом, потом будет все. Потому что мы-то живы и наше дело — жить.

Но все равно ладони Ганшина ощущали упругость ее талии, он чувствовал тепло ее дыхания, а выбившийся из прически волос щекотал лицо. И чтобы прогнать это наваждение, он начал, наконец, рассказ, ради которого Ора разыскала его, позвонила по телефону и пригласила сюда.

Приглашение было неожиданным, и Ганшин долго не мог взять в толк, чего, собственно, хочет от него незнакомая женщина на другом конце провода, так бесцеремонно ворвавшаяся в его сон. Телефон в этой заштатной гостинице был старинный, безэкранный, и это раздражало, хотя, с другой стороны, было совсем неплохо, что собеседница не может видеть Ганшина — в полосатой, не по росту Витькиной пижаме, с опухшей спросонок физиономией. Потом до него наконец дошло, и он заколебался, потому что вовсе не горел желанием вспоминать эту историю, в которой так и осталось что-то непонятное, недосказанное, смутное. И он уже совсем было приготовился повежливее соврать что-нибудь подходящее: простите, мол, срочная командировка, мы же энергетики-международники, сами знаете, жизнь на колесах, так что с удовольствием, но как-нибудь в другой раз...

— Мне нужно знать, как все было, — сказала Ора. — Мне нужно знать.

И столько требовательности прозвучало в этом «нужно», что Ганшин сдался. Раз ей нужно, пожалуйста, он расскажет, он все расскажет, особенно если сообразит, с чего же начать.

Но ничего путного в голову не приходило, и Ганшин начал от Адама, то есть с того самого момента, когда в иллюминаторе межорбитального подкидыша сперва стремительно вырос, а потом, заслоняя Землю, скользнул вниз диск полей гелиостанции и совсем рядом оказался полосатый борт ее корпуса, освещенный мощным кора-

бельным прожектором. Тогда наступила невесомость, и они с Юлькой поплыли в кессон, где здоровенный бортмеханик с неснимаемой — от уха до уха — улыбкой помог им надеть скафандры, проверил жизнеобеспечение и гулко хлопнул по спинам (Юлька отлетела к стене и взвизгнула, а механик, зардевшись, с неожиданной при такой массе прытью смылся внутрь, так и не сказав им на прощание традиционного «Хоп!»).

Ганшин надеялся, что Ора перебьет его, попросит поскорее перейти к тому, главному, хотя бы каким-то наводящим вопросом введет его рассказ в нужное русло. Но она молчала, молчала и слушала, и лицо ее при этом было удивительно живым, остро и быстро реагирующим на каждое его, Ганшина, слово. Только вот не всегда можно было понять, истолковать ее реакцию, но сейчас Ганшин не придавал этому большого значения. Она слушала, и, значит, ей было нужно все, о чем он говорил.

Он подробно описал станцию. Ни к Йензену, ни тем более к этой женщине орбитальная гелиоэлектростанция никакого отношения не имела, если не считать того, что погиб Йензен именно здесь, точнее, по дороге сюда, а женщину эту интересовала гибель Йензена, которого она бросила четыре года назад.

Станция на суточной орбите висела над Сейшельскими островами — этаким паучок с махоньким туловищем и двухкилометровыми ножками. Из брюшка паука высовывался параболоид передающей антенны, а на ажурных фермах ножек была натянута пленка, превращавшая солнечный свет в пятнадцать тысяч мегаватт даровой энергии, непрерывным потоком микроволнового излучения низвергавшейся вниз, в пасть энергоприемника на Сейшелах. Конечно, внешне сходство это было весьма отдаленным, и, чтобы уловить его, требовалась фантазия древнего звездочета, узревшего в ковше профиль Большой Медведицы. Но кто-то все же его заметил, и обе запущенные в рамках программы Международно-

го года развивающихся стран орбитальные гелиоэлектростанции были названы «Арабелла» и «Анита» — в честь крестовиков, когда-то первыми очутившихся в Приземелье на борту «Скайлэба». Полностью автоматизированные, станции лишь раз в два года требовали профилактического осмотра и замены вышедших из строя солнечных батарей, если количество поврежденных ячеек превышало расчетные шесть процентов. Вот на такую-то профилактику, пятую в жизни «Арабеллы», и прилетели сюда Ганшин с Юлькой, более известной в Управлении как «инженер-инженю».

Профилактика — это курорт. Рабочий день — прелесть! — семьдесят две минуты в сутки, пока станция проходит тень Земли. Остальным временем каждый распоряжается по своему усмотрению. Как распорядилась им предыдущая пара, Ганшин выяснил, едва войдя в жилую каюту: он добрых четверть часа ловил порхающие по ней карты, твердо решив сразу же по возвращении узнать имена предшественников и дать им хорошего дрозда, а заодно благословляя предусмотрительность, с которой он оставил Юльку наводить порядок на складе.

О самой профилактике рассказывать Ганшин не стал: рутинка это. Скукота. Иное дело гостевание. Гостевание было плодом его собственных вдохновенных исканий, и он со вкусом живописал Оре, как мучил компьютер астронавигационной службы запросами об орбитах спутников ближайших горизонтов, ловя моменты наибольшего сближения. Среди спутников, которые в моменты противостояния (за точность применения термина Ганшин поручиться не мог, но Ора вряд ли уловила бы эту его вольность) оказывались в пределах досягаемости для маленького двухместного скуттерка «Арабеллы», была обсерватория — орбитальный филиал Памирской. И уже на второй день они с Юлькой отправились туда с визитом. Бездельники в Приземелье — не то что редкость, а попросту явление уникальное, и потому их нео-

жиданный визит застал астрономов врасплох; но ведь в космосе даже месячная вахта — это срок, и любой свежий человек воспринимается чуть ли не как ближайший родственник, по которому до смерти истосковались. И потому радушию хозяев не было предела... Из случайно оброненной кем-то фразы Ганшин и узнал, что на «СОС-третьем» (это ж рукой подать, километров сто в противостоянии!) начальником... кто б вы думали? Ашотик Антарян собственной персоной! Бог ты мой, Ашотик, семь лет за одной партией, нога, сломанная на западном склоне Аханари, а в девятнадцатом — бросок на плотях по Урте... Ну дела! На Земле в одном городе месяцами, да что там — годами времени встретиться не находим, а стоило в Приземелье вылезти — на тебе, сосед, заходи, дорогой, гостем будешь! Во всяком случае, именно так сказал назавтра Ашот, когда Ганшин связался с ним по радио. А без четверти шесть по среднеевропейскому Ганшин уже оседлал скуттер и, подстраховав Юльку для вящей надежности коротеньким фалом, повел его, повинаясь командам астронавигационного компьютера, к той точке, где через четверть часа должен был оказаться «СОС-третий».

Здесь Ганшин дал себе передышку. Ора слушала его по-прежнему внимательно, но теперь он уже и сам чувствовал, что подходит к главному, к тому, что и нужно ей, этой упорной тоненькой женщине с необычным именем. Вот только зачем? Ведь быть не может, чтобы до сих пор любила она Йензена. Бывает, конечно, — бросают, продолжая любить... Но здесь другое! Ганшин нутром чуял это, чуял какую-то противоестественность в настырном ее стремлении знать, да и та Юлькина фраза всплыла вдруг и упорно не хотела уходить. Какая там любовь! Это было любопытство — холодное, хирургически-острое, болезненная почти потребность убедиться в чем-то, может быть, для нее очень важном.

Танцы кончились, и в зале вспыхнул свет. Ганшин хотел было заказать еще по коктейлю, но тут сообразил,

что обедал он часа в два, а посему сейчас самое время поужинать. Он поделился этой мыслью с Орой, и та признала ее полную обоснованность. Тогда, предоставив ей разбираться в меню («Только миног, пожалуйста, не надо. И синтикры тоже»), Ганшин чуть убавил свет ближайшего бра, затем утопил в торец столешницы голубую кнопку изола. С потолка упала тонкая завеса, упершаяся в неширокий желобок, дугой опоясывавший пространство вокруг столика. Завеса была почти прозрачная, но не настолько, чтобы сквозь нее можно было видеть, она была тонкая и живая — пленка воды, непрерывно падавшей с легким, гасящим все посторонние звуки шорохом.

Теперь они были только вдвоем, и заполнившийся уже зал перестал для них существовать. Ора сидела напротив, совсем близко, она склонилась над прорезью, в которой строка за строкой проползало меню. Правая ее рука изредка нажимала клавишу заказа, а левая свободно лежала на столе — узкая кисть с тонкими, нервными пальцами и лекально вычерченными лунками на удлинённых ногтях. Еще час назад Ганшина так и подмывало бы положить на эту руку свою, чтобы почувствовать ее бархатистое тепло, но сейчас что-то сковало его не только в поступках, но и в желаниях; бессознательно он боялся оказаться таким Пигмалионом навыворот, ощутить вместо теплой плоти искристый холод мрамора.

Заметив, что Ора уже закончила заказ и теперь сгоняет меню на ноль, он быстро сунул в прорезь свой кредитный жетон. Поршень податчика засновал вверх-вниз, Ора быстрыми и удивительно экономными (так, наверное, действовал бы идеальный робот) движениями представляла по столу приносимые им тарелочки и чашки, и Ганшин снова залюбовался отточенным совершенством ее рук. Он вдруг подумал, что эти руки ласкали Йензена и где-то в глубине души зашевелилась ревность, древняя и дремучая, особенно болезненная потому, что из-

менить уже было ничего нельзя, все было в прошлом, только в прошлом, над которым не властен никто, кроме мертвого Йензена.

Ганшин собирался за ужином вести разговор светский и легкий, оставив в стороне воспоминания, но теперь ему стало ясно, что с этим надо кончать, кончать как можно скорее, хотя именно эти воспоминания и соединяли их, а потом связь могла оборваться столь же быстро и неожиданно, как возникла. И Ора тоже, как видно, почувствовала это, потому что подняла на Ганшина свои карие с золотистыми искрами глаза и спросила:

— Тогда вы и познакомились с Хорхе?

— Да. Но не сразу.

Потому что в кессоне по всем правилам приземельского гостеприимства их встретил Ашот, и они пошли в его каюту, а двое ребят завладели Юлькой и тут же потащили ее осматривать все, куда можно было сунуть ее курносый нос. И куда нельзя — тоже. Был у Юльки такой дар — пожелай она, и для нее сняли бы даже защитный кожух с реактора, чтобы показать, как оно там, внутри...

А тем временем Ганшин сидел с Ашотом в тесной каюте, которую тот делил со своим заместителем, доктором Йензеном из Исследовательского центра имени Эймса, НАСА. На экране, заменявшем здесь иллюминатор, клубилась под координатной сеткой Земля, то есть, конечно, не вся Земля, а кусок Южной Атлантики, закрытый разводами почти непроницаемой облачности. Изображение было сильно увеличенным, но Ганшина это не удивляло: ведь «СОС-третий», как и оба других спутника Службы охраны среды ООН, занимался наблюдением земной поверхности. Появление орбитальных гелиостанций, потоками микроволнового излучения сильно осложнивших приземельскую астронавигацию, вынудило поднять орбиты постоянных и обитаемых спутников почти до уровня стационарных, и наблюдения те-

перь приходилось вести не столько визуально, сколько инструментально. К тому же нижние горизонты были сильно захламлены старыми, отслужившими свой век спутниками, носителями и их частями, которые сейчас «мирмеки» недавно созданной Службы очистки, в просторечии именуемые мусорщиками, сволакивали в Лагранжевы точки, ставшие первыми в истории внеземными свалками.

Ганшин с Ашотом проболтали часа полтора, не меньше, а потом в дверь просунулась чья-то лопоухая голова, возвестившая, что «ужин подан, джентльмены», и они поплыли в салон, как именовали здесь кают-компанию, где был уже сервирован стол и где собрались все свободные от вахты, а центром внимания — ну как же иначе?! — была Юлька, глядевшая на всех своими большими глазами, и Ганшину в который уже раз стало чуть-чуть тоскливо, потому что на него она никогда не смотрела так.

Ашот представил всех Ганшину. Владелец лопоухой головы оказался старшим оператором комплекса ЕРЕП, доктором Рихардом Вильком из Познанского института экологии; тощий верзила, в патрицианской позе повисший у стола, как выяснилось, был ни много ни мало сэр Роберт Чарлз Ренделл, семнадцатый граф Кроуфорд, эрл Саутбриджский, причем этот самый сэр и эрл нахально и противно ржал, пока Ашот с каменной физиономией произносил неудобоваримую титулатуру; впоследствии, впрочем, сэр и эрл, откликнувшийся в быту на гораздо более банальные обращения «доктор Ренделл» и даже просто Боб, оказался парнем общительным и свойским.

О третьем, докторе Йензене, Ашот уже успел кое-что порассказать. В Службе охраны среды он был притчей во языцех. Полуиспанец-полудатчанин по происхождению и американец по гражданству, Хорхе Йензен окончил Колумбийский университет, получил стипендию Национального фонда поощрения и три года стажировал-

ся у Мрнявчевича в Дубровнике. Потом его пригласили в Центр имени Эймса, откуда впоследствии он и был откомандирован в распоряжение Службы охраны среды ООН. Первые года два он работал, как и все, три раза нес месячные вахты на спутниках — тогда как раз проходил Международный год охраны среды. А потом начались чудеса. Как Йенсен этого добился, осталось тайной, разгадку которой знал только он сам да еще старик Эбервальд. Известно одно: вот уже три года, как Йенсен не возвращался на Землю, за исключением коротких спусков для медицинского переосвидетельствования. На спутниках Службы, где каждый проводил не больше месяца, а своей очереди дожидались многие, это было даже не ЧП, а чудо.

Ганшину Йенсен не понравился. И в словах, и во всем его облике, в манере держаться сквозило этакое ерничанье, от которого Ганшина передергивало, и он мог лишь дивиться долготерпению Антаряна, не только уживавшегося с этим типом, но и относившегося к нему с явным уважением.

— Он превосходный специалист, Коля,— сказал Ашот.— Превосходнейший. Ну а характер... Тут все мы не без греха. В конце концов, не зря же я, психолог, ем хлеб Службы: вот и уживаемся. И неплохо уживаемся, поверь.

Стычка началась внезапно, и Ганшин, увлеченный болтовней с Ашотом и салатом из крабов (к тому же натуральных, а не синтетических), даже не понял, с чего именно. Вполуха он слышал, правда, как Юлька вытягивала что-то из доктора Вилька, которого уже запросто называла Рыхом. Тот, стосковавшись по женскому обществу и млея от Юлькиного любопытства, рассказывал ей об облысении автострад, наблюдением за которым он занимался, а Юлька, хитрюга, конечно, таращилась на него и — вся внимание — даже чуть-чуть высовывала кончик языка, ни дать ни взять школьница, увлеченная списыванием.

Тут-то Йензен и встрял в разговор, причем с ходу в повышенном тоне, словно продолжая какой-то старый спор.

Ну и что? К чему все эти вздохи скорби? Ему, Йензену, например, совершенно непонятно, из-за чего тратить столько эмоций. Ну, облысение автострад. Лес, видите ли, гибнет... Да, гибнет. Ну и что? Это же естественно. С того самого часа, как человек стал человеком, он начал создавать вокруг себя вторую природу. И с того самого момента первая была уже обречена. Это диктуют законы развития нашей цивилизации, столь же объективные, как Ньютоновы. Ибо наша цивилизация — цивилизация технологическая.

Агония первой природы? Ну и что? Ведь на ее месте вырастает вторая, которая и есть единственная настоящая, естественная среда обитания человека. Вот, например, здесь, на спутнике. Где здесь первая природа? Нет ее. А он, Йензен, живет здесь уже три года, и жаловаться ему пока ни на что не приходилось.

Юлька пыталась возражать, ее поддержал сэр и эрл, а с ним еще один из наблюдателей, имени которого Ганшин не запомнил. Но Йензен спорил, и в логике отказать ему было нельзя, хотя то ожесточение, почти озлобление, с которым он говорил, невольно отталкивало, потому что было необъяснимым, словно этот достаточно отвлеченный спор задевал в Йензене что-то глубоко личное, интимное и болезненное.

И когда разошедшийся Йензен стал живописать блестящее человеческое будущее, лирическую сценку из жизни двадцать второго века, любовное свидание парочки, облаченной в изящные скафандры, возлежащей на полиэтиленовой горе у берега радужно-нефтяного океана, Ганшин почувствовал, что больше не может его слушать. Ему было тошно. Он встал, и вместе с ним ушел Ашот, они вернулись в каюту, и Ганшин как-то упустил из виду Юльку, которая снова исчезла с кем-то, удовлетворяя ненасытное свое любопытство.

На борт «Арабеллы» они вернулись всего за полчаса до начала своего семидесятидвухминутного рабочего дня.

Следующие трое суток им все же пришлось потрудиться всерьез, потому что, кроме замены поврежденных ячеек солнечных батарей — квадратных, десять на десять метров полотнищ пленки, покрытой арсенидом галлия, — нужно было еще подготовить станцию к очередной консервации. Уставали они изрядно, к тому же Ганшин был обижен явным Юлькиным невниманием к своей особе. В общем-то ему было наплевать на это, конечно, но немного царапало по самолюбию.

А в субботу вечером Юлька вдруг уединилась в каюте, чтобы через час выйти оттуда в таком виде, что Ганшин аж застонал: куда делся его «инженер-инженю»? Вместо него появилась этакая юная принцесса, перед которой невольно хотелось преклонить колено, салютовать шпагой и вообще... как это?.. «Дайте мне мантилью, дайте мне гитару...» Как она ухитрилась протаскать с собой такое платье, да еще и приделать магнитные подковы к серебряным тувелькам с какими-то хитрыми блестящими пряжками? Куда, ну куда смотрит космодромный контроль?!

Вот оно что! Оказывается, это невинное создание умудрилось договориться об ответном визите, который через час должен нанести им Йензен... Прекрасно. Особенно если учесть, что Ганшин, ее непосредственный начальник, об этом ничего знать не знал.

— А вы слышали о существовании субординации, инженер?

Ганшин чувствовал, что, рассказывая все это, причиняет Оре боль, но не мог уже сдержаться, даже больше, чем стоило, акцентируя этот эпизод. Делать этого явно не следовало, но должен же он был хоть как-то сквитаться с Йензеном, счастливчиком Йензеном, который манил женщин, как манит чаек маяк, мертвым Йензеном, даже сейчас сидевшим за этим треугольным столиком рядом с ним.

В сердцах Ганшин напялил скафандр и вышел в кес-сон, тем более что вчера забарахлил механизм внешней двери. Может, это даже и показалось, но Ганшин решил все же для очистки совести поковыряться в нем. Он ковырялся с полчаса, нашел, в чем дело, но тут — бог знает, как это получилось — у него выпала из рук универсальная отвертка, да еще поводок соскочил с карабина, и она — махонькая серебряная рыбка — улетела куда-то, и ловить ее теперь имело смысла не больше, чем злиться на Юльку. Ганшин вконец расвирепел: ведь об этой ерунде придется докладывать теперь всем и вся, потому что это ЧП седьмой категории, и компьютер астронавигационной службы, оценив предварительно силу и направление броска, рассчитает гипотетическую орбиту этой злосчастной отвертки, и включат ее, грешную, в Женевский каталог под каким-нибудь номером 11788493, где и будет она значиться до тех пор, пока не попадет в трал одного из мусорщиков и сортировщик не сообщит куда следует, что отвертка универсальная с клеймом Пензенского инструментального завода поступила на свалку Лагранж-2... Ганшин задвинул крышку приводного механизма двери и сел на комингс, свесив ноги наружу. Собственно, он, конечно, не сидел, просто такая поза казалась привычнее и естественнее. Непри-
нужденнее.

Так он и сидел, глядя, как глубоко внизу медленно проползают позиционные огни не то межорбитального буксира, не то мусорщика,— в таких тонкостях он разбирался плохо. Потом он взглянул на часы: по расчету времени Йензену пора бы уже появиться. Ганшин поднял глаза и тотчас увидел три огонька,— красный, зеленый и белый пульсирующий,— стремительно несшихся прямо на него. Йензен в самом деле был асом малого пилотажа,— его скуттер шел прямо на открытый люк кессона. Только почему он не снижает скорость? Сбрось, сбрось, болван! Адмиральским подходом блеснуть хочешь, что ли?

Ганшин сам не понял, в какой момент до него дошло, что затормозить Йензен уже не сможет. То ли с двигателем что-то случилось, то ли... Ганшин рванулся, с ходу дал максимальный импульс, потом был удар, его закрутило, понесло, он обеими руками вцепился в раму скутера и только жал и жал на клавишу своего ранцевого движка. Затем он почувствовал, что удалось, что борт «Арабеллы» скользит под ними и, значит, они избежали самого страшного. Наверное, на несколько секунд он все же потерял сознание, потому что позиционные огни станции оказались вдруг уже далеко. Боль чуть-чуть отошла, и Ганшин смог перебраться к пульту управления скутера. С двигателем все было в порядке. Зато Йензен явно был без сознания.

Ганшин примостился сбоку на раме и стал разворачивать скутер к станции, попутно благословляя судьбу за то, что во время этой скачки с препятствиями они не изорвали солнечные батареи. То-то работы было бы! Потом он перетащил Йензена в кессон, кое-как стянул с него скафандр и только тогда — вдруг, разом, — понял, что Йензен мертв. Мертвее, чем вакуум Приземелья.

Все завертелось, потому что смерть — это ЧП первой категории. Через сорок минут примчался Ашот, потом прибыл со стартспутника врач, который смог лишь констатировать то, что было ясно и так, вскрытие же на «Арабелле» проводить было невозможно, и тело (теперь уже просто тело) увезли на стартспутник, откуда ближайший подкидыш должен был доставить его на Землю. И еще была Юлька, в какой-то совершенно нечеловеческой позе вжавшаяся в угол. Она смотрела на Ганшина, но не видела его, и Ганшин не стал подходить к ней. А когда с ней попытался заговорить Ашот, она вдруг негромко, но очень отчетливо произнесла:

— Все-таки она его добила...

— Кто она?

— Неважно. Теперь уже неважно. Но и вы — вы тоже.

Юлька вдруг дернулась, вскочила,— боже, до чего неуместны были сейчас ее платье и эти туфельки со сверкающими пряжками! — уткнулась носом в Ашота и заплакала, совсем по-девчоночьи, всхлипывая и хлюпая носом, и от этого Ганшину внезапно стало легче.

— Ашот,— бормотала Юлька,— вы же психолог, Ашот, как же вы... Ведь он же... Сломанный он был. А вы... Вы его должны были на Землю. Давно уже на Землю. А теперь...

Потом она кое-как успокоилась, выпила какое-то зелье, которое подсунул ей врач со стартспутника, и Ганшин уложил ее в сетку в каюте, и она так и заснула в этом своем платье с высоким стоячим воротником.

Им пришлось задержаться на «Арабелле» еще на два дня, потому что назавтра прибыл с Земли старший инспектор космического отдела Интерпола, до безумия вежливый и обходительный, не то индеец, не то непалец, по имени Рахия Бадхидарма, присланный потому, что умер Йензен, как показало вскрытие, от асфиксии, в то время как баллон был цел и запас кислорода в нем был полным. Ганшин давал показания, потом повторял их уже на Земле и лишь много позже узнал, что все дело было в манометре: крошечный микрометеорит, силы которого едва-едва хватило на то, чтобы пробить стенку манометра и заклинить собой канал, этот микрометеорит убил Йензена, потому что манометр показывал ноль при полном баллоне, а Йензен оказался не в состоянии не поверить прибору — безгрешному регистратору второй природы. И случай этот теперь войдет во все учебники космопсихологии и космомедицины, где появится какой-нибудь «синдром Йензена» или что-нибудь в этом роде.

До самого возвращения на Землю все разговоры Ганшина с Юлькой ограничивались самыми необходимыми бытовыми фразами. И только уже в корабле (со стартспутника на Землю их прихватил рейсовый лунник) Юлька вдруг заговорила.

Они сидели в креслах, в самом конце салона; далеко

впереди, над рядами голов на световом табло горели слова: «Внимание! Пассажиров просят пристегнуть ремни», а ниже выскакивали цифры, показывавшие время, оставшееся до начала посадки: «17.10», «17.09», «17.08»... Юлькин голос был тих, но каждое слово она выговаривала своим цыганским контральто, так не вязавшимся со всем ее обликом инженеру, отчетливо и точно:

— У одного из древних народов, африканских народов, не то в Великом Бенине, не то в Великом Бушонго среди пантеона богов, обычного пантеона, в котором были боги войны, судьбы, любви, был еще один, особо почитаемый — бог Ненастоящего. Каждому, кто поклонялся ему, он давал все. Только — ненастоящее. Но кто может всегда отличать настоящее от ненастоящего? Это был великий бог. И страшный бог. Ему ставили идолов — вытесанные из черного базальта огромные истуканы, в глаза которым вставляли агаты. Идолы смотрели на запад, и заходящее солнце кровавило их черные руки и лица и багровыми огнями полыхало в глазах. Он давал все, этот бог. Только попроси. Но он и брал. Брал жизнь. Настоящую.

Ганшин хотел спросить что-то, но промолчал. Молчала и Юлька — уже до самого Мурзука. Молчала так же, как теперь молчала Ора. Ганшин в упор смотрел на нее, потому что теперь он сказал все, что мог, и было непонятно, что же делать дальше.

— Спасибо,— сказала наконец Ора.

«Все-таки она его добила...» Кого имела в виду Юлька? Вторую природу? Веру в нее? Ору?

Ору. Ганшин понял это вдруг не умом, а интуицией, которой поверил сразу и до конца. Вот сидит она и молчит, женщина, которой так нужно было узнать, как умер человек, брошенный ею четыре года назад. Она узнала. И теперь спокойна, потому что знает, потому что все ясно, потому что... Ганшин не додумал до конца. На миг почудилось ему, что это она, Ора, стоит лицом к закату, и последние солнечные лучи кровавят ее узкие

пальцы и багрово отблескивают в почему-то не карих, а черных глазах.

— Еще раз спасибо.— Ора задумчиво крутила в пальцах пустой фужер.— И простите, я отняла у вас столько времени...

По тону, по взгляду Ганшин понял, что перестал существовать для нее.

Он встал.

— Пустяки. Прощайте, Ора.

Он плечом прорвал тонкую водяную пленку и пошел через зал, снова погруженный в полумрак и наполненный танцующими парами. Только танцевали сейчас что-то быстрое. Он шел, лавируя между людьми, стряхивая на ходу брызги, орденской перевязью осевшие на пиджаке, а там, позади, оставалась женщина, хрупкая и сильная, влекущая и убивающая. «Все-таки она его добила...» Ненастоящая женщина с ненастоящей любовью. Женщина, с которой можно умереть от одиночества.

Ганшин вышел в холл. Здесь было светло и прохладно. Он похлопал себя по карманам, потом подошел к стоявшему у стены автомату, сунул в прорезь кредитный жетон и, подождав секунду, вынул из лотка пачку в хрустящей обертке. На ней был изображен череп с дымящейся сигаретой в зубах. Почти Веселый Роджер. Антиреклама. Ганшин хмыкнул, распечатал пачку и закурил.

На улице было уже темно. Ганшин с минуту постоял на ступеньках, потом зашагал по извивающейся дорожке, выложенной белыми квадратными плитками. По сторонам матово отблескивали корой в свете повисших над шоссе «сириусов» березы. Ганшин остановился и приложил ладонь к стволу. Кора была нежная, чуть бархатистая и прохладная. Настоящая.

Ганшин вспомнил руки Оры, руки, двигавшиеся с таким нечеловеческим совершенством, каким мог бы обладать робот или ангел; ее лицо, напряженно-внимательное и такое чужое... Что же надо сделать с человеком,

чтобы он перестал верить даже себе? Бог Ненастоящего... И в Приземелье нашел он своего должника. Ганшин бросил окурок и растер его подошвой. Метафизика! Юлькины бредни.

Хватит! Задел он эти чужие судьбы — и будет. Незачем копаться в них. Все равно никогда и никто не узнает, что же получил — пусть ненастоящее — от этой женщины Йензен и за что он заплатил такой ценой. Или — вернуться?

У самого выхода на шоссе стояла телефонная будка — плексигласовый колпак на трубчатых стойках, похожий на пузырек паука-серебрянки. Ганшин нырнул в этот пузырек, набрал номер. Ему долго не отвечали. Он насчитал восемь, девять, десять гудков... Потом трубку сняли.

— Слушаю.

Ганшин молчал.

— Алло! — Потом требовательнее:— Алло! Ну говорите же!

Ганшин подождал еще секунду, потом повесил трубку. Что он мог сказать сейчас Юльке?

Ганшин вышел из будки и медленно, а потом все быстрее и быстрее зашагал по шоссе к городу. Он убегал, зная, что прав, что так и надо, и зная, что никогда не простит себе этого бегства, убегал, гоня перед собой то исчезающую, то выраставшую чуть ли не до бесконечности тень.

ЧАСТЬ I

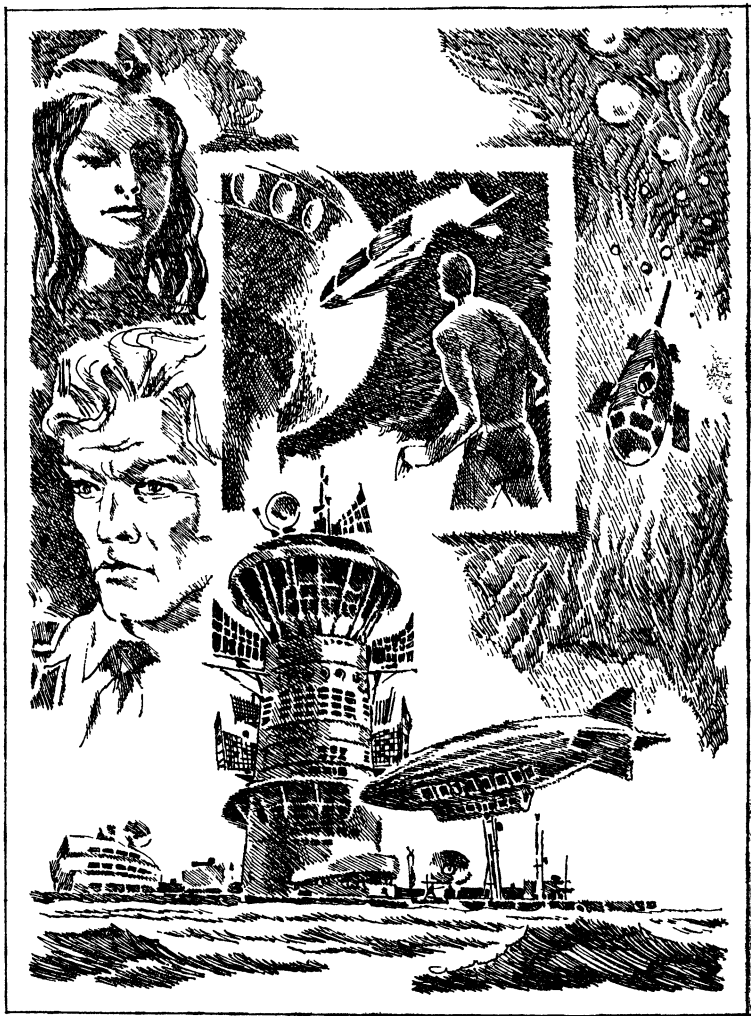
МАЙСКИЙ ДЕНЬ

О ВСЕХ КОРАБЛЯХ УШЕДШИХ В МОРЕ,
О ВСЕХ ЗАБЫВШИХ РАДОСТЬ СВОЮ
А. Блок.

I

В это майское утро все было прекрасно: и море, очень синее и очень спокойное, такое спокойное, что кипящие кильватерные струи из-под раздвоенной кормы «Руслана» уходили, казалось, в

бесконечность, тая где-то у самого горизонта; и небо, очень синее и очень прозрачное, с удивительно уютными и ручными кучевыми облачками, томно нежившимися на солнце. От палубы пахло совсем по-домашнему, как от пола в той допотопной бревенчатой хоромине в Увалихе, где Аракелов отдыхал прошлым летом. Каждое утро хозяйка, баба Дуся, болтливым коlobком катавшаяся по дому, мыла некрашеный, отполированный годами и шагами пол, надраивала его голиком, и вокруг распространялся аромат дерева, солнца и воды... Собственно, почему солнца? И почему воды? На этот вопрос Аракелов ответить не мог. Ему так казалось — и все тут. Этот запах будил его, он еще несколько минут лежал, вслушиваясь в мерное шарканье голика и невнятное пение-бормотание бабы Дуси, и его наполняло чувство полного и отрешенного отдыха.

Так оно было и сейчас. Свои шестьсот часов он отработал. Теперь можно позволить себе роскошь поваляться в шезлонге в тени «Марты», глядя, как сливаются и тают вдали пенные полосы, говорливо рвущиеся из-под кормы; можно почувствовать себя на борту «Руслана» просто пассажиром, таким пресыщенным туристиком, совершающим очаровательный круиз «Из зимы в лето». Шестьсот часов — по шестьдесят на каждой из десяти глубоководных станций программы — дают на это право. Жаль только, кейфовать ему недолго: завтра «Руслан» зайдет на Гайотиду-Вест, а оттуда на перекладных — сперва дирижаблем «Транспасифика» до Владивостока, потом самолетом — Аракелов за три дня доберется домой. А там и до отпуска рукой подать...

Эх! Аракелов с удовольствием потянулся, заложил руки за голову и стал смотреть, как резвится в полукабельтове от борта «Руслана» небольшая — голов двенадцать — стайка дельфинов-гринд. Здоровенные зверюги чуть ли не в тонну весом вылетали из воды, с легкостью заправских балерин совершали этакий «душой исполненный полет» и гладко, почти без брызг возвра-

щались в море. Это выглядело так противоестественно, что невольно захватывало дух.

Через полчаса Аракелову пришлось все же встать и вслед за неумолимо сокращавшейся тенью передвинуть шезлонг метра на два в сторону, под самый бок «Марты». Аракелов похлопал рукой по прохладному металлу ее борта: «Лежи, лежи, чудовище, мы с тобой славно поработали. Только тебе еще маяться и маяться, а я уже все. Впрочем, тебе-то что, ты железная... Это про нас только говорят, что мы железные. А на самом деле мы вовсе не железные. Мы черт знает насколько не железные. Не то что ты! А пока отдыхай... Сколько ж тебе отдыхать? Дня два, пожалуй. Помнится, следующая станция милях в пятидесяти севернее Караури. Точно, два дня. Значит, когда ты пойдешь туда, вниз, я буду спокойненько перекусывать где-нибудь в буфете...»

«Марта» была батипланом из третьего поколения потомков «Алвина» и «Атланта». Маленькая двухместная машина, скорее похожая на самолет, только с перевернутым почему-то вниз хвостовым оперением. Этаким несуразный пятиметровый самолетик, тяжеловесный такой самолетик, даже на взгляд тяжеловесный, хотя в воде он и мог дать сто очков форы любому истребителю. «Ну это я, пожалуй, подзагнул,— подумал Аракелов.— Это слишком. Но все равно, посудинка хороша». Недаром она неизменно вызывала завистливые вздохи коллег с «Гломара Саммерли» и «Ашоки», с которыми «Руслан» встретился в море. Аракелов снова нежно погладил рукой стальной борт.

В сущности, их ничто не связывало. «Марта» работала только в верхних горизонтах, до семисот метров, тогда как Аракелов — глубинник — редко ходил меньше, чем на тысячу. И все же... Все же оба они были оттуда. Аракелов — наполовину человек, наполовину батиандр, одушевленная машина для исследования глубин; «Марта» — глубоководный аппарат, который Аракелов с удо-

вольствием очеловечивал. В чем-то они были близки друг другу...

Аракелов достал из-под шезлонга предусмотрительно припасенный термос, налил в стаканчик соку,— стаканчик мгновенно вспотел,— выпил и поставил термос на крыло «Марты». Крыло было массивное, короткое, и это больше всего отличало «Марту» от самолета. Зато пара манипуляторов, выдвигавшихся как раз там, где у самолета шасси, усугубляла сходство. Перебирая эти сходства и различия, Аракелов запутался окончательно. «И ладно,— лениво подумал он.— Похожа, не похожа... Ну и что?»

По узкому трапу с ботдека спустилась Марийка и, улыбаясь, пошла к Аракелову. Аракелов помахал ей рукой. Он прикрыл глаза, но из-под приспущенных ресниц откровенно любовался ею. Высокая, статная, она была Аракелову выше плеча — это при его-то ста девяносто восьми! Но самым удивительным в ней была походка — не женщины, а феи-акселератки, из тех, что в лунные ночи танцуют на лесных полянах, и под их хрустальными туфельками не сминается трава...

Марийка вытащила из щели между тупым носом «Марты» и лебедкой второй шезлонг и разложила его рядом с аракеловским.

— Ж-жарко,— выдохнула она.— Я посадила Володьку за обсчет, а сама сбежала... Отдыхаешь, дух?

— Угу-м,— неопределенно промычал Аракелов.

Духами называли батияндров. Повелось это с тех пор, как кто-то из газетчиков окрестил их «духами пучин», антиподами «ангелов неба» — космонавтов. «Ангелы неба и духи пучин»... Чье это? Из какого-то стихотворения... Аракелов попытался вспомнить, но не смог. А может, и не знал никогда. Впрочем, «небеса» и «пучины» в обиходе быстро отпали, но «ангелы» и «духи» прижились. Тем более что флотские традиции живучи и с исчезновением пароходов и кочегаров надо же стало называть кого-то духами...

— Попить-то дай,— сказала Марийка. Именно сказала, а не попросила и даже не приказала.— Что там у тебя? Небось опять соки?

— А как же... Грейпфрут и манго. Упоительное сочитанье. Услада желудка.

— Так угостишь?

Марийка медленно, с видимым наслаждением выпила коктейль и протянула Аракелову пустой стакан...

— На, забери... услада желудка. И куда же ты теперь?

— В Ленинград, куда ж еще. Отчитаюсь, а там и отпуск.

— И сколько тебе набежало?

— Дней пятьдесят... Точно не знаю, не считал еще. А что?

— Так просто... Решил уже, куда поедешь?

— Нет,— сказал Аракелов, хотя перед глазами его мгновенно прокрутилась целая короткометражка: пронизанный солнцем сосновый бор, тот, что километрах в трех к северо-западу от Увалихи, мягкий, пружинящий под ногами, словно хорасанский ковер, мох, в котором кеды утопают по самые наклейки на щиколотках, одуряющий смолисто-хвойный запах... И чуть впереди — шагов на десять, не больше — Марийка, в синих джинсах и свитерке, с волосами, тщательно упрятыми под косынку... Такой он ее никогда не видел. Но такой она должна была быть — там, в Увалихе, вместе с ним. Каждое утро просыпаться под бабы Дусино пение, пить парное молоко и до одури бродить по лесу, а иногда уходить с палаткой или даже без, просто так, с одеялом в скатке, чтобы ночевать у костра где-нибудь на берегу Щучьего озера... Отпуск! Если бы он получился таким!

— Нет,— повторил Аракелов.— Ничего я еще не решил. А ты? У тебя ведь тоже отпуск?

Марийка кивнула.

— Не знаю... Море надоело. В горы податься, что ли? Вот ребята на Памир зовут... Искупаемся, а? — Это

было сказано безо всякого перехода, с естественной для Марийки непоследовательностью.

— Давай,— сказал Аракелов.— В бассейне, по-моему, никого.

— Ага,— отозвалась Марийка.— Сейчас. Лень вот что-то. Уходить не хочется. Да и разговор у нас с тобой увлекательный. Интеллектуальный.

— Просто на диво интеллектуальный,— согласился Аракелов.— Душу радует и умы волнует. Так что давай иди.

— И пойду. Вот только посижу еще немного.

— Сиди,— милостиво разрешил Аракелов.— У тебя программа когда кончается?

— Через две недели.

— И в институт?

— Конечно.

— Ясно.— Аракелов помолчал.— Я тебя встречу, пожалуй. Если, конечно, в городе буду. Ты самолетом?

— Самолетом.

Они помолчали. Потом Марийка спросила:

— Ты уже завтракал?

— Нет еще. А ты?

— Тоже нет. А неплохо бы...

Аракелов посмотрел на часы.

— Еще минут сорок.

— Да, сейчас бы... Чего бы это такого? Котлет, например, картофельных с грибным соусом, а? Как ты думаешь?

— Не знаю. Я их последний раз пробовал года четыре назад. В Таллине. В столовой на Виру.

— Никогда не была в Таллине.

— Кстати, о котлетах. Я, между прочим, по пельменям большой специалист. Как ты к ним относишься?

— Положительно.

— Это хорошо. Терпеть не могу, когда услладу желудка приносят в жертву сохранению фигуры...

— Ничего с моей фигурой не будет.

— Так придешь ко мне на пельмени?

— В шесть часов вечера, после отчета?

— Точно.

— Я подумаю.

— Только не слишком долго. Мне ведь всего два дня осталось. Даже полтора, собственно.

«Если она согласится прямо сейчас,— загадал Аракелов,— то все будет. И то, что было, и то, чего не было. И Увалиха будет. И отпуск. И все, все, все...»

Но прежде чем Марийка успела открыть рот, наверху, на ботдеке, всхрапнув, проснулся громкоговоритель:

— Аракелова на мостик! Аракелова на мостик!

Аракелов чертыхнулся.

— Иди,— сказала Марийка.— Иди. Мастер * ждать не любит.

— Что там еще стряслось?

— Вот потом и расскажешь. Иди. А я пока смесь твою допью. Договорились?

— Договорились,— кивнул Аракелов.— Так как насчет пельменей?

— Я подумаю.

— Подумай,— сказал Аракелов. Он безнадежно вздохнул и встал.— Ну я пошел.

Марийка смотрела на него снизу вверх, и лицо у нее было... Аракелов так и не успел определить, какое, потому что вдруг — неожиданно для самого себя — наклонился и поцеловал ее. Губы у нее были мягкие, прохладные, чуть горьковатые от сока.

— Убирайся,— шепотом сказала Марийка, отталкивая его.

Но интонация совсем не соответствовала смыслу слов.

Аракелов выпрямился и не оборачиваясь зашагал

* Мастером на международном судовом жаргоне называют иногда капитана (авт.).

по палубе. Не оборачиваясь, потому что обернуться было страшно.

Уже у самого трапа на мостик он нос к носу столкнулся с одним из трех радистов «Руслана».

— Что там стряслось, Боря?

— Мэйдэй *, — коротко ответил тот и, довольно бесцеремонно отодвинув Аракелова, побежал дальше.

Мэйдэй! Только этого не хватало! Что там еще стряслось?

II

— Еще кофе, капитан? — Кора держала в руке кофейник — удлиненный, изящный, с эмблемой «Транспасифика» на боку: стилизованное кучевое облачко, кумула-нимбус, намеченное небрежными, округлыми голубыми линиями, на нем — маленький золотой самолетик со стреловидным оперением, а надо всем этим — восходящее солнце, которому золотые лучи придавали сходство с геральдической короной. Такой же знак был и на чашке, которую Стентон решительно отодвинул.

— Нет, спасибо. Докурю и пойду в рубку. Давно пора бы появиться этому чертову тунцелову...

— Не волнуйтесь, капитан, — Кора улыбнулась. Она всегда улыбалась, называя его капитаном, отчего уставное обращение превращалось чуть ли не в интимное. На Стентона эта ее улыбка действовала примерно так же, как стеклянный шарик провинциального гипнотизера: притягивая взгляд, она погружала Сиднея в какое-то подобие транса. Он, правда, старался не выдавать себя,

* Радиотелефонный сигнал бедствия. Состоит из слова MAYDAY, повторенного три раза и слова ici («здесь»). Полный аналог радиотелеграфного сигнала SOS. Иногда сигнал «мэйдэй» буквально переводят с английского как «майский день», хотя подобное толкование неверно, как неверно и распространенное толкование сигнала SOS — «спасите наши души». На самом деле оба сигнала подбирались по удобному созвучию и сочетанию знаков азбуки Мозре (авт.).

по вряд ли это удавалось ему успешно. Во всяком случае, он был уверен, что Кора прекрасно все замечает.— Ну, потеряем мы полчаса, там наверстаем потом...

— Так-то оно так...— отозвался Стентон. Кора перестала улыбаться, наваждение прошло, и он снова ощутил глухое раздражение.— Так-то оно так...— повторил он и с силой ткнул сигарету прямо в золотое солнышко на дне пепельницы.— Но все-таки... Спасибо, Кора. Я, пожалуй, пойду.

Он поднялся из-за стола. Кора тоже. Немногим женщинам идет форма, Стентон знал это прекрасно, но про Кору сказать такого было нельзя. Как, впрочем, было нельзя и сказать ей об этом: в бытность свою стюардессой она наслушалась еще не таких комплиментов... Кора быстрым движением поправила — непонятно зачем, подумал Стентон — свою короткую и густую гриву цвета дубовой коры.

— Пойдемте, капитан! — Удивительно, сколько оттенков можно придать одному и тому же слову! Теперь оно прозвучало как-то залихватски, вызвав в памяти призраки капитанов Мариэтта и Майн Рида, но сквозило в нем и скрытое уважение, объясняемое не только субординацией.

— Вы к себе, Кора?

— Да. С Факарао передали список грузов, надо прикинуть, что куда...

С таким суперкарго, как Кора, не пропадешь. У нее было какое-то чутье, интуитивное ощущение корабля: почти без расчетов она всегда могла точно указать, в какой из тринадцати грузовых отсеков дирижабля и в какое место этого отсека надо уложить тот или иной груз, чтобы обеспечить равномерность нагрузок. Однажды Бутч Антрейт, второй пилот и большой любитель всяческих пари, взялся проверить ее работу на корабельном компьютере. В итоге ему пришлось угостить Кору обедом в уютном болгарском ресторанчике в Окленде, причем хитроумная Кора пригласила весь эки-

паж, благо условия пари предусматривали такой обед, «какой она захочет». Получилось, надо признаться, весьма неплохо... Пожалуй, именно в тот вечер Стентон впервые обратил на нее внимание — не только как на первоклассного суперкарга.

— Хорошо,— сказал Стентон.— Посылка для тунцелова готова?

— Конечно, капитан.— Кора вышла из салона. Стентон последовал за ней, невольно скользя взглядом по линиям ее фигуры и ощущая при этом волнение, ставшее уже каким-то привычным, чуть ли не ритуальным. В сущности, ему надо было только сделать первый шаг, в этом он был твердо уверен. И так же твердо уверен он был и в том, что шага этого не сделает. Может быть, потому, что, как и большинство мужчин, боялся сравнения, а Коре было с кем сравнивать. Возможно, были и другие причины, о которых не подозревал и он сам. Главное же — сейчас он не имел на это права. Потому что женщины не любят неудачников — за тем, разве что, исключением, когда неудачники эти остро нуждаются в сочувствии и жалости. Стентон же в них не нуждался. По крайней мере, он старательно и успешно убеждал себя в этом.

Он быстро прошагал через весь коридор, бегом спустился по винтовой лестнице на грузовую палубу «В» и распахнул дверь рубки.

Пассажиры на транспортных дирижаблях — явление почти исключительное. Иногда это бывают сопровождающие при грузах, еще реже — какие-нибудь особые представители различных ведомств, по тем или иным причинам не имеющие возможности воспользоваться пассажирскими рейсами. И когда они появляются на борту, их специально приводят сюда — позабавиться и посмотреть на реакцию. Как правило, реакция, увы, не страдает разнообразием: нервная икота, легкий сердечный приступ... И неудивительно: сразу же за овальной металлической дверью начинается ничто, по которому,

однако, спокойно расхаживает экипаж и в котором свободно висят пульта, штурвалы, кресла... Даже опытным пилотам, впервые попадающим на дирижабли, стоит некоторого труда преодолеть психологический барьер и шагнуть на абсолютно надежный и бесподобно прозрачный пол рубки, незаметно переходящий в стены. Зато здесь действительно чувствуется полет — не то что в тесной кабине самолета или ракеты. Ты висишь на высоте трех-пяти километров, нет ни вибрации, ни рева двигателей, и земля плавно скользит под тобой, земля близкая и прекрасная, а не та, далекая и почти чужая, какой представляется она со стационарной орбиты...

Бутч Андрейт оторвал лицо от нарамника умножителя и обернулся к командиру:

— Есть. Вот он, голубчик. По дальномеру — двадцать две мили.

Стентон кивнул:

— Давно пора. И так мы уже выбились из графика... Кой черт его сюда занесло! Тридцать с лишним миль от точки randevu! Ты связался с ним, Джо? — обратился он к радисту.

— Только что. Капитан приносит извинения. Они готовы.

— Хорошо. Заходи на подвеску, Бутч.

Стентон подошел к своему креслу и сел, положив руки на подлокотники: по традиции посадку всегда осуществляет второй пилот, и Сидней всем видом показывал, что происходящее его не касается, он просто любуется панорамой океана. В кресле справа Бутч Андрейт положил руки на штурвал. Горизонт медленно и плавно пополз вверх — совсем немного, настолько, что дифференс на нос почти не почувствовался. Молодец, подумал Стентон, на постепенной смене эшелона они выиграют по крайней мере четверть часа. При таком дифференсе на вертикальный спуск уже непосредственно над тунцеловом останется метров полтора, даже сто... Ювелир! Скорость падала одновременно с высотой, теперь суде-

нышко уже было видно невооруженным глазом, и не точкой, а четким силуэтом.

— Генеральный груз *...— брюзгливо проговорил Андрейт, глядя прямо перед собой. Его большие руки, казалось, совершенно спокойно и неподвижно лежали на штурвале, но Стентон легко различал под этим мнимым спокойствием готовность к моментальному движению.— Генеральный груз, черт бы его побрал...

— Не ворчи, Бутч.— Стентон оттолкнулся руками от подлокотников и встал.— Думаешь, на пассажирском веселее было бы? Утешал бы ты сейчас на палубе «Лидо» какую-нибудь дебелую матрону, для которой мал бассейн или вода в нем не той температуры...

— Может быть... Да только утешать старую каргу и то веселее, чем развозить посылочки по тунцеловам...

— А ты взгляни с другой стороны, Бутч. В этой посылочке — не одна сотня спасенных дельфиновых жизней.

— То есть?

— А ты даже не поинтересовался, что там?

— Зачем, собственно?

— Это ультразвуковой пугач для дельфинов. Они попадают в тунцеловные кошелки. Что-то около десяти тысяч в год. А такой пугач их отгонит.

— Любопытно,— сказал Андрейт безо всякого энтузиазма.— Знаешь, Сид, за что я тебя люблю? За идеализм. Дельфинчики... Между прочим, ты потому и на Кору смотришь только с двух кабельтовых...

— Стоп,— оборвал его Стентон. Оборвал, пожалуй, даже резче, чем хотелось.— Хватит, Бутч. Займись-ка лучше подвеской, пора...

Во втором трюме его встретили Кора и один из матросов ее команды. Стентона всегда забавляло смешение морских и авиационных терминов на дирижаблях: пилот

* Генеральный груз — разнородный груз, доставляемый в разные адреса (авт.).

и матрос, швартовка и взлет... Одно слово — воздухоплавание!

— Зависнем через минуту-другую,— сказал Стентон. Кора кивнула.

— Мы давно готовы.

Дирижабль быстро пошел вниз, это чувствовалось даже в наглухо закрытом и лишенном иллюминаторов трюме — по характерному ощущению, знакомому всякому, кто спускался в скоростных лифтах; кажется, шахтеры называют его «подпояской». Стентон сказал об этом Коре, она улыбнулась, но улыбка сейчас получилась чисто формальной, надетой: было время работы.

— Как передаем? — спросил Стентон.— На палубу?

— На воду,— ответила Кора.

Это было много проще. Значит, не нужно зависать точно над судном, достаточно сбросить контейнер где-то рядом, пускай парни с тунцелова выуживают его сами. С легким металлическим шорохом почти у самых ног Стентона раздвинулись створки малого грузового люка — квадрат два на два метра, сквозь который стали видны волны. Казалось, Стентон смотрел на них с балкона третьего этажа какого-нибудь приморского отеля. Сбоку, на самом краю поля зрения, виднелся тунцелов — черный корпус, белые надстройки, желтая палуба... До него было меньше кабельтова.

Матрос легко скантовал к люку ящик и столкнул вниз. Стентон проводил посылку взглядом. Еще в воздухе вокруг контейнера вздулись два поплавка — тугие ярко-оранжевые колбасы, заметные даже издали. В тот же миг металлические створки сомкнулись, и после дневного света белые плафоны осветительной сети показались тусклыми и унылыми. Дирижабль уже дал ход, как вдруг пол под ногами легко дрогнул, потом надавил на подошвы — не то чтобы сильно, но так, что Стентон успел это почувствовать. Значит, их подбросило. По ощущению — метров на тридцать-сорок.словно сбросили аварийный балласт. Впрочем, никакого аварийного бал-

ласта на дирижаблях «Транспасифика» нет — не та конструкция. А значит...

Уже у самых дверей рубки Стентон ощутил второй толчок, слабее первого.

Дирижабль, спускаясь, описывал циркуляцию малого радиуса. Под самым полом рубки проскользнули мачты тунцелова, потом Стентон заметил на поверхности океана — впереди по курсу и румба на три вправо — яркий кружок, раскрашенный черно-оранжевыми секторами: Бутч сбросил сигнальный буй. Это второй толчок. А первый?

— Седьмой трюм, Сид,— не оборачиваясь, сказал Андрейт.— Сработал большой люк.

Стентон уже сидел в своем кресле. Он протянул руки и вдавил клавишу селектора:

— Командир к суперкарго. Кора, что было в седьмом трюме?

Хотя Кора ответила почти мгновенно, он все же успел подумать, что седьмой трюм — это хорошо, потому что это самый маленький из всех тринадцати грузовых отсеков дирижабля. И еще он успел обругать автоматику, потому что самопроизвольное открытие большого люка — это... А если бы открылся люк второго трюма, пока они стояли там и провожали взглядом посылку...

— Седьмой трюм,— сказала Кора.— Глубоководный аппарат «Дип-Вью — 10 000». Отправитель — компания «Корнинг гласс уоркс». Владелец — ПУТЕК*. Адресат — океанографическая лаборатория Международной базы Факарао.

— Спасибо.

— Почему «было», Сид? — спросила Кора, но Стентон ее уже не слушал.

— Кора, через пять минут я буду в седьмом трюме. Прошу вас быть там же. И прихватите сопровождающе-

* ПУТЕК — Pacific Undersea Test and Evaluation Center — Тихоокеанский центр подводных исследований и измерений (авт.).

го фирмы, как его — Кулиджа? — Он отключил селектор. — Подвесимся над буюм, Бутч. Джо, свяжись с базой Факарао и с управляющим перевозками. Я пойду посмотрю, как все это выглядит на месте.

Кора ждала его сразу за дверями трюма.

— А Кулидж где? — спросил Стентон. Он прошелся по трюму — люк уже был закрыт, и, казалось, здесь ровным счетом ничего не произошло. Все было как положено. Вот только... Это что такое?

В самолете количество проводов измеряется десятками километров. В дирижабле — сотнями. Но чтобы провода, да еще так небрежно, явно на скорую руку сплетенные, выходили из распределительной коробки и волочились по полу...

— Что это такое?!

— Капитан... — Кора стояла перед ним, и в лице ее было что-то неживое. — Кулидж... там.

У Стентона заныли скулы:

— Где?

Кора молча показала рукой вниз.

Так! Стентон понял, что это конец.

— Зачем?

— Ему нужно было что-то проверить... Он попросил разрешения поработать в аппарате, и я... Я разрешила.

Стентон положил руки ей на плечи.

— Вот что, Кора. Запоминайте. Это приказ. Вы ничего не знали. Это я дал разрешение Кулиджу работать в аппарате во время транспортировки. Поняли? Я. А вы ничего не знали.

Стентон резко повернулся и вышел из трюма. Картина была до отвращения ясной. Этот идиот залез в свой «Дип-Вью», разряжать аккумуляторы ему жалко стало, и он присоединился к бортовой сети. Нашел распределительную коробку, руки бы ему, подлецу, оторвать, подсоединился, запитал внешние вводы аппарата... А когда замкнул цепь, автоматически сработал замок люка. Смотреть надо, куда присоединяешься, болван!

Дуракам счастье, подумал Аракелов. Плюхнуться с дирижабля в Тихий океан — и угодить на плоскую вершину гайота *... То же самое, что выпрыгнуть из самолета над Ленинградом и угодить в собственную постель... Свалился он в километре к северу, югу, востоку или западу, все равно — и не пришлось бы сейчас даже помышлять о спасательных работах. Ведь «Дип-Вью» рассчитан на десять тысяч футов, грубо говоря, — на три километра. А глубина в этом районе вдвое больше... Впрочем, не такое уж счастье: сидеть, потирая синяки, и смотреть, как медленно истощается твой жалкий кислородный ресурс.

— Мы к ним ближе всех, — сказал штурман. — Два с половиной, максимум три часа фул-спита **. Отозвался еще какой-то японец, у него донный робот-двухтысячник на борту, но ему идти минимум часов семь. Так что рассчитывать на него не приходится.

— Сейчас туда идут две патрульные субмарины из отряда Гайотиды-Вест. Буй с маячком с дирижабля сбросили, но точного места это не дает, только ориентировочный квадрат поиска... Если патрули обнаружат этот самый «Дип-Вью», они сэкономят нам, по крайней мере, час работы, а то и больше, — добавил капитан.

Зададаев, руководитель группы подводных работ экспедиции, или, по его собственному определению, «оберсубмаринмастер», хлопнул Аракелова по плечу:

— Итак, вводные, Александр Никитич. «Дип-Вью» лежит на грунте ориентировочно на глубине девятисот метров. Кислородный ресурс аппарата — девять часов, энергетический запас — семьдесят два часа, последнее, впрочем, принципиального значения не имеет. Самостоятельно отделить аварийный балласт и всплыть Кулидж

* Г а й о т ы — плосковершинные подводные горы, открыты Хесом во время второй мировой войны (авт.).

** Ф у л - с п и т — полный ход.

не может — аппарат к погружению подготовлен не был, не вынуты контрольные чеки. По данным, сообщенным фирмой-изготовителем, всего контрольных чек девять. Таким образом, ваша задача сводится к следующему: обнаружить глубоководный аппарат, вынуть контрольные чеки и подать сигнал Кулиджу; если он почему-либо не сможет включить систему отделения балласта, осуществить это снаружи. Все.

Аракелов кивнул. Ясно. В принципе — простейшая спасательная операция в горизонте ноль девять — один ноль.

— Тогда пошли,— сказал Зададаев.— Лучше подготовиться заранее, чтобы к подходу была готовность ноль.

— Международники,— ворчал Аракелов, выходя вслед за Зададаевым из рубки.— М-международники, чтоб им... Голубой флажок с глобусиком... Эмблемочка! Другую бы им эмблемочку!

— Какую? — полюбопытствовал Зададаев.

— Лебедь, рак и щука на лазоревом поле.

Зададаев коротко хохотнул.

— За что вы их так, Александр Никитич?

— Вечно у них ЧП на ЧП... Кто в лес, кто по дрова. А потом люди тонут. Нет, ну какой болван пустит инженера обслуги в аппарат во время транспортировки? Под суд за это надо! Я ж говорю — лебедь, рак и щука на лазоревом поле...

— А равнодействующая куда?

— Туда, куда я полезу. На дно. К дедушке Нептуну.

— Ладно,— сказал Зададаев.— Не ворчите. Вот выручим парня, тогда лайтесь, сколько влезет.

— И облаюсь,— пообещал Аракелов.— Всенепременнейше. Чтобы всей этой банде Факарао жарко стало.— Это ему понравилось, и он повторил: — База Факарао... Не база, а банда.

Они вышли на крыло мостика. Зададаев остановился

закуривая. Аракелов посмотрел вниз, на палубу. Отсюда она просматривалась вся — широкая, прямоугольная, что было немаловажным преимуществом перед другими исследовательскими судами. «Руслан» приходился не то внуком, не то правнуком «Эксперименту», первому двухкорпусному судну, и оправдывал себя, пожалуй, с еще большим блеском, чем предок. На корме, возле уткнувшейся носом в лебедку «Марты», в этом ракурсе казавшейся какой-то кургузой, все еще сидела Марийка. Только теперь она перетасила шезлонги — оба, почему-то отметил Аракелов, на другой борт. Яркая ткань шезлонгов отчетливо выделялась на фоне металлической трапеции слипа. Вся палуба «Руслана» была обычной, пластик под дерево, но слип на корме состоял из склепанных металлических листов. Он был чертовски многоголосым, этот слип. Аракелов вспомнил, как скрежетала сталь, когда слип спускался к воде, превращаясь в пологий пандус, как повизгивали колесики тележки, на которой «Марта» медленно съезжала в море, притормаживая поющим от напряжения тросом... И как стонал он потом, когда «Марта» возвращалась, подтягиваемая лебедкой, под аккомпанемент натужного хрипения храповика... Недаром за этим местом утвердилось на «Руслане» название «музыкальный салон».

Зададаев тронул его за плечо.

— Ну, пошли, Александр Никитич?

Они спустились на главную палубу.

— Вот что, — сказал Аракелов. — Вы идите, Константин Витальевич, командуйте там, а я еще задержусь немного. Время есть.

Зададаев кивнул, ушел, и Аракелов отправился на корму. Марийка поднялась ему навстречу, и они встали рядом, облокотясь на планширь. Море было все таким же синим и спокойным, дельфины все так же неумимо резвились в полукабельтове от «Руслана», и вообще ничего не изменилось из-за того, что где-то там, в ста с небольшим милях к востоку и почти на километровой

глубине лежал на боку (Аракелов и сам не мог взять в толк, почему именно на боку, но виделось ему только так) стеклокерамический кокон «Дип-Вью», а в нем этот лопух Кулидж считал оставшиеся ему часы. Часы, оставалось которых только чуть больше восьми. Если, конечно, его не вытащат. Аракелов смотрел на море, но видел уже не томную, блаженную гладь, а ту черную, тугую, холодную бездну, в которой он окажется через несколько часов. В этой бездне можно работать, может быть, даже жить, но привыкнуть к ней нельзя, пусть тебя уже семь лет называют «духом пучин». Это не воды шельфа, это бездна, и в ней нельзя полагаться ни на что, ни на зрение, ни на слух, только легкий зуд эхолотатора указывает путь — как в детской игре «холодно, холодно, холодно, теплое, еще теплее, горячо, совсем горячо...».

Сейчас Аракелов был уже не здесь, но еще и не там, и здесь его удерживало только Марийкино присутствие. Она поняла это.

— Ну ты иди. Я тоже пойду займусь делом. Мне надо в «Марте» посидеть, на следующей станции она по моей теме работать будет. Ты сюда с собой приемника не брал?

— Нет.

— Жаль. Ну да ладно, схожу к себе. Все под музыку веселее будет. Знаешь, совсем не могу в тишине. Нужно, чтобы фон был. Ну иди, иди, все равно тебя уже нет.

— Я буду вечером,— сказал Аракелов.

— Ты же устанешь, как бес.

— Все равно. Вечером я буду. А сейчас в самом деле пойду.

В холле перед кают-компанией сидели вертолетчик Жорка Ставраки, Генрих и двое ребят из палубной команды. Когда Аракелов поравнялся с ними, Жорка приветственно помахал рукой:

— Везет же тебе, дух! Нырнешь сейчас — и еще три

дня к отпуску набежит... Нам бы так, простым смертным...

Аракелов остановился:

— Ну давай поменяемся. Я здесь за тебя потреплюсь, а ты за меня вниз сходи, ладно?

— Ха, кто меня пустит? Я бы и рад...— Жорка развел руками.— Да и вообще, не люблю я этого — темно и сыро. Летать рожденный нырять не может!

— Летать!— Генрих могучей рукой шлепнул Жорку между лопаток.— Порхатель ты, ясно?— и, обращаясь к Аракелову, спросил:— Заглянешь вечером?

— Не знаю,— отозвался Аракелов.— Там видно будет...

Он помахал Жоре рукой и сбежал по трапу вниз, в «чистилище».

«Чистилищем» его называли не зря. Потому что прежде всего Аракелова в течение получаса чистили всеми известными современной медицине способами, в том числе и весьма далекими от эстетики. Потом он ел горьковато-солоноватый баролит, чувствуя, как все внутренности наполняются чем-то упругим, пухнувшим и тяжелеют. Казалось, больше нельзя проглотить ни грамма, но надо было съесть еще как минимум полкило, и он глотал, морщась, с трудом подавляя тошноту, глотал, потому что знал: каждый, нет — один-единственный несъеденный сейчас грамм, там, внизу, обретет имя «смерть».

Теперь все подчинялось жесткому, до долей секунды расписанному графику. Прямо из-за стола его под руки повели в «парилку», где на него со всех сторон обрушились горячие волны вонючего пара, впитывавшегося в тело, в каждую пору кожи, нещадно щипавшего слизистую носа и глаз, из которых горохом скатывались слезы. Это продолжалось сто тридцать пять секунд, а потом пол под ним начал проваливаться, и Аракелов ухватился за поручни, окружавшие пятачок, на котором он стоял, не потому, что спуск был резким, а потому,

что его шатало. Теперь нужно было сделать три шага к люку «купальни». Три шага. Первый. Второй... Теперь люк. Два оборота влево. Ручка на себя. Вперед. Снова ручки на себя. Два оборота вправо. И вот он внутри. Теперь уже обратного хода нет. Впрочем, обратного хода не было с той секунды, когда он проглотил первый грамм баролита.

Еще два шага. Эти шаги всегда даются особенно тяжело. И — бассейн. Мерзкая, маслянистая, желеобразная масса, в которую плюхаешься, как в болото. Она чавкает, глотая тебя, и ты начинаешь глотать ее, дышать ею, делать самое, казалось бы, противоестественное, и весь организм, весь, до последней клетки бунтует против этого, но ты все равно дышишь и глотаешь, глотаешь и дышишь, и постепенно становится все легче, легче, постепенно тело приобретает звенящую и упругую силу, ловкость, это приходит на исходе третьей минуты, и этот момент тоже пропустить нельзя. Надо быстро выбраться из бассейна — обратно в сухой объем «купальни». Впрочем, сухим его назвать трудно, потому что с потолка сейчас низвергается не душ — настоящий тропический ливень, смывающий с тебя остатки гнусного желе. Под секущими струями этого дождя нужно сделать еще три шага — к люку баролифта. Опять два оборота влево, ручки на себя, вперед, снова ручки на себя... Этот люк двойной, и всю операцию приходится повторять снова. Но это уже конец. Теперь ты в самом баролифте, где светло и уютно, а давление поднято до того уровня, который будет ждать тебя внизу.

Ты ложишься на диван, вернее, он только называется диваном, на самом деле это весьма неудобное сооружение, гибрид прокрустова ложа со стандартной больничной кушеткой, и диван обнимает тебя десятками датчиков, щупальцами, лентами, и это надо терпеть полчаса, пока контроль не удостоверит, что с тобой все в порядке и ты готов к выходу вниз.

А когда полчаса кончаются, вся эта сбруя отпускает

тебя, как щупальца осьминога, которому нажали на хрящевой колпачок, и ты встаешь. Уже не человек, не тот Аракелов, который восемьдесят минут назад вошел в «чистилище», — батияндр, «дух пучин», покрытый гладкой, жирно блестящей, маслянистой на ощупь кожей, с выпученными немигающими глазами, с пленкой между пальцами рук. Теперь снаряжение: моноласт, шлем, браслеты — эхолокатора, компаса и глубиномера, — пояс с ножом и сеткой...

Ну вот ты и готов, Аракелов. Теперь остается ждать.

«Слава богу, — подумал Аракелов, — что Марийка не видит меня сейчас...»

Он подошел к телетайпу (для батияндра разговоры на акустике невозможны), подумал с минуту, перебирая пальцами над клавиатурой, потом отстучал коротко: «Скоро?»

Скорее бы! Чтобы баролифт пошел вниз, а там открыть люк — и к себе. Он так и подумал: к себе. И поразился, поймав себя на этой мысли.

За прозрачным окошком поползла лента: «До подхода сорок минут».

Сорок минут! Сидеть и ничего не делать, ждать, ждать, ждать... О чем они там думают? Аракелов стал проверять снаряжение. Попробовал, хорошо ли фиксируется в ножнах кинжал и достаточно ли свободно выходит; проверил на упругость моноласт, подумал, потом взял другой из сменного комплекта, попробовал тоже, в конце концов остановился на первом и снова убрал в рундук запасной. И только тогда, подняв голову, увидел, что сигнальная лампочка телетайпа нервно мигает.

IV

Серебристая изнанка морской поверхности беззвучно лопнула, и с обзорного экрана ударил в центральный пост ослепительный солнечный свет. Несколько секунд

Джулио делла Пене, щурясь, привыкал к нему, потом поднялся, разминая затекшие от долгого сидения ноги, в два шага пересек тесную рубку и, встав на нижнюю ступеньку трапа, стал открывать замок люка. Одновременно с последним — шестым — поворотом штурвальчика кремальеры и мелодичным контрольным звонком тяжелой стальная крышка резко откинулась и замерла, как поставленная на ребро монета.

В тот же миг в лодку хлынул воздух, и делла Пене почувствовал, что пьянеет. Так пьянеешь от первой затяжки, когда несколько суток не курил.

Тридцать четыре года над головой делла Пене распахивались люки подводных лодок. Самой первой была старенькая дизель-электрическая, доживавшая последние годы в учебном отряде. Мало кто сегодня помнит эти корабли-ветераны — длинные и узкие, как барракуды, с высокими боевыми рубками и стомиллиметровым оружием на палубе... Но именно на такой — даже не ракетной, а еще торпедной лодке молоденький гардемарин делла Пене ушел в свой первый учебный поход... Потом были другие — могучие атомные левиафаны, в которых чувствуешь себя Ионой во чреве китовом, причем не просто Ионой, а Ионой-долгожителем, особенно к концу десятимесячного автономного плавания. И наконец, был «Тельхин». Красавец «Тельхин», воплощение целесообразности и мощи — двадцать четыре ракеты «Редикул-4А», двадцать четыре месяца автономности и всего двадцать пять человек команды, подобранной зато один к одному; офицерская лодка — две дюжины офицеров и он, командир «Тельхина», капитано ди фрегатто Джулио делла Пене... Чем, ну чем уступал «Тельхин» какому-нибудь «Микеланджело» или «Рафаэлю»? Плавательный бассейн и теннисный корт на подводной лодке — мог ли представить себе такое даже бессмертный создатель «Наутилуса»? Какими же убогими показались после этого контр-адмиралу делла Пене юркие субмарины Океанского Патруля, отдаленные потомки «Биберов» и

«Зеехундов»! Впрочем, за восемь лет он почти свыкся с ними.

Тридцать четыре года... И каждый раз, когда лодка всплывала и распахивался люк, делла Пене замирал, вдыхая морской воздух, впитывая его всем существом, купаясь в нем, потому что, как бы ни была чиста и свежа внутрикорабельная атмосфера, кондиционированная, ароматизированная и еще черт знает какая, в ней неизбежно ощущался привкус искусственности. Никакими ухищрениями химиков его не удавалось отбить. А морской воздух... Попробуйте неделю-другую посидеть на оборотной воде, а потом вдоволь напиться ключевой.

До сеанса связи оставалось тринадцать минут. Собственно говоря, делла Пене всплыл чуть-чуть рановато, но в последние годы он изредка позволял себе подобные вольности. Тем более что там, внизу, кругами ходила вторая субмарина его звена.

Делла Пене поднялся по трапу и сел на верхней ступеньке, опершись спиной на откинутую крышку люка. Из нагрудного кармана рубашки он вынул сигареты и зажигалку. Зажигалка была французская, напалмовая — опять же использование военной техники в мирных целях. Вечные времена... Делла Пене улыбнулся и закурил.

Океан был спокоен и ласков. Именно таким должен был увидеть его пять веков назад великий португалец, чтобы наречь Тихим. Будь вода чуть зеленее, а волна чуть короче, — и делла Пене смог бы вообразить себя сидящим не на башенке патрульной субмарины, а где-нибудь на берегу Лигурийской Ривьеры. Стоит повернуть голову направо и посмотреть вдоль пляжа, как взгляд натолкнется на впившийся в горизонт зуб небоскреба Итальянской телефонной компании.

Впрочем, делла Пене не любил тешить себя иллюзиями. Не пристало это военному моряку. Даже, если он уже восемь лет не военный моряк. Даже, если военного флота уже не существует...

Пора! Делла Пене спустился вниз, сел в кресло. Несколько движений — и над субмариной взвился антенный зонд, а прямо перед делла Пене осветилась небольшая панелька рации.

— Патруль шестнадцатый в квадрате РХ вызывает Гайотиду-Вест. Как слышите меня? Прием.

Гайотида ответила сразу же. Из динамика донесся голос дежурного диспетчера — сегодня это был Захаров.

— Гайотида-Вест к патрулю шестнадцатому. Слышу вас хорошо. Прием.

— Докладываю: патрулирование во вверенном мне квадрате РХ закончено. Прошу разрешения на передислокацию в квадрат QX. Прием.

Делла Пене был не прочь поболтать с Захаровым, может быть, договориться о встрече вечером — посидеть, сыграть в шахматы или го — два старика, два адмирала. Только Захаров был в прошлом вице-адмиралом и держал свой флаг не на подводной лодке, а на крейсере. Но, во-первых, связь запрещено использовать для личных разговоров, а во-вторых, слишком въелась в делла Пене привычка ни о чем не говорить по радио клером*.

— Шестнадцатый, передислокацию запрещаю.

Значит, какое-то изменение в обычной, рутинной патрульной службе. Руки действовали сами, в автономном режиме: правая включила вызов ведомой субмарины по гидроакустическому каналу и, как только на панели акустической связи замигала квитанционная лампочка, перебросила вверх тумблер ретранслятора: теперь Чеслав услышит все, что будет говорить диспетчер Гайотиды: левая одновременно включила бортовой магнитофон, а когда Захаров назвал координаты района поисковой операции, сразу же перенесла их в память курсопрокладчика.

* К л е р о м — открытым, незашифрованным текстом (авт.).

— ...по обнаружении глубоководного макаемого * аппарата «Дип-Вью» всплыть на поверхность и вступить в радиокontakt с советским научно-исследовательским судном «Руслан». Позывные «Руслана»...

Делла Пене, продолжая слушать, встал и задрал люк,— вот когда теснота патрульных субмарин даже удобна. Потом вернулся в кресло.

— Как поняли меня, шестнадцатый? Прием.

— Гайотида-Вест, вас понял. Следующая связь — вне графика. Прошу вести дежурство на моей волне. Прием.

— Добро.— И совсем уже не по-уставному Захаров добавил, не удержался-таки, старый черт: — Славную работенку я тебе сосватал, адмирал? Отведи душу!

И делла Пене стал отводить душу. Это было подлинно блестящее аварийное погружение: еще не успела вернуться в свое гнездо зонд-антенна, как лодка встала почти вертикально, так, что делла Пене удерживался в кресле только благодаря пристежным ремням, и, ревя обеими турбинами, стремительно пошла вниз, словно над ней кружил бомбардировщик, в любую секунду готовый сбросить кассету глубинных бомб. «Такой маневр был бы не под силу даже «Тельхину»,— подумал делла Пене. Мысль эта была одновременно и горькой и гордой.

На пятистах метрах делла Пене выровнял субмарину и лег на курс, идти которым предстояло теперь минут тридцать-сорок. Он по гидроакустике связался с Чеславом. Собственно, до выхода в район поиска этого злополучного «Дип-Вью» им не о чем было договариваться, так как вся захаровская инструкция была записана и на бортовой магнитофон ведомой лодки. Поэтому делла Пене уточнил дистанцию между лодками — место ведомого было на полмили позади и на три кабельтовых

* Аппараты для глубоководного исследования делятся на автономные, то есть способные самостоятельно передвигаться под водой (например, батискаф), и макаемые — все время связанные с надводным кораблем (например, батисфера) (авт.).

правее ведущего в том же глубинном поясе. По выходе в район поиска они должны были сблизиться и работать в более тесной паре. Конечно, по гидроакустике можно было бы и просто поболтать, но делла Пене этого не хотелось. В сущности, он недолюбливал Чеслава, хотя упрекнуть его в каких-либо служебных просчетах при всем желании не мог. Просто его раздражал этот тощий, вечно лохматый парень, всюду шлявшийся в расстегнутой до пупа рубашке-безрукавке и бежевых шортах с разрезами на боках. К тому же Чеслав не знал ни слова по-итальянски, так же как делла Пене по-чешски, и объясняться им приходилось на английском. Правда, с Захаровым тоже... Но Захаров — это Захаров, и с ним они вечером обязательно сыграют в го. С Чеславом же они слишком разные люди. Чеслав — просто молоденький подводник, кончивший двухгодичные курсы Океанского Патруля. А Захаров, как и делла Пене, потомственный военный моряк.

Потомственный... Сколько же поколений рода делла Пене связало себя с морем? Поколений двадцать, если считать по четыре на столетие. Первым был Пьетро делла Пене, который командовал галерой в армаде Андреа Дориа и потерял руку в абордажном бою с пиратами алжирского султана Барбароссы Второго. Потом были другие, множество других, пока очередь не дошла до Луиджи делла Пене, который первым изменил морской поверхности ради глубин. Именно он, Луиджи, сперва вытащил из затонувшей подводной лодки последнего оставшегося в живых члена экипажа, а потом, пройдя боновое ограждение Александрии, торпедировал английский линкор «Вэлиент». Мало кто из них, этих бесчисленных делла Пене, был похоронен в семейном склепе на кладбище Кампо Санто. Там спали вечным сном рыцари и художники, купцы и аббаты, жены и дочери рода делла Пене. Правда, на многих могильных камнях можно было прочесть и имена моряков, но надгробия эти являлись лишь символами, ибо не может человек уйти

из этого мира бесследно. Ибо должна существовать могла в освященной земле, пусть даже в могиле этой покойся не тело, а лишь проэлла, маленький восковой крест с именем того, кто погиб в море. А тела лейтенантов, капитанов и адмиралов делла Пене, зашитые в парусину с тридцатистеффунтовым ядром или тяжелым колосником в ногах, соскальзывали с перекинутой через планширь доски, чтобы через десятки лет раствориться в морской воде, превратиться в нее, окончательно соединив себя с Мировым океаном.

Впрочем, это не его судьба. Джулио делла Пене еще через два-три года окончательно выйдет в отставку и вернется в родную Геную, чтобы спокойно доживать век в уютной квартире одного из домов на Бернабо-Бреа...

Как и большинство, подавляющее большинство профессиональных военных, делла Пене ненавидел войну. Потому что это грязное ремесло. Потому что это страшное ремесло. Но пока оно существовало, кто-то должен был этим заниматься. И этим занимались из поколения в поколение делла Пене, род не самый известный и не самый славный, но всегда стоявший плечом к плечу с Дориа и Магелланами, стоявший насмерть, недаром девизом их было «Семпер фиделис» *. Делла Пене помнил, какая волна радости захлестнула его десять лет назад, когда был наконец подписан Договор о всеобщем и полном разоружении. Эта волна подняла его, — и не только его, но и всех, кто был тогда рядом с ним, а было это в Рио-де-Жанейро, куда «Тельхин» зашел с дружественным визитом, — бросила на берег, и была музыка, и были крики, и костры на площадях, и незнакомые целовались с незнакомыми, и тогда он ни разу не подумал о том, а что же будет дальше. Впрочем, дальше ему повезло: не в пример многим, кому пришлось просто выйти в отставку и доживать свое на берегу, еле сводя концы

* Семпер фиделис (Semper fidelis — латин.) — всегда верный.

на половинном окладе, или искать себе другую профессию, ему удалось попасть в Океанский Патруль, почти не изменив ни флоту, ни субмаринам.

И сейчас его субмарина, насадно воя обеими турбинами, ввинчивалась в толщу воды, раздвигая ее, а вместе с ней — незримый прах поколений военных моряков делла Пене.

Когда взрыв разворотил турбинный отсек субмарины и вода под давлением в полсотни атмосфер ринулась внутрь лодки, круша все на своем пути, делла Пене не успел подумать о том, что и ему не придется ложиться в склеп на кладбище Кампо Санто. В его распоряжении оставалось около пяти секунд, и за это время он включил гидроакустику и отдал команду Чеславу. Потом переборка за его спиной лопнула, и вода ворвалась в центральный пост.

Если бы Чеслав был военным моряком, привыкшим автоматически выполнять любой приказ, возможно, он остался бы в живых. Но он был лишь выпускником курсов Океанского Патруля. И пока смысл отданной команды доходил до него, он не раздумывая бросил свою лодку вперед, туда, где раздался взрыв. Он не мог понять логики приказа, он не мог уйти, когда там, впереди... И уже бессмысленно жал и жал от себя дошедшую до упора рукоятку, турбины не выли — визжали в немыслимом, невозможном, форсированном режиме, визжали еще целых четыре минуты, пока новый взрыв не заставил их замолчать.

▼

«Только этого мне и не хватало,— подумал Аракелов.— Только этого... Но чего? Что могло случиться и что случилось там, внизу? Связи с патрулями не было. Все, чем мы располагаем пока — два подводных взрыва с интервалом в четыре минуты. Два взрыва в том самом районе, где должны были находиться субмарины. Так

что пока еще ничего не известно. Может быть, пройдет еще полчаса, и субмарины всплывут, и свяжутся по радио с Гайотидой или с нами и доложат об обнаружении «Дип-Вью». Да,— подумал Аракелов,— может быть». Но он знал, что быть этого не может. Просто потому, что там, внизу, вероятность благоприятности всегда меньше половины. Просто потому, что если там что-то происходит, то происходит самое худшее из возможного. И чутьем опытного батияндра Аракелов понимал, что патрули уже никогда не выйдут на связь. Это были не эмоции. Это было знание, пусть даже знание интуитивное.

Но взрывы, взрывы? При чем здесь взрывы? Это нужно было понять прежде всего. Нужно было думать, думать, думать. Так же, как думают сейчас наверху, на мостике и в пультуовой, так же, как ломают сейчас головы на Гайотиде-Вест.

Аракелов положил руки на клавиши телетайпа.

«Вас понял. Когда выйдем в точку?»

«Через двадцать минут».

«Следующая связь через двадцать минут. Если не будет новых данных. Конец».

«Вас понял».

Аракелов отошел от телетайпа.

Взрывы, взрывы... Какие еще сюрпризы преподнесла на этот раз пучина? Сюрпризы — это в ее характере. Сволочном ее характере. Это только для тех, кто плавает по поверхности или погружается в батискафе или субмарине, море — однородная среда с повышающимся пропорционально глубине давлением. Для того чтобы понять характер пучины, надо стать батияндром, надо войти в нее, слиться с ней, но не отождествляя себя с этой массивной, тяжелой, холодной и бесконечно чуждой средой, а противопоставляясь ей. Стать духом пучин, оставаясь человеком, только так можно познать характер моря.

Но... какого же характера этот новый фокус? Что могло погубить две субмарины?

Патрульные субмарины Аракелов прекрасно знал. Мощные, надежно защищенные одноместные корабли, оснащенные турбинами Вальтера, маленькие и верткие, способные проникнуть в любую расселину, в любой подводный каньон в пределах своего горизонта. А горизонт у них не бедный — полторы тысячи метров вниз. До сих пор они считались практически абсолютно надежными. За последние десять лет было всего три случая их гибели, причем две лодки просто-напросто выбросило на берег цунами, а третью по собственной глупости загубил сопляк-стажер. Мелкие аварии — другое дело. Мелкие аварии бывали. И всегда объяснялись либо техническими причинами, либо неумелыми действиями водителей. И то и другое возможно всегда. Но гибель двух лодок сразу? У двух лодок не может быть двух одинаковых дефектов. Два водителя не могут ошибиться одинаково, по шаблону. Во всяком случае, вероятность этого исчезающе мала. И считаться с ней, пока существуют более вероятные объяснения, не стоит.

Значит, поищем причину вовне. А может быть, рано все же искать причину? Вдруг взрывы эти не имели никакого отношения к субмаринам, и через какие-нибудь пятнадцать-двадцать минут они восстанут из мертвых и заговорят со своей базой или с нами? Заговорят, всплыв на поверхность или выйдя в эфир через буйковые радиогидроакустические ретрансляторы? «Это было бы прекрасно,— подумал Аракелов.— Это было бы просто замечательно». И даже не потому только, что два водителя, два здоровых и веселых парня с Гайотиды-Вест оказались бы живыми тогда, когда он мысленно уже похоронил их. Но и потому еще, что операция по спасению «Дип-Вью» снова стала бы заурядной. Тогда как сейчас... А что, собственно, сейчас, после гибели субмарин?

Только то, что, если погибли две, погибнет и третья. О себе Аракелов пока не думал, о себе думать было рано — выходить ему предстояло еще не сейчас.

Он встал, подошел к телетайпу.

«Связь с Гайотидой-Вест. Срочно».

«Вас понял».

Аракелов поднял глаза на табло часов. Цифры секунд менялись томительно медленно, как отснятые на рапиде. Наконец пультовая доложила:

«Гайотида-Вест на связи».

«Что предпринято для поиска и спасения погибших субмарин?»

Аракелов знал, что официально субмарины еще не считаются погибшими или даже пропавшими без вести: рано. В конце концов эти взрывы не аргумент. Но он прекрасно знал и другое — Зададаев, который сейчас сидит на связи, найдет нужную формулировку для запроса. Ему же, Аракелову, искать формулировки сейчас было некогда.

«В квадрат поиска направляются два звена патрульных субмарин из смежных квадратов».

«Срочно остановить их. Дать общий вызов через все буйковые радиогидроретрансляторы».

«Зачем?»

«Там, где погибли две...»

«Погибли?»

«Уверен».

«Понял». — Зададаев не первый год работал с духами и верил их чутью не меньше, чем приборам.

«Где погибли две, погибнет третья».

«???»

«Гипотеза. Но риск слишком велик».

«Вас понял».

«Где бы они ни находились, пусть всплывают на поверхность и возвращаются на Гайотиду. Или ложатся в дрейф. Конец».

Аракелов посмотрел на часы. Итак, у Кулиджа кислородного ресурса остается на пять часов. Пять часов с минутами, которые не делают погоды. А у него, Аракелова, остается часа три. Часа три на то, чтобы понять,

что же происходит там, внизу. Когда эти три часа кончатся, он в любом случае пойдет вниз. Это первая заповедь всех, кто ходит вниз: для спасения человека должно быть сделано все. Даже бессмысленное уже. Не только живого, но и мертвого нельзя оставлять его там. Потому что тогда не пойдет вниз другой. Только этот неписанный закон дает людям уверенность. И нарушить его Аракелов никогда не решился бы. Через три часа он пойдет вниз, даже если его ждет судьба двух погибших субмарин. Через три часа, потому что не меньше часа ему понадобится на саму операцию, а на всякий случай нужно взять двойной запас времени. Но эти три часа, которыми он еще волен распоряжаться, должны быть использованы до конца. А это значит — думать, думать, думать...

Аракелов оперся руками на станину телетайпа и так и замер, согнувшись, словно стараясь прочесть на остановившейся мертвой ленте что-то очень и очень важное. Внезапно лента тронулась:

«Внимание. Сейчас дадим изображение».

«Понял. Жду».

Аракелов поднял голову к экрану, выступавшему из стены над пультом телетайпа. Изображение уже появилось: в бледном свете прожекторов медленно уползало назад дно, покрытое похожим на мелкий белый песок глобигериновым илом. Там и сям извивались пяти- и восьмилучевые офиуры, а среди разбросанных по дну морских огурцов медленно ползали похожие на улиток гастроподы. Колония губок напоминала клумбу тюльпанов; они на добрый метр тянулись вверх и мягко покачивались из стороны в сторону. А рядом, наполовину уйдя в ил, лежали два неправильной формы куска металла. Первый мог быть чем угодно или остатком чего угодно. Но второй... Теперь гибель по крайней мере одной из патрульных субмарин стала фактом. Патруль борт шестнадцатый... Аракелов на миг склонил голову, а когда снова поднял ее, то металлических обломков на

экране уже не было — только ил, редкие кругляши полиметаллических конкреций да раскоряченные звезды офиур...

Патрули погибли. И тогда он — единственный ба-тиандр. Единственный. Значит, выручить Кулиджа должен он. Только он. А для этого он должен уцелеть.

Он вызвал Зададаева.

«Что с японцем?»

«В четырех часах хода. На него не рассчитывай».

«Что с патрулями Гайотиды?»

«Всплыли и дрейфуют. Изображение мы транслировали и на Гайотиду».

«Вас понял».

Аракелов подумал с полминуты, потом решил.

«Мне нужна «рыбка».

«Рыбкой» именовали в быту второй глубоководный аппарат «Руслана». Настоящее его название состояло из семи букв и четырех цифр, причем буквы шли в такой последовательности, что произнести больше трех подряд не сумел еще никто. Зато на рыбу он действительно был похож: четырехметровая серебристая сигара аппарата сплющивалась с боков, рули направления и глубины напоминали плавники, хотя и непропорционально маленькие для такой туши, а спаренные объективы стереоскопической телекамеры довершали сходство — этакие немигающие бездонно глупые рыбы глаза. Обычно «рыбка» тащилась за «Русланом» на буксире, выдерживая заданную глубину, но иногда ее спускали с привязи, и она плавала на свободе, повинаясь только приказам собственного недоразвитого — истинного рыбьего — электронного мозга.

Именно это и было нужно теперь Аракелову.

«Вас понял», — ответил Зададаев.

«Заглубите ее на шесть сотен. Потом спиралью радиусом порядка километра — вниз до девяти. Анализы — стандартный набор. Акустический контакт — непрерывный. Жду. Конец».

«Понял,— отстучал Зададаев.— Добро».

Изображение на экране медленно смещалось — «Руслан» отрабатывал на самом малом ходу. В блеклом эллипсе электрического света проплывало дно. Фиксация: ерунда, какая-то старая канистра. Рядом с ней — бутылка. Дальше... Фиксация: еще один металлический обломок... Дальше...

Пять минут... Десять... Пятнадцать... «Рыбка» уже заглубилась на шестьсот метров и сейчас начала описывать первую циркуляцию — битком набитая электроникой торпеда, оставляющая за собой цепочку пузырьков отработанного кислорода.

Двадцать минут... Двадцать пять... Время, время, время! У Кулиджа оставалось всего двести пятьдесят пять минут. Следовательно, у Аракелова — сто тридцать пять. А потом — вниз.

Только бы «рыбка» прошла!

Лента в окошке телетайпа дернулась и поползла:

«Нету «рыбки», Саша.— Всего второй раз за три года совместной работы Зададаев назвал его по имени.— Взорвалась. На втором витке».

«Понял».

На самом деле Аракелов ничего не понимал. Что происходит? Что там за чертовщина? Но понять можно было одним-единственным способом — думать. Думать. И еще раз думать.

А что думает сейчас в своем стеклянном пузыре Кулидж? Что думают наверху, в пультовой, Зададаев и ребята? И что думают на Гайотиде-Вест?

VI

В тринадцать ноль-ноль пришел сменщик, и в тринадцать пятнадцать Захаров, сдав дежурство, закрыл за собой дверь диспетчерской. От затылка поднималась и растекалась по черепу тупая боль. В ушах резкими арит-

мичными толчками отдавался ток крови. Пожалуй, давно уже его не прихватывало так крепко.

Захаров постоял несколько минут, потом осторожно пошел по коридору, следя за тем, чтобы шаги получались ровными и размеренными: так было легче. Свернув за угол, он оказался у дверей, ведущих на террасу. Услужливая пневматика распахнула стеклянные створки, и он вышел наружу, на прохладный ветерок, от которого стало легче дышать. Он сел на деревянную скамью и достал из внутреннего кармана плоскую коробочку. Стараясь не делать резких движений, Захаров вынул из нее две ампулы, взяв их в левую руку, убрал коробку обратно, потом приставил ампулы присосками к шее — сразу под обрезом волос. Через минуту ампулы отпали, как насытившиеся пиявки. Теперь оставалось только посидеть с четверть часа, пока скажется действие лекарства. Захаров расслабился и стал ждать.

Скамейка купалась в тени — солнце стояло на юге, и башня Гайотиды закрывала его. Широкая полоса тени, отбрасываемой башней, падала на воду и на понтоны волновой электростанции.

Мимо прошла группа туристов — человек десять-двенадцать. Судя по нескольким долетевшим до него словам, это были испанцы. «Впрочем, — подумал Захаров, — мало ли где говорят по-испански...» Ему и самому случилось водить по Гайотиде туристские группы, и он назубок знал весь набор восторгов и цифр, который обрушивается на головы охочих до экзотики туристов. Гайотида — восьмое (девятое, десятое — смотря на чей счет) чудо света. Гайотида — самая крупная международная стройка. Стройка века. Ура, ура, ура! Впрочем, если отбросить иронию, это и в самом деле грандиозно — бетонная башня диаметром в двести с лишним метров, основанием упершаяся в плоскую макушку гайота почти на километровой глубине, а вершиной поднявшаяся чуть ли не на сотню метров над уровнем океана. Гигантский промышленно-научный комплекс, создать который удалось

лишь совместными усилиями более чем десятка стран. Собственно, Гайотида — это название собирательное. Так называется целый искусственный архипелаг из четырех однотипных станций-башен, удаленных на полтораастадвести миль друг от друга. Каждая из них имеет собственное наименование: Гайотида-Вест, Гайотида-Норд и так далее.

Несколько десятков лет назад, вскоре после открытия Хессом гайотов, появилась гипотеза о существовавшей некогда в Тихом океане великой суше — Гайотиде, от которой до наших дней только и дошли гайоты да жалкие островки Маркус и Уэйк. Кто его знает, была ли такая земля. Слишком уж их много, этих гипотетических Атлантид, Пасифид, Микронезид и прочих -ид. Но Гайотида была построена, хотя до сих пор многие не уверены, что создание ее оправдается — пусть даже в самом отдаленном будущем.

А экономика — это все. И потому, кроме донных плантаций и комбинатов по добыче из воды редкоземельных элементов, кроме волновых и гелиоэлектростанций, сделавших Гайотиду энергетически автономной, кроме лабораторий, мастерских и эллингов Океанского Патруля, здесь появились туристские отели и искусственные пляжи, бары и магазины сувениров, потому что туристов тянет на свежатину, а с собой они приносят доллары, иены, фунты и франки, и не считаются с этим, увы, нельзя.

Группа давно уже прошла, а Захаров все еще сидел, расслабившись, глядя прямо перед собой, пока не почувствовал, наконец, что боль начала спадать, а потом ушла совсем, оставив только легкую тошноту и тяжесть в голове. Тогда Захаров встал и, войдя внутрь, подошел к ближайшему телефону. Разговор был коротким. Потом скоростной лифт за каких-нибудь полторы минуты вознес его на четырнадцатый этаж. Здесь были кинозалы, тансинги и бары.

«Коралловый грот» — излюбленное место туристов —

изнутри был отделан настоящим кораллом. Сам бар находился как бы в огромном стеклянном пузыре, за стенками которого в ярком свете хитроумно запрятанных ламп шныряли между ветвями полипов пестрые коралловые рыбки.

«Черная шутка» — так называлась когда-то бригантина одного из известнейших пиратов, де Сото. Удивительно, как живуча эта флибустьерская романтика! Разлапистые адмиралтейские якоря, пушки и горки чугунных ядер, грубо сколоченные столы и бочонки вместо стульев, официанты в красных платках с пистолетами за поясом и обязательной серьгой в ухе — с каким восторгом клюют на это до сих пор!

Но те, кто работает на Гайотиде, не бывают здесь. Может быть, сперва... А потом — потом идут в «Барни-бар».

Когда-то Барни был одним из лучших фрогменов — боевых пловцов американского военного флота. Потом он завел себе бар где-то на Восточном побережье, а при первой же возможности перебрался сюда. Он сразу понял, что среди всей этой экзотики нормальным людям нужен самый обычный бар, обычная стойка, обычные столы и кресла. И не просчитался.

Захаров вошел в бар. Здесь было прохладно — кондиционеры работали на полную мощность — и почти пусто. У стойки сидел Аршакуни с чашкой кофе в руке и негромко беседовал о чем-то с Барни. Захаров поздоровался с ними.

— Что стряслось, Матвей? — спросил Аршакуни.

До чего же трудно говорить! Горло сжало, и слова приходилось проталкивать — так бывает при хорошем гипертоническом кризе.

— Джулио, — сказал Захаров. — Джулио делла Пене и Чеслав Когоутек. Погибли. Полтора часа назад. — Последние слова он произнес по-английски, чтобы Барни понял тоже.

Аршакуни встал.

— Я не знал,— сказал он.— Я был в ремонтном... Как?

— Взорвались.

— Как?!

— Не знаю. И никто пока не знает...

«Да, Джулио,— подумал Захаров,— помнишь, как не хотел ты ложиться в фамильный склеп на Кампо Санто? Будь ты сейчас здесь, ты выпил бы с нами традиционные три глотка морской воды,— если бы не вернулся кто-то другой. Если бы ты был с нами... И если бы не я сам послал тебя туда! «Славную работенку я сосватал тебе, адмирал? Отведи душу!» Ты не отвел, ты отдал ее, Джулио...»

— Почему те, кто погибает, самые лучшие? Сколько нас было и есть, и прекрасные люди, но те, кто погиб,— лучше?

Аршакуни посмотрел на Захарова своими темными глазами — посмотрел пристально и добро.

— Мы есть, а их больше нет.

— Какие люди, какие люди... Джулио, Чеслав...

Аршакуни положил ему руку на плечо:

— Мне пора идти, Матвей. Меня ждут в ремонтном.

— Иди,— сказал Захаров.

— А ты?

— Я останусь.

— Может, пойдешь к себе? Я провожу.

— Иди,— повторил Захаров.— Иди.

Он опустил голову и медленно, вспоминая, заговорил. Слова тяжело падали в тишину.

Адмиральским ушам простукал рассвет:

«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:

Крепче б не было в мире гвоздей.

Нет, это был не рассвет, а яркий и жаркий день, и не тонкий переписк морзянки, а спокойный голос начальника акустического поста доложил о взрывах в океане, и сам Захаров тоже спокойно вел потом переговоры с

«Русланом» и базой Факарао, глядя, как дрожат на экране в блеклом свете прожекторов обломки — рваные куски металла, разбросанные по илистому дну. И все же... Все же было именно так, как тогда, и адмирал был, грузный и седой...

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

И еще были люди — люди, оставшиеся там, на километровой глубине. Он не сказал этим людям так, как должен был:

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Не сказал, потому что не ждал этого. Потому что этого не могло, не должно было быть. Не имело права быть. Но так было. И Захаров был уверен, что если бы он отдал им и такой приказ, они ответили бы, как те:

И старший в ответ: «Есть, капитан!»
А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.
«Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».

Джулио, Чеслав... Больно, до чего же больно!

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Аршакуни ушел. У начальника ремонтных мастерских всегда очень мало времени. Захаров посмотрел ему вслед, потом повернулся к бармену. И в этот момент кто-то обратился к нему сзади — по-русски, но с таким невообразимым акцентом, что Захаров не сразу понял.

— Простите, мне сказали, что вы — дежурный диспетчер. Что слышно о «Дип-Вью»?

Захаров обернулся. Высокий блондин в форме американской гражданской авиации со значком «Транспасифика» на груди. Очевидно, с того дирижабля. И лицо... Странно знакомое лицо.

— Да, — сказал Захаров по-английски. — Я был де-

журным диспетчером. До тринадцати ноль-ноль. «Дип-Вью» ищут. И может быть, спасут. Вот только кто спасет двух подводников, погибших при поисках?

Получилось зло, резко и зло, и Захаров сам почувствовал это.

— Извините,— сказал он.— Погиб мой друг.

— Я не знал. Простите. И позвольте представиться: Сидней Стентон, командир этого дирижабля. Собственно, бывший командир. Меня уже отстранили — до окончания расследования. Следственная комиссия прилетит завтра.

Захаров, в свою очередь, представился.

— Стентон, Стентон... Почему мне кажется, что я знаю вас?

— Не знаю,— ответил Стентон.— По-моему, мы с вами до сих пор не встречались.— И сразу же переменил тему.— Как вы думаете, его спасут?

— Кого?

— Кулиджа. Который в «Дип-Вью».

— По всей вероятности.

— Хоть бы его спасли,— тихо сказал Стентон.— Только бы его спасли...

— Вы знали его?

— Нет. Но он бы меня узнал. Если его спасут — я набью ему морду. Ох, как я набью ему морду! За все — за него, за Кору, за себя, за ваших подводников...

Захаров повернулся к бармену.

— Будь добр, Барни, сооруди-ка мистеру чаю — того, маврикийского, как для меня.— И, обращаясь к Стентону, пояснил: — Отменно успокаивает. Как раз то, что вам нужно сейчас...

На лице Барни появилась растерянная улыбка.

— Не могу, адмирал... Кончился ваш маврикийский. Только в понедельник доставят.

Захаров почесал в затылке.

— Ладно, сделай ситронаду, только льду побольше.

А там видно будет. А мне — минеральной. И тоже со льдом.

— Есть, сэр! — bravo отозвался Барни, так, словно на какое-то мгновение оба они вернулись в прошлое — грозный вице-адмирал и старшина.

Захаров взял Стентона под руку:

— Пойдемте за столик. Там уютнее. И легче говорить.

VII

«Дип-Вью» больше всего походил на увеличенный в десятки раз глубинный поплавок Своллоу. Трехметровая сфера была образована множеством пятиугольных стеклокерамических сегментов, вложенных в титановую решетку. Последнего, впрочем, Аракелов не видел, это он вычитал из описания, врученного ему Зададаевым еще наверху. Видел он просто гигантскую граненую пробку от хрустального графина, этакий слабо светящийся... Аракелов попытался подобрать подходящее стереометрическое определение, но в голову ничего не приходило: слишком много граней. Одним словом, дофигаэдр. Тоже неплохо. Аракелов улыбнулся. Сходство с пробкой довершал расположенный под сферической гондолой металлический цилиндр, наполовину ушедший в ил. Это был наполненный дробью аварийный балластный бункер, вес которого и не давал «Дип-Вью» всплыть. Изображение на экране было четким. Аракелов видел даже две контрольные чеки — металлические спицы с красными жестяными флажками на концах.

Отсюда все выглядело предельно просто. Выйти, доплыть до аппарата, — это каких-нибудь несколько десятков метров, — вынуть контрольные чеки. Девять штук. И все. На это уйдет максимум час. С двойным запасом — два. Время есть. Картина была соблазнительна в своей доступности, но в нее никак не укладывались взорвавшиеся субмарины. И взорвавшаяся «рыб-

ка» тоже. Аракелов прошелся по камере баролифта. С ума в пору сойти. А что? Это был бы неплохой выход... Особенно, если учесть, что он единственный батияндр на ближайшие тысячи миль и, кроме него, Кулиджа выручить некому.

Взять и выйти. А там будь что будет.

«Нет, милый. Не имеешь ты на это права — на «будь что будет». Ты должен выйти и сделать. Потому что больше сделать это некому».

Замигал вызов телетайпа. Аракелов подошел, посмотрел. На ленте было всего одно слово:

«Спускать?»

«Спускайте», — отстучал он.

Через минуту пол под ногами дрогнул: баролифт отделился от корпуса «Руслана». Аракелов подошел к иллюминатору — как раз вовремя, чтобы увидеть, как исчезли наверху раскрытые створки донного люка. Баролифт превратился теперь в макаемый аппарат, в принципе мало чем отличающийся от того же «Дип-Вью». Он медленно опускался в глубину, связанный с «Русланом» пучком фидеров и тросов. «При такой скорости, — прикинул Аракелов, — спускаться придется минут пятнадцать».

Вода за стеклом иллюминатора постепенно меняла цвет: из зеленой она стала голубой, потом синей, наконец, пурпурной. «Так, — подумал Аракелов, — значит, прошли около двухсот метров». Для опытного батияндра само море — достаточно точный глубиномер. Триста метров — вода из темно-пурпурной стала иссиня-черной. Аракелов включил внешние прожекторы. В самое стекло иллюминатора ткнулась рыбина — она была похожа на каменного окуня сантиметров сорок-пятьдесят длиной. Баролифт шел вниз, и рыбина вскоре отстала.

Нечто, взрывающее субмарины. Может ли это нечто быть связано с самим «Дип-Вью»? Пожалуй, нет. Во всяком случае, это маловероятно. А что более вероятно?

В лучах прожекторов видимость была вполне терпи-

мой. Аракелов до боли в глазах всматривался туда, где за пределами освещенного пространства сгушалась холодная и тягучая тьма. Но ничего не увидел. Ничего, объяснявшего эти проклятые взрывы. Бывает так — не видно, но чувствуется. А тут — ничего. Ничего и никого. Рыб и то не видно больше. Только вода.

Вода, взрывающая субмарины. Бред!

Но это не просто вода. Это она — черная, тугая, упругая. Пучина. И в ней возможно все.

Аракелов подошел к телетайпу. И в этот момент баролифт мягко тряхнуло. Дно. Несколько колебаний, быстро погашенных сопротивлением воды и амортизаторами, — и баролифт замер в центре медленно оседающего облачка ила, этакое трехное механическое диво, отдаленно похожее на первые лунные модули.

Замигал вызов, поползла лента. Зададаев спрашивал, когда выход.

«Не знаю», — отстучал Аракелов.

«Не понял».

«Я тоже. И пока не пойму, не выйду. У меня еще час десять резерва. Погибли субмарины. «Рыбка». Если что-нибудь случится со мной, кто выручит Кулиджа?»

«Понял. Час десять при двойном запасе на работу?»

«Да».

«Понял. Что делать?»

«Мне нужен анализ воды».

«На что?»

«Не знаю. Полный».

«А по глубинам?»

«Полный».

«Не успеть».

«Запросите Факарао. У них здесь была многосуточная станция. Конец».

«Понял. Ждите».

Аракелов сам толком не знал, зачем ему эти данные. Просто это была единственная ниточка, по которой стоило пойти. Идти по ней можно было еще минут пятьдесят.

А потом — потом в любом случае выходить. Но это потом. А пока надо думать. О чем? О воде. О пучине. Нужно хоть за что-то зацепиться. За что же зацепиться? Если за субмарины? Что с ними могло произойти? Взрыв — это ясно. Но почему? Отчего? У двух сразу... Нет, не сразу. С интервалом в четыре минуты. Субмарины идут строем уступа. Если в походном порядке — ведомая на пять кабельтовых позади мателота и на три правее по ходу; если в поисковом порядке — на три кабельтовых позади и на полтора правее. Так... В этом что-то есть... В каком порядке шли субмарины?

Аракелов связался с Зададаевым. На выяснение ушло еще несколько минут. Диспетчер Гайотиды-Вест ручаться не мог, но, по всей видимости, порядок был походный, субмарины еще не успели перестроиться для поиска. Что ж, будем исходить из этого.

Итак, субмарины идут в походном порядке. А на пути у них сидит... Кто? Ну, скажем, этакий осьминог-мутант. Кракен. Здоровый такой. С боевым спаренным лазером в трех руках. Или ногах? Подождал, высчитал упреждение, а потом — трах ведущую! Сидит, потирает щупальца — как, мол, я их, а? Через четыре минуты подходит ведомая. И ее тоже — трах! Логично. Картинка любопытного.

Ловушка. Какая может быть ловушка? Кто может ставить на дне ловушки? Человек? Нет, пожалуй. На могильник — ВВ, ОВ * или радиоактивные отходы — не похоже, взрыв каких-нибудь затопленных бомб или снарядов был бы куда мощнее. А всякие засекреченные подводные базы, на которых о разоружении слухом не слыхали, — бред собачий. Как осьминог с лазером.

Так кто же может ставить на дне ловушки?

Телетайп:

«Примите физико-химический анализ воды по данным Факарао».

* ВВ — взрывчатые вещества; ОВ — отравляющие вещества.

Аракелов стал следить за лентой, на которой теперь зарябили символы и цифры. Они ползли нескончаемой чередой, но все было не то, не то, не то... Нормально, нормально, в пределах нормы... Соленость... Количество взвешенных частиц. Норма. Газовый состав... Кислород... Мало. Очень мало. Но и это не то. Совсем не то. Никогда еще не взрывались субмарины из-за недостатка кислорода в воде. Вот отсутствие рыб это объясняет. Но мне сейчас на это наплевать. Сероводород... Этим можно тоже пренебречь. Концентрация, правда, великовата... Ну и концентрация! Про такую Аракелов и не слышивал — хоть лечебницу открывай, но сейчас это его не касалось. Нефть... Нет. Что еще? Норма, норма, норма... Ничего.

Пустой номер.

А он в осаде. Потому что с каждой потерянной им минутой растет напряжение наверху. Нет, никто, конечно, не обвинит его в трусости. Но... И это «но» страшнее всего. Потому что они будут правы. Ведь он не рискнул выйти в пучину. Туда, где взорвались две субмарины и «рыбка».

Субмарины, оснащенные турбинами Вальтера, способные развернуться на месте в любой плоскости, выполнить практически любую фигуру высшего пилотажа. «Рыбка», полторы тонны электроники и металла, неторопливо плывущие сквозь толщу, оставляя за собой серебристую цепочку пузырьков отработанного газа...

И осьминог-мутант. Сидит и ждет. А потом трах-тарарах по ним лазером... По пузырькам прицелился... Почему по пузырькам?

Черт его знает, почему. Просто потому, что и лодки и разведчик оставляют за собой пузырьки. Лодки не военные, им демаскироваться не страшно. А «рыбке» и подавно.

Время, время... Если через полчаса он ничего не придумает...

Он придумает. Иначе быть не должно. И не будет.

Он не может, не имеет права идти на авось.

Боишься, Аракелов? Нет. Не имею права.

Тебе скажут — трус. Или не скажут — подумают, но и этого довольно. И Марийка станет отводить глаза и уже не подсядет рядом...

Не думай об этом. Думай о деле.

И тут его осенило: он использовал «рыбку» просто как некий самодвижущийся предмет, ему важно было, взорвется она или нет. А всю аппаратуру, которой «рыбка» набита битком, он упустил из виду. Болван!

Он затребовал телеметрию «рыбки».

Опять пустышка! Только этот дурацкий сероводород. Все остальное — в норме. Но этот сероводород... Что может сделать сероводород? В Черном море его до дуры, но ведь не взрывались же там подводные лодки? Стоп! Во-первых, концентрация газа там ниже. На несколько порядков ниже. Во-вторых, сероводород там лежит глубже. И в этом слое субмарины, пожалуй, и не ходили никогда. Но что же все-таки может дать сероводород? Причем такой концентрированный.

Ничего. Если его не соединять с кислородом, конечно. Тогда пойдет реакция... Но кислорода в морской воде предостаточно, однако с ним сероводород не реагирует. Правда, это связанный кислород. Свободного же здесь мало. Ничтожно мало, так что этим можно пренебречь.

Аракелов подошел к иллюминатору, прижался лбом к стеклу. Проекторы баролифта до «Дип-Вью» не доставали, но над ним висела телекамера со своим проектором, и Аракелов видел его как на ладони. Каких-нибудь полсотни метров... Выйти?

И ведь лежит, проклятый, не взрывается. И баролифт пока не взрывается, хотя торчит на дне уже почти сорок минут. Не взрываются!

Болван, какой болван! Он же сам, сам дал «добро» на спуск! Ему и в голову не могло прийти, что с баролифтом может что-то случиться: ведь баролифт — это

нечто стабильное, надежное и естественное. Как раковина для улитки. Инерция мысли... А ведь он уже вниз. На дне. И не взорвался.

Не взорвался!

И вдруг словно покатались со всех сторон пестрые осколки смальты, складываясь в великолепную, яркую, безукоризненную четкую мозаику. И вот уже Аракелов увидел, как субмарина пропарывает тьму, оставляя за собой цепочку пузырьков отработанного кислорода. Она входит в сероводородное облако. Свободный кислород — и сероводород. Начинается реакция — и вот серная кислота уже проедает металл в том месте, где вырываются наружу кислородные пузырьки. Потом вода вламывается в двигательный отсек, она крушит все на своем пути, сворачивает с фундаментов турбины, рвет и ломает переборки... Взрыв! Безопасные, трижды безопасные субмарины, оснащенные турбинами Вальтера, безопасные и безотказные везде, только не в этих проклятых сероводородных облаках!

Аракелов хотел броситься к телетайпу, но замер. Навверху, на самом краю поля зрения, зародилось какое-то движение, которое Аракелов скорее не увидел, а ощутил. Неясный сгусток тьмы выпал вниз, на мгновение закрыв собой софит телекамеры. Он двигался легко и мощно, как гигантская манта. И Аракелов так и подумал бы — манта, если б... Если б не странный мгновенный металлический взблеск. Нет, это была не манта.

«Марта». Аракелов больше не видел ее, она снова скользнула в придонную тьму, но он был уверен, что не ошибся. Сейчас она появится там, возле «Дип-Вью»... И она появилась, теперь уже высвеченная ярким лучом лазерного прожектора.

«Марта»? Какой кретин?! Ведь у «Марты» предел семьсот, а здесь девятьсот с лишним!..

Одним прыжком Аракелов оказался у люка и с маху всей ладонью ударил по кнопке замка. Пока диафрагма — медленно, слишком медленно! — раскрывалась, он

несколькими движениями напялил снаряжение: браслеты, пояс, моноласт... И едва отверстие достаточно расширилось, Аракелов, с силой оттолкнувшись, вырвался наружу и поплыл, мощными взмахами ног и рук посылая тело вперед.

VIII

— Но как же это могло быть? Ведь подготовка космонавтов... Не понимаю,— сказал Захаров.— Не могу понять.

Они сидели за угловым столиком в «Барни-баре». Стентон рисовал что-то пальцем на полированной столешнице...

Барни стоял рядом и выжидательно переводил взгляд с одного на другого.

— Кофе здесь водится? — спросил Стентон.

— Разумеется,— отозвался Барни.— Какой вы хотите: по-бразильски, по-турецки, по-варшавски?

— По-ирландски,— мрачно сказал Стентон.

Захаров улыбнулся.

Стентон прихлебывал кофе мелкими глотками. Захаров посмотрел на него. Теперь ему было понятно, почему лицо Стентона с самого начала показалось знакомым. Они в самом деле никогда не встречались. Но зато портреты Стентона несколько лет назад промелькнули во многих газетах: хотя космонавтов нынче хоть пруд пруди, запуски все же привлекают пока внимание прессы. К тому же Стентон — это особый случай.

— И все-таки я никак не могу взять в толк, как это могло быть,— снова спросил Захаров.

Стентону не хотелось говорить об этом.

— Очень просто. Организм — штука сложная, не все можно предсказать заранее.

Захаров не стал настаивать. Он взял свой стакан, поболтал — ледяные шарики неожиданно сухо шуршали и постукивали о стекло. Так шуршат льдины, раско-

лотые форштевнем и скользящие вдоль борта к корме; так перестукивает галька в приборе... Вода была холодной и удивительно свежей на вкус. Приохотил Захарова к ней Аршакуни. Так они и пили — Захаров с Карэном «Джермук», а Джулио — сидронад...

Стентон допил кофе, закурил. Он сам не мог понять, почему вдруг рассказал этому грузному и седому русскому больше, чем кому бы то ни было. Наверное, просто сработал «закон попутчиков»... Но есть вещи, которых не рассказать, не объяснить никому.

Как расскажешь мечту о черном небе? Стентон и сам не знал, с чего это началось: с фантастических ли романов, читанных-перечитанных в детстве, с документальных ли фильмов о программах «Аполлон» и «Спейс Шаттл», которые он смотрел не один десяток раз. Но в один прекрасный день он понял, что умрет, если не увидит черное небо — увидит сам, а не на экране телевизора.

Ни денег, ни связей у Стентона не было. Но семнадцатилетний подросток из Крестед-Бьютта, Колорадо, с таким упорством полгода планомерно осаждал сенатора своего штата, что в конце концов тот махнул рукой и дал ему рекомендацию в военно-воздушное училище в Колорадо-Спрингс. Пять лет спустя Стентон окончил училище и был отпущен с действительной службы ВВС, так как решил поступать в университет. Университетский курс он одолел за два года — другие справлялись с этим, значит, должен был справиться и он. Теперь он стал обладателем диплома авиаинженера. Но и это было лишь ступенькой. Еще через год Стентон защитил магистерскую диссертацию. В ВВС его не восстановили — там шли уже массовые сокращения, а двумя годами позже ВВС и вовсе перестали существовать. Однако Стентону это было только на руку.

Когда НАСА объявило о начале конкурса пилотов для проекта «Возничий» — многоразового транспортно-пассажирского космического корабля — Стентон подал документы. И через четыре месяца получил извещение

о зачислении в группу пилотов проекта. Беспрерывная, почти десятилетняя гонка кончилась. Он победил!

К тому времени подготовка пилотов космических кораблей значительно упростилась. Если для кораблей «Джемини» и «Аполлон» она длилась тысячами часов, то уже для «Спейс Шаттл» она сократилась до восьмисот-девятисот, а в проекте «Возничий» — до двухсот с небольшим. Но и за это время из шестисот кандидатов в отряде осталось лишь шестьдесят. Стентон оказался в их числе. Возможно, будь подготовка более длительной... Впрочем, нет. Ведь и так всех их осматривали десятки специалистов, они крутились, качались и тряслись в десятках тренажеров, но...

Первый же полет оказался для Стентона последним. Одно дело вести истребитель по кривой невесомости, и совсем другое, когда невесомость длится... Стентону хватило двадцати четырех часов. На вторые сутки его в полубессознательном состоянии эвакуировали на Землю. Он оказался первой — и единственной пока — жертвой заболевания, вошедшего в космическую медицину как «синдром Стентона»... Впрочем, от такой славы радости Стентону было мало.

Черное небо... Несколько часов видел его Стентон. Столько лет усилий — и несколько часов... А потом месяцы в госпиталях, месяцы безделья, на смену которому пришла служба сперва на самолетах, а потом на дирижаблях «Транспасифика».

Черное небо оказалось недоступным. Может быть, единственно недоступным в жизни, но зато и единственно желанным. И голубое так и не смогло его заменить.

А теперь, возможно, придется распрощаться и с голубым... И что тогда?

— И что же будет? — спросил Захаров.

— Вы телепат?

— Временами. Так что же?

— Не знаю, — сказал Стентон. — Все равно. Без дела не останусь. Вернусь в Крестед-Бьютт и открою гриль-

бар. Как Барни. «У неудавшегося космонавта». Прекрасное название, не правда ли?

— А почему вы не остались работать на Мысе? Или в Хьюстоне? В наземниках, естественно.

— И провожать других наверх? Нет, это не для меня. Я хочу летать. Сам, понимаете, сам.

«Я бы умер от зависти,— подумал Стентон.— Но в этом я тебе не признаюсь».

— Это я понимаю,— сказал Захаров.— Знаете, Стентон, Джулио тоже было трудно у нас в Патруле. После атомных лодок наши патрульные — труба пониже и дым пожиже, как говорится. В десять раз меньше, в десять раз тихходнее... И все же лучше, чем на берегу. Так он считал.

— Он остался моряком и в Патруле. А я на дирижабле не остался космонавтом, адмирал. Это плохая аналогия.

Захаров кивнул.

— Моряком он остался, правда. Только вот каким? Вы знаете, Стентон, как это — стоять на мостике корабля? Не судна, но корабля? Корабль — это не оружие. Не дом. Не техника. Корабль — это ты сам. Это ты сам на боевых стрельбах идешь на сорока пяти узлах, и мостик под ногами мелко-мелко дрожит от напряжения, и звенит, и ты сам дрожишь и звенишь...

Захаров замолчал. Ему не хватало слов, слова никогда не были его стихией.

Стентон внимательно посмотрел на него.

— А вы поэт, адмирал...— В этих словах Захаров не почувствовал иронии.

— Нет,— сказал Захаров.— Я моряк. И Джулио был моряк.

Стентон помолчал немного.

— Кажется, я понимаю...

— Вы должны это понять, Стентон. Можно порезать корабли. Можно видеть, как режут корабли. Я видел. Мой «Варяг» был лучшим ракетным крейсером Тихо-

океанского флота. И его резали, Стентон. Резали на металл. Я плакал. Это не стыдно — плакать, когда погибают люди и корабли. Флот можно уничтожить. Это нужно было сделать, и я рад, что это сделали при мне, что я дожил до этого. Не удивляйтесь, Стентон, я военный моряк, и я лучше вас могу себе представить, что такое война. И больше вас могу радоваться тому, что ее не будет. Никогда не будет. И военного флота никогда уже не будет. Но моряки будут. Будут. Потому что моряк — это не форма одежды. Это форма существования. Они могут быть и на море, и на суше.

— И в небе,— сказал Стентон.— В черном небе.

Захаров отхлебнул из стакана. Боль снова медленно поднималась от шеи к затылку. Сколького же теперь нельзя! Нельзя волноваться, нельзя переутомляться, нельзя... Плевать, сказал он себе. Плевать я хотел на все эти «нельзя». Он поставил стакан и, опершись на стол локтями, в упор взглянул на Стентона.

— Да,— сказал он.— И в небе. И в черном, и в голубом.

Народу в баре заметно прибавилось. Захаров взглянул на часы. Пора.

— Когда вы улетаете? — спросил он.

— Не знаю... Сегодня вечером сюда подойдет другой дирижабль, мы перегрузим все на него — фрахтовщики в любом случае не должны страдать. Завтра прилетит комиссия. Объединенная следственная комиссия «Транспасифика» и АПГА...

— Простите?

— АПГА — ассоциация пилотов гражданской авиации. И будут нас изучать под микроскопом. Сколько? Не знаю...

— Ясно,— сказал Захаров.— Что ж, если у вас выйдет свободная минута, Стентон, прошу ко мне. Сегодня и, по всей вероятности, завтра я буду здесь. Впрочем, насчет завтра точно не знаю, может быть, мне придется улететь. Но пока я здесь — буду рад вам. Поси-

дим, попьем чаю. Правда, приличного не обещаю, маврикийский, как видите, кончился, а цейлонский — не то, не то... Но все-таки... И поболтаем.

— Спасибо,— сказал Стентон. Он был уверен, что не воспользуется приглашением.— Я не знаю, как у меня будет со временем, но постараюсь.

Захаров взял бумажную салфетку, синим фломастером написал на ней несколько цифр.

— Вот мой здешний телефон — звоните, заходите. Рад был познакомиться с вами...

— Я тоже, товарищ Захаров.— Эти слова Стентон произнес по-русски. Увы, русский язык был чуть ли не единственным предметом, который в отряде НАСА давался ему с трудом.

— Барни, запиши все на мой счет,— сказал Захаров.— И не спорьте, не спорьте, Стентон. Сегодня вы мой гость.

Барни покачал головой.

— Нет, адмирал. Сегодня — за счет заведения.

Возражать Захаров не стал.

Проводив Захарова взглядом, Стентон закурил и с минуту сидел, теребя в руках салфетку с записанным телефоном. Потом аккуратно сложил ее и убрал в бумажник. Пусть лежит.

Стентон встал. За стойкой Барни колдовал с бутылками. В двух конических стаканах, искрившихся сахарными ободками, возникал под его руками красно-белосиний «голландский флаг». Проходя вдоль стойки, Стентон попрощался с барменом и направился к себе. Командиру корабля, даже отстраненному командиру, стоило все же понаблюдать за разгрузкой. Правда, это обязанность суперкарго, и Кора справится с ней прекрасно, однако...

Тем временем Захаров, поднявшись еще на три этажа, входил уже в приемную координатора Гайотиды-Вест. Девушка за секретарским пультом приветливо улыбнулась ему.

— День добрый, пани Эльжбета,— сказал Захаров.— Шеф у себя?

— Да.

— Есть у него кто-нибудь?

— Нет. Только он сегодня не в духе.

«Еще бы,— подумал Захаров,— будешь тут в духе. ЧП первой категории в твоей акватории да еще с твоим личным составом... Странно было бы, пребывая координатор в отличном расположении духа. Противоестественно». Но вслух ничего этого Захаров не сказал.

— Это не страшно, пани Эльжбета. Во всяком случае, это не самое страшное.

Эльжбета кивнула: о гибели патрульных субмарин она уже знала.

— Спросите, пожалуйста, примет ли он меня.

— По какому вопросу?

— По личному.

— Может быть, вам лучше сперва обратиться к фрекен Нурдстрем?

Фрекен Нурдстрем была непосредственным начальником Захарова, и с ней Захаров уже говорил.

— Нет, пани Эльжбета, мне нужен именно он.

Брови Эльжбеты, выщипанные по последней моде — нечто вроде длиннохвостых запятых,— чуть заметно дрогнули.

— Хорошо, я сейчас узнаю.

Она нажала одну из клавиш на своем пульте и негромко и быстро проговорила что-то по-польски. Выслушав короткий ответ, она снова повернулась к Захарову:

— Пан Збигнев ждет вас.

— Спасибо.— И, машинально одернув куртку, Захаров шагнул в кабинет координатора.

Кабинет был просторен. Легкая штора цвета липового меда закрывала огромное — во всю дальнюю стену — окно. В отфильтрованном ею солнечном свете два больших выпуклых экрана — внешней и внутренней свя-

зи — на левой стене казались янтарными. Золотистые блики играли и на стеклах книжного стеллажа, занимавшего все остальное пространство стен. По самой приблизительной оценке здесь было две-три тысячи томов. Захаров никак не мог взять в толк, к чему они тут. Какие-то справочники, журналы — это естественно, не бегать же каждый раз в библиотеку. Но такое собрание?..

Координатор поднялся из-за подковообразного письменного стола, бескрайностью и пустынностью напоминавшего какое-нибудь средних размеров внутреннее море, и вышел навстречу Захарову.

— Витам пана,— сказал Захаров, пожимая Левандовскому руку.

— Здравствуйте, Матвей Петрович.— По-русски координатор говорил совершенно свободно. Только неистребимый акцент: твердое «ч», чуть картавое «л» да назойливые шипящие выдавали его происхождение.

Левандовский жестом предложил Захарову кресло, сел сам.

— Так что у вас за дело, Матвей Петрович?

— Мне нужен отпуск, пан Збигнев. Дней на пять-шесть. Я решил бы это с фрекен Нурдстрем, но дело не терпит отлагательств и подавать рапорт по команде я не могу.

— Отпуск...

— Да. За свой счет. И — с завтрашнего дня.

— А кто заменит вас в диспетчерской?

— Сегодня вернулся Корнеев, так что без меня обойтись можно. Так считаю не только я, но и фрекен Нурдстрем тоже.

— Что ж,— сказал Левандовский,— если бы все проблемы можно было решить так легко...

— Но это еще не все.— Захаров сжал руками подлокотники и подался вперед.— Мне нужны билеты на завтрашний конвертоплан до Гонконга и на самолет от Гонконга до Генуи. И визы, естественно.

— Так,— сказал Левандовский.— А нельзя ли подробнее, Матвей Петрович?

— Мне нужно в Геную, пан Збигнев. У Джулио... у делла Пене там семья. Жена, два сына, дочь, внуки... И я не хочу, чтобы о его смерти они узнали из газет или официального письма. Официальное письмо о смерти... Я видел их. Их называли похоронками. Похоронки пришли на моего прадеда и двух его братьев. Они сохранились у нас в семье. И я не хочу, чтобы такое письмо, пусть даже на бланке Гайотиды, а не на газетной бумаге военных лет, не хочу, чтобы такое письмо читали внуки делла Пене. Понимаете, пан Збигнев?

Левандовский встал, прошелся по кабинету.

— Понимаю, Матвей Петрович,— после паузы сказал он.— Понимаю. Да и писать такое мне было бы просто... Я думал уже, как это написать...

— Значит...

— Значит, вот что.— Будучи прирожденным администратором, талант которого в конце концов и привел Левандовского на Гайотиду, он привык решать все быстро и окончательно.— Значит, вот что. У нас на верфях Генуи размещено несколько заказов. Вот вы и отправитесь туда в командировку. Так мне будет проще оформить вам документы. А за девять дней — на больший срок командировку я дать не могу — вы сумеете пару раз выбраться на верфи.

— Конечно,— подтвердил Захаров.— Но...

— Большого от вас и не требуется. Думаю, такое злоупотребление командировочным фондом мне простится.

— Да,— сказал Захаров, вставая.— Спасибо.

— Это вам спасибо, Матвей Петрович. Я не думал о таком варианте, но теперь... Иначе, пожалуй, было бы просто нельзя. Документы вам подготовят к утру — кон-вертоплан уходит в час, так что это мы успеем.

— Добро,— сказал Захаров.— Разрешите идти?
Левандовский улыбнулся.

— Идите, идите, Матвей Петрович. Отдохните, взгляните вы, честно говоря, не ах, а завтра часов этак...— он прикинул,— в одиннадцать зайдите ко мне.

Когда Захаров вышел, Левандовскому показалось на миг, что в кабинете стало слишком пусто. Он вернулся к столу, сел в кресло-вертушку и вдавил клавишу селектора:

— Бетка, скомандуй, чтобы к утру были документы Захарову — он летит в Геную. Билеты, визы... Сама знаешь. И разыщи-ка мне, пожалуйста, командира патрулей. Ему тоже нужны будут документы — он полетит в Прагу...

IX

Всплытием явно никто не управлял: «Дип-Вью» стремительно шел вертикально вверх, и Зададаев напряженно следил за белой точкой на экране гидролокатора,— казалось, аппарат неизбежно должен удариться о днище «Руслана». Очевидно, так показалось не только ему,— на самых малых оборотах «Руслан» задним ходом отработал полтора-два кабельтова. Зададаев улыбнулся: у кого-то на мостике сдали нервы... Уж что-что, а позиция «Руслана» была определена правильно. Зададаев выбирал ее сам, а делом своим он занимался не первый год. Не успела еще белоснежная громада судна окончательно остановиться, как впереди, в трети мили по курсу, показался «Дип-Вью». Как это обычно бывает при аварийном всплытии, аппарат вырвался из моря, словно пробка из бутылки шампанского. Сверкнув на солнце стеклянными гранями и металлическими полосами решетки, он взлетел метров на пять в воздух, а потом с грохотом рухнул в воду, взметнув гигантский фонтан брызг. Тотчас к месту его падения рванулся катер, уже спущенный с «Руслана». Переваливая разбегающиеся концентрические волны, катер обнажал то сверкающий диск винта, то ярко-красное днище — от форш-

тевня до самых боковых килей. На носу катера, держась за леер, стоял матрос с багром.

Зададаев снова посмотрел на экран гидролокатора: «Марта» медленно, по спирали поднималась к поверхности. С ней тоже явно все было в порядке. Зададаев облегченно вздохнул. По крайней мере, все целы, подумал он, и перевел взгляд на пульт баролифта. Там перемигивались разноцветные огоньки контрольных лампочек, и в такт их коротким вспышкам оператор перебрасывал рычажки квитанционных тумблеров. Зададаев проследил его движения: донный люк задраен, остается убрать амортизаторы, и через минуту-другую можно начинать подъем. Собственно, операцию можно считать законченной.

— Изображение,— негромко сказал Зададаев.

Над пультом вспыхнул маленький экран внутренней связи. Аракелов сидел на диване, сгорбившись и опустив голову на руки. Потом он выпрямился и стал медленно снимать моноласт.

— Поднимайте,— скомандовал Зададаев и вышел из пультовой. После ее полумрака яркий солнечный свет показался болезненно-ослепительным, и с минуту Зададаев стоял, щурясь и ожидая, пока привыкнут глаза. Потом он закурил и неторопливо поднялся на мостик.

Капитан прохаживался по крылу мостика, как пантера по клетке, и выражение его лица не обещало ничего хорошего. Зададаев про себя от души порадовался этому. Конечно, и ему самому не поздоровится — за все подводные работы отвечает именно он. Но... Ему не привыкать, Аракелова он прикроет, а вот тому, в «Марте»... Это хорошо, что Ягуарыч завелся, подумал он, достанется кое-кому на орехи... Собственно, капитана звали просто Виктором Егоровичем, но прозвище Ягуарыч, которое он вполне оправдывал, укрепилось за ним давно и прочно.

Зададаев подошел к ограждению мостика. «Марта»

уже всплыла на поверхность и теперь медленно огибала «Руслан», направляясь к слипу.

— Что ж,— сказал Зададаев,— вот, похоже, и все. Операция закончена.

— Для кого закончена, а для кого и нет,— отозвался капитан голосом, не обещавшим водителю «Марты» ничего хорошего.

— Да,— согласился Зададаев,— за такое гнать надо. В три шеи.

— И погоню,— рыкнул Ягуарыч.— Как пить дать. За судно и дисциплину на нем отвечаю я.

— Ну, сейчас отвечать придется кому-то другому,— улыбнулся Зададаев.

Ягуарыч только засопел. Такой реакцией Зададаев остался вполне доволен: она обещала взрыв мегатонн этак на тридцать.

— Я пойду встречу духа.

— Естественно,— не слишком любезно отозвался капитан, но Зададаев не обратил на это внимания.

— Добро,— сказал он и повернулся, чтобы уйти.

— Он тоже хорош, твой дух...— проворчал капитан. И хотя ворчание на этот раз было довольно миролюбивым, Зададаев мгновенно ошетинился:

— Совершенно верно, хорош. И когда он вытащил измерители течений, вы, помнится, были того же мнения.

Пару месяцев тому назад эта история наделала немало шума на «Руслане». Работы на очередной станции уже сворачивались, когда с борта вертолета, собиравшего буйковые регистраторы, сообщили о потере связки из семи измерителей течения. Полипропиленовый трос, которым они крепились к бую, оборвался, и приборы ушли на дно, на четырехкилометровую глубину. Не говоря уже о том, что измерители течений — игрушки достаточно дорогой, вместе с ними ушла и накопленная за шесть суток информация. А самое главное — ставилась под удар вся последующая работа: их комплект был на «Руслане» единственным. Пока доставят новые,

пройдет минимум недели две — это при самом благоприятном стечении обстоятельств. В целом — ситуация невеселая.

Аракелов в это время уже закончил работы по программе станции и готовился к подъему на борт. Работал он на этот раз в горизонте три и пять-четыре ноль, то есть от трех с половиной до четырех километров глубины. Это решило дело: начальник экспедиции и капитан явились к Зададаеву и чуть ли не силой заставили его направить Аракелова на поиски пропавших измерителей. Сопротивлялся Зададаев не из окаянства: в принципе батияндр мог работать под водой без подъема на поверхность семьдесят два часа. Из них шестьдесят представляли собой нормальный рабочий цикл; еще шесть были резервными, а шесть последних только давали ему шанс спастись при какой-то катастрофической ситуации, не гарантируя от необратимых последствий по возвращении. Чтобы батияндр не забыл об этом, жидкий кристалл на цифровом табло его часов постоянно менял цвет: зеленый сперва, к концу рабочего цикла он постепенно желтел, а потом начинал полыхать тревожным багровым светом. В жаргоне глубинников прочно обосновались термины зеленое, желтое и красное время.

Шестьдесят часов Аракелов уже отработал. И скрепя сердце Зададаев разрешил ему вести поиск в продолжение желтого времени. «Пять часов, и ни минутой больше», — отстучал он, передавая Аракелову задание. Он прекрасно понимал, что шансы найти связку с измерителями за пять часов ничтожны. Но повторный спуск батияндра допускался согласно требованиям медицины не раньше, чем через пять суток. А потому попытаться было необходимо.

Желтое время у Аракелова давно вышло, а он все еще не появлялся в баролифте. Зададаев сидел в пултовой и курил не переставая. Наконец, батияндр появился. Зададаев вздохнул и скомандовал подъем.

В ответ на разнос, который устроил ему Зададаев, Аракелов рассмеялся: «Да что вы, Константин Витальевич! Какой из меня лихач? Трезвый расчет, не больше. Просто я нашу медицину как свои пять пальцев знаю и вношу поправочный коэффициент на перестраховку. Знаете, у нас на курсах практику вел старик Пигин, так он любил говаривать: «Подводники делятся на старых и смелых; мальчики, доживайте до седых волос!» Вот я так и стараюсь...» Зададаев рассмеялся, — ну что ты с таким будешь делать? На вопрос о потерянных приборах Аракелов, пригорюнившись, развел руками: «Простите, Константин Витальевич...» Зададаев махнул рукой: ладно, мол, главное — сам цел, но Аракелов продолжил: «Не сумел я их сам вытащить, придется теперь аквалангистам поработать: я трос к скобе баролифта привязал...»

Несколько дней после этого Аракелов ходил в героях, а начальник экспедиции и капитан клялись ему в вечной любви. Это было всего два месяца назад. А сейчас...

Зададаев взглянул на капитана и увидел, что тот улыбается.

— Иди, иди... Господин оберсубмаринмастер. Встречай своего духа.

Капитан тоже ничего не забыл. Зададаев кивнул ему и сбежал по трапу.

Прежде всего он зашел в лазарет. Дежурил Коновалов — каково, однако, с такой фамилией быть врачом, сообразил вдруг Зададаев. Раньше ему это почему-то не приходило в голову. Впрочем, терапевтом Коновалов был неплохим, хотя от обилия практики на «Руслане» отнюдь не страдал. Минут пятнадцать они поболтали о том о сем, потом Зададаев попросил снотворное.

— Зачем? — В глазах Коновалова вспыхнул алчный огонек.

— Да так, не спится что-то, — уклончиво ответил Зададаев.

— Давайте-ка я вас посмотрю,— радостно предложил Коновалов.

— Спасибо, Владимир Игнатьевич, как-нибудь в другой раз,— отказался Зададаев со всей возможной любезностью.— Сегодня никак не могу, дела. Вот на днях непременно загляну, покажусь толком, может, в самом деле что-нибудь там не в порядке,— постарался он утешить эскулапа.

— Знаю я вас,— тоскливо вздохнул Коновалов.— Здоровы больно. Разве что ногу кто ломает, так и то не мне, а Женьке работа,— завистливо добавил он.

Зададаеву стало смешно.

— В следующий раз обязательно,— серьезно пообещал он.— А сейчас просто дайте мне какое-нибудь снотворное.

Коновалов встал, подошел к шкафу в углу приемной, выдвинул один ящик, потом другой, наконец, достал ампулу для безукольной инъекции.

— Вот,— сказал он, протягивая ампулу Зададаеву,— и безобидно и надежно. Приставьте ее к сгибу руки присоской, через сорок пять секунд содержимое впитается, а через пять минут вы будете спать сном праведника.

— Спасибо,— сказал Зададаев, бережно укладывая ампулу в нагрудный карман рубашки.— И клятвенно обещаю, что на днях приду для самого детального осмотра — как только будет время.

— Оставили-таки лазейку,— ухмыльнулся Коновалов.— Так я и знал: придете, когда курносый рак на горе свистнет...

— Что вы,— возмущенно возразил Зададаев,— минимум на день раньше!

И поспешно ретировался, потому что Коновалов явно искал взглядом предмет потяжелее, собираясь расправиться с посетителем, как Лютер с чертом.

Зададаев взглянул на часы: до тех пор, пока медики выпустят Аракелова из «чистилища», оставалось еще больше часа. Пожалуй, можно было и пообедать. Не

только можно, но и нужно — за всей суетой днем он не успел этого сделать. Зададаев направился в столовую.

Народу здесь было мало. Зададаев подошел к окошечку раздачи, посмотрел меню. По такой жаре стоило бы взять чего-нибудь такого... Ага, крошка. Увы, крошки не оказалось. Кончилась. Оно и понятно — время уже отнюдь не обеденное. Пришлось взять холодный свекольник (и то последнюю порцию) и плов. Плов, надо сказать, у здешнего кока получался изумительный, сплошное таяние и благоухание. И если плов значился в меню, Зададаев брал его, не раздумывая. Поставив на поднос тарелки и высокий стакан с кофе глясе, Зададаев направился к заранее облюбованному столику. В открытый иллюминатор временами плескал в столовую не то чтобы ветер, но все-таки глоток-другой свежего воздуха; прямо над головой крутился лениво вентилятор, заставляя чуть заметно подрагивать кончики бумажных салфеток в пластмассовом стакане.

Зададаев придвинул к себе тарелку со свекольником и принялся за еду. Только сейчас он понял, насколько проголодался. Пожалуй, возьму вторую порцию плова, подумал он.

За соседним столиком потягивали кофе океанолог Генрих Альперский и вездесущий Жорка Ставраки. Говорили они негромко, и Зададаев не стал прислушиваться.

— Константин Витальевич,— обратился вдруг к нему Генрих,— что тут Жорка заливает?

— М-м-м?...— промычал с набитым ртом Зададаев, пытаясь придать этим нечленораздельным звукам вопрошательную интонацию.

— Я не заливаю,— обиделся Ставраки.— Я просто рассказываю, как наш дух труса спраздновал.

— Ну и как? — спросил Зададаев, чувствуя, что молниеносно звереет. Нет, подумал он, так нельзя. Спокойнее надо. Ведь ясно же, что так и будет. Только не легче от того, что ясно...

— Очень просто,— охотно пояснил Ставраки.— Побоялся из баролифта выйти. Патрули с Гайотиды-Вест взорвались, вот он и струсил... Хорошо еще, что не все у нас такие — нашлась светлая голова, «Марту» угнала и сделала дело, спасла этого американца... Так ведь?

— Неужели так, Константин Витальевич? Не верю,— убежденно сказал Генрих.— Я Сашку не первый день знаю, не мог он...

— Нет, не так, Георгий Михайлович,— сухо сказал Зададаев, сдерживаясь, чтобы не наговорить резкостей.— Аракелов действовал абсолютно правильно, и все его действия я полностью одобряю. А той светлой голове, что «Марту» угнала, насколько я понимаю, сейчас мастер дает выволочку по первому разряду. И вряд ли я ошибусь, если предположу, что этой светлой голове небо с овчинку покажется.

— Неужто выговор вкатит? — сочувственно спросил Ставраки.

— Надеюсь, выговором ваш герой не отделается.

— Спишут? — ахнул Генрих. О таком он еще, пожалуй, и не слышал.

— Все может быть,— не без злорадства сказал Зададаев.

— А кто это, Константин Витальевич?

— Не знаю, я раньше с мостика ушел.

— Я не знаю, но предполагаю...— начал было Ставраки, но Зададаев оборвал его:

— Вот и оставьте свои предположения при себе, Георгий Михайлович. Право же, так будет лучше. Для всех.

— Я же говорил, не мог Сашка струсить,— сказал Генрих облегченно.

— Не мог,— согласился Зададаев.— Хотя некоторые доброжелатели рады будут истолковать его действия именно так.

Ставраки, не допив кофе, демонстративно поднялся и, не прощаясь, ушел.

— Ну, зачем вы так, Константин Витальевич,— сказал Генрих.— Жорка же не со зла, ну трепло он, это правда...

— Аракелову от такого трепа лучше не будет,— сказал Зададаев. Он лениво ковырял вилкой плов: есть уже не хотелось. Тем не менее он заставил себя подобрать все до крошки и потянулся за кофе.— Аракелов сейчас в таком положении...— Зададаев пошевелил в воздухе пальцами, подбирая слово,— в таком двусмысленном положении, что ему подобные разговоры хуже ножа. Ведь после взрыва субмарин Гайотиды и нашей «рыбки» он не имел права лезть на рожон. А какой-то дурак полез и...— Зададаев безнадежно махнул рукой.— Просто не знаю, что и делать.

— Да-а,— протянул Генрих.— Не хотел бы я сейчас поменяться с Сашкой местами...

— Завтра мы проведем разбор спасательной операции. Поговорим. Всерьез, по гамбургскому счету. Потому что недоговоренность — штука пакостная, она всегда дает пищу кривотолкам. А ведь такой Ставраки не один... И всех их надо если не переубедить, то...

— Хорошо,— сказал Генрих.— Только я сперва поговорю с Сашей сам.

— Обязательно,— согласился Зададаев.— Но уже утром. Сегодня я его сразу загоню отдыхать. Ну мне пора.— Он поднялся и вышел из столовой.

Когда он вошел в «чистилище», Аракелов лежал на диване, а Грегориани делал ему массаж.

— С возвращением, Александр Никитич,— сказал Зададаев.

— Спасибо,— невнятно отозвался Аракелов. Он лежал на животе, уткнув лицо в руки.

— Долго еще? — спросил Зададаев.

— Зачем долго? — проворчал Грегориани, немилосердно разминая мощную аракеловскую спину.— Совсем недолго. Одна минута еще, две, может быть,— и все.

И совсем молодой и красивый будет. Правду я говорю, Саша?

Аракелов не ответил. Минут через пять Грегориани выпрямился и хлопнул Аракелова по спине.

— Вставай, дух, одевайся побыстрее, а то прохватит — сквознячок здесь...

Аракелов поднялся, несколько раз передернулся всем телом, как выбравшийся на берег пес.

— Ох, Гиви,— сказал он,— после твоего массажа целый час собираться надо, каждая мышца не на своем месте.

— Как раз на своем, кацо,— откликнулся Грегориани, моя руки.— Как раз на своем! После моего массажа каждая мышца на десять лет моложе делается...

— Знаю,— Аракелов уже натянул брюки и свитер и стоял перед Зададаевым в положении «вольно».— Спасибо, Гиви. Я пошел.

— Да,— сказал Зададаев,— мы пошли. До свидания, Гиви.

Они молча поднялись на палубу А и пошли по длинному коридору, однообразным чередованием дверей по обеим сторонам напоминавшему гостиничный. Перед аракеловской каютой они остановились. Аракелов открыл дверь, и они вошли внутрь.

— Ну, теперь докладывайте.

Зададаев сел на диван и закурил. Аракелов устроился в кресле. Он сжато доложил свои соображения.

— Ясно,— сказал Зададаев.— Значит, сероводород... Надо будет связаться с Гайотидой, предупредить их... Интересно... Если память мне не изменяет, впервые дрейфующие облака сероводорода были обнаружены лет семьдесят назад. Но до сих пор они никому не мешали. А ведь все субмарины Океанского Патруля ходят на турбинах Вальтера. Значит, придется теперь что-то менять... Создавать службу слежения за этими самыми сероводородными облаками...

— Константин Витальевич...— начал было Аракелов.

Зададаев посмотрел на него и улыбнулся:

— Эх вы!.. А еще без пяти минут военный моряк... Все правильно. Не волнуйтесь.

«Только вот как тебе не волноваться,— подумал Зададаев.— Я бы на твоём месте ещё не так волновался. А ты ничего, молодцом держишься. Во всяком случае, внешне. Молодцом!»

— Константин Витальевич, кто в «Марте» был? Внизу не разглядеть — освещение не то...

— А то я не знаю!

— Простите. Да и времени мало было: когда я подплыл, «Марта» уже четыре чеки из девяти вынула, потом ещё одну, а к остальным ей манипуляторами не подобраться было. Те я сам вытащил. А вообще-то манипуляторы у «Марты» надо бы на одно колено удлинить!..

Ух ты! Он ещё об этом думать может! Значит, не только внешне, значит, в самом деле молодец. Военная косточка! Зададаев знал, что Аракелов поступал в своё время в военно-морское училище. Правда, как рассказывал со вздохом сожаления сам Аракелов, ему «так и не пришлось с лейтенантскими звездочками перед девушками покрасоваться» — подошло разоружение, и из училища их выпустили не военными, а гражданскими моряками. Вот тогда-то Аракелов и подался на только что открывшиеся курсы батиандров.

— Так кто? — повторил Аракелов.

— Не знаю, Александр Никитич. Да и неважно это.

— Важно.

— Допустим. Но не сейчас. Сейчас вам отдохнуть надо — это прежде всего.

— Я должен знать, Константин Витальевич. Мало того, что этот идиот самовольно вниз полез, он же...

— Понимаю. Все понимаю...— Зададаев глубоко затянулся и выпустил дым целой серией аккуратных колец. Разговор надо было поворачивать. Совсем не нужно Аракелову знать...— Вот только одного я не пони-

маю: как «Марта» выдержала? Ведь у нее же предел семьсот, а там девятьсот с лишним!

— Девятьсот восемьдесят.

— Тем более.

— Запас прочности,— сказал Аракелов.— Спасибо нашим кораблям.

— Запас прочности,— протянул Зададаев.— Запас прочности,— повторил он.— Это хорошо, когда есть запас прочности. Ну вот что: давайте-ка раздевайтесь и ложитесь. Быстро — это приказ.

Пока Аракелов раздевался и укладывался в постель, Зададаев достал из кармана ампулу, посмотрел на свет. Жидкость была совершенно прозрачной и бесцветной. Потом он подошел к Аракелову и прижал ампулу к его руке.

— Что это? — спросил Аракелов.— Зачем?

— Ничего особенного,— охотно пояснил Зададаев.— Просто снотворное. Легкое и безобидное. Вам прежде всего отдохнуть надо. Выспаться, ибо сказано: утро вечера мудренее. Вот вы и будете сейчас спать. Как младенец. Вот так...— Он быстрым движением отделил пустую ампулу от кожи и бросил ее в пепельницу.— И все. Спокойной ночи.

Аракелов закинул руки за голову — тропический загар на фоне белой наволочки казался особенно темным. Они помолчали.

— Спасибо,— сказал вдруг Аракелов.— Спасибо, Константин Витальевич, и...

— Спите, спите,— ворчливо перебил его Зададаев. Он забрался в узкую щель между диваном и столом и курил, пуская дым в открытый иллюминатор. Потом аккуратно пригасил сигарету и еще с минуту смотрел на море, вспыхивавшее в лучах закатного солнца. А когда он обернулся к Аракелову, тот уже спал.

Зададаев тихонько вышел из каюты и осторожно, стараясь не щелкнуть язычком замка, закрыл за собой дверь.

Да, Ставраки не один, думал он, медленно идя по коридору. Много их, всяких ставраки. И любой рад будет обвинить Сашу в трусости. И не потому совсем, что каждый из них плох сам по себе. Отнюдь нет! Но ведь это так очевидно: один думал и собирался, а второй — взял и сделал. Смелость города берет! Безумству храбрых поем мы песню! И этот второй — герой. Даже если он сделал только полдела, а вторую половину сделать не смог. Все равно — «ура» ему! А первый, естественно, трус... И главное, этот герой... Будь это кто угодно другой — тогда многое стало бы проще. Эх, Саша, Саша...

Около трапа, ведущего на главную палубу, Зададаев остановился. Подумал, потом стал подниматься. «Схожу к Ягуарычу, — решил он, — узнаю, чем кончилось дело. Да и насчет завтрашнего посоветоваться стоит — голова хорошо, а две лучше».

Х

Стентон задержался в рубке, глядя, как медленно растворяется в ночном небе туша уходящего дирижабля. Собственно, самого дирижабля почти не было видно — только позиционные огни да темный силуэт, его движение обнаруживалось по звездам, которые он заслонял. Потом остались только огни, но и они постепенно слились со звездной россыпью, затерялись в ней. Теперь оставалось одно: ждать завтрашней комиссии. Это часов двенадцать. Даже больше — они придут рейсовым конвертопланом Сан-Франциско — Гонконг. Потом будет расследование. А потом... Впрочем, сейчас лучше не думать, что потом.

Стентон прошелся по рубке, сел в свое кресло. Пульт перед ним был не то чтобы мертв — скорее спал. Спали лампочки индикаторов, цифровые табло, дисплеи, отдыхали на нулях стрелки приборов. Бодрствовал только островок швартовочного блока: якоря... трап... подсоеди-

нение к сетям и коммуникациям причальной мачты... позиционные огни... И все. Стентон положил руки на подлокотники. Пальцы ощутили знакомые потертости от пристежных ремней, знакомую трещинку в пластиковой обивке, а рядом с ней — аккуратную круглую дырочку, оставшуюся от упавшего сюда горячего сигаретного пепла. И почему это на обивку кресел ставят такой нетермостойкий пластик?..

Нет, он не прощался с кораблем. И вообще чужд был всякой сентиментальности. Просто впервые за последние годы он совершенно не знал, куда себя деть. Спать пойти, что ли?

Он встал, еще раз окинул взглядом пульт и вышел из рубки. На каютную палубу можно было подняться лифтом, но Стентон пошел пешком: транспортник не круизный суперлайнер, а подняться по лестнице на каких-нибудь двадцать метров — только полезный тренинг. Так сказать, вечерний моцион.

Капитанская каюта была первой от носа. Внутренность ее мало чем отличалась от любой каюты на любом морском лайнере: постель в задернутом сейчас занавеской алькове, небольшой письменный стол у левой стены, рядом с ним диван, и только вместо иллюминатора было большое окно. Даже, собственно, не окно: просто вся стена была прозрачной, и сквозь этот распахнутый в ночь прямоугольник заливала каюту своим мистическим светом яркая тропическая луна. Стентон подошел к окну. Внизу, под самым дирижаблем, падали на воду блики света из бесчисленных окон Гайотиды и весело перемигивались разноцветные огоньки буйков, обозначающих понтонны волновой электростанции, пирсы, границы пляжной полосы. Дальше до самого горизонта океан был темен, и только лунный свет лежал широкой серебряной полосой. Этаким млечный путь. Или нет — сельдяной. Дорожка, мощенная рыбьей чешуей... У самого горизонта медленно ползли огни какого-то судна. А еще дальше, невидимый за выпуклостью земного ша-

ра, полным ходом шел к Гайотиде «Руслан». И на нем — Кулидж. Пальцы Стентона сами собой сжались в кулаки. «Доберусь я до тебя, сукин ты сын,— подумал Стентон.— Обязательно доберусь. А пока...»

Стентон подошел к столу, выдвинул верхний ящик, достал сигареты. Курил он мало. Да и вообще впервые затянулся только в санатории на Багамах, где заканчивал курс лечения. Тогда уже стало окончательно ясно, что в космос ему не вернуться. Однако табак не стал привычным зельем: это было лакомство, которое Стентон позволял себе лишь изредка, когда надо было успокоиться и сосредоточиться. Курил он только один сорт — безникотинный зеленый «Салем». Ментоловая отдушка оставляла во рту ощущение свежести, послевкусие, лишённое обычной табачной горечи. Стентон сел в кресло у окна и закурил.

Так. С Бутчем и Джо он договорился, они не выдадут. Кора и подавно, она заинтересована в этом больше всех. Кармайкл и команда просто ничего не знали, а потому никак не могут опровергнуть утверждение командира. С этой стороны все в порядке. Слабое звено одно — сам Кулидж. Только бы он не проболтался! Слава богу, на «Руслане» его сразу же уложили в лазарет: нервный шок. Перетрусил, стервец. Впрочем, надо быть справедливым: на его месте перетрусили бы если не все, то, во всяком случае, многие. Итак, до прибытия на Гайотиду Кулидж не проболтается. Гарантии, увы, нет, но надеяться на это можно. А здесь... Здесь Стентон должен встретить его первым и предупредить. Правда, придется говорить с ним по-хорошему. Не бить морду, как следовало бы, а просить — просить лжесвидетельствовать перед комиссией. Да, именно так это и называется — лжесвидетельство. Плевать! В конце концов Кулиджу от этого хуже не будет, а значит, угрожать его удастся. Должно удастся, потому что иначе... Кора. Стентону в конечном счете все равно. Черное небо потеряно давно, потеряет теперь голубое... Так что же?

Можно жить и на Земле. А Кора? Она не должна пострадать.

Вот только как первым прорваться к Кулиджу? Стентон задумался. Можно, конечно, обратиться к Захарову. Наверное, тот сумеет помочь. Это мысль.

Стентон аккуратно погасил сигарету: хотя на современных цельнометаллических вакуум-дирижаблях гореть практически нечему, противопожарные правила по строгости ничем не уступают тем, которые были установлены когда-то на их накачанных водородом прашурах, и соблюдаются столь же свято. Потом он развернул кресло и стал смотреть на океан. Луна поднялась выше и теперь отражалась в воде не узкой дорожкой, а дробилась на мириады серебряных блесков. Совсем как тогда, подумал Стентон. Он взглянул на лунный диск: полнолуние миновало дня два назад. Да, совсем как тогда...

Тогда они на трое суток застряли в Лос-Анджелесе: какая-то задержка с какими-то грузами. В подробности Стентон вдаваться не стал — на это есть управляющий перевозками. Погода стояла чудесная, и они — Бутч Андрейт, Кора и Стентон — решил устроить себе небольшой пикник. У Бутча нашлись друзья — Стентон был уверен, что, окажись они случайно где-нибудь в Антарктиде, Бутч и тогда сказал бы: «Кстати, у меня в Мак-Мердо приятель есть, надо бы заглянуть...» Впрочем, оказались эти друзья вполне приятной парой: Коллинс писал сценарии для Голливуда, а его жена — как же ее звали?.. Какое-то необычное имя... Ах да, Саксон... Саксон заведовала отделом в каком-то рекламном агентстве. Впятером они уселись в «кантри-сквайр» Коллинсов и махнули в заповедник Джошуа-Три. Там они провели два чудесных дня, ночуя в палатке у костра, а на обратном пути остановились поужинать в небольшом французском ресторанчике в Санта-Барбаре. Уже дошло до сыров, когда откуда-то из недр заведения вдруг появился хозяин — рыжий детина, совсем не похожий на

француза, скорее уж подозрительно смахивающий на ирландца. Он встал на пороге кухни и, уперев руки в бока, хорошо поставленным голосом крикнул:

— Внимание!

Все обернулись к нему. Ресторатор выдержал паузу и ликующим голосом объявил:

— Только что по радио сообщили; выходят лаурестесы!

Стентон не знал, на этот ли эффект рассчитывал хозяин, но посетители рванулись из-за столов так, словно в Санта-Барбаре высадились марсиане или открылись золотые россыпи.

— Скорее! — завопил Коллинс, увлекаемая за собой всю компанию. — Скорее, опоздаем!..

Ни Стентон, ни Кора, ни даже всезнайка Бутч ничего не понимали, но общее движение подчинило их. Все последующее было похоже на массовый психоз. В самом деле: скажи ему накануне, да что там, несколько минут назад, что нерест паршивой рыбешки в шесть дюймов длиной может вызвать такое столпотворение вавилонское, он ни за что бы не поверил. Но теперь поверить пришлось. Уже потом ему рассказали, что летом, в лунную ночь — «вторую ночь после полнолуния и на седьмой волне после высшей точки прилива» — по всему побережью от мыса Консепшен до мексиканской границы выходят из моря лаурестесы и парами прыгают по пляжу, чтобы зарыть свои икринки во влажный песок. И вдоль всего берега — рать на рать — их ждут любители рыбной ловли. Впрочем, вряд ли это можно назвать рыбной ловлей в полном смысле слова. Как не назовешь и охотой. Это скорее некое состязание в ловкости, причем немало преимуществ в нем на стороне маленькой скользкой рыбешки, так как по калифорнийским законам ловить ее можно только голыми руками, без фонарей, граблей, сеток или любых других порождений человеческой хитрости и жадности. И за соблюдением правил неукоснительно следят не только бдительные инспекто-

ра Экологической службы, но и сами местные жители, вовсе не желающие лишать себя этой фантастической ночной феерии — хотя бы и в отдаленном будущем.

Но все это Стентон узнал уже потом. А тогда картина показалась ему просто сумасшедшей. Полуголые люди металась по пляжу, бродили, прыгали, бегали по колону в воде, поминутно нагибаясь и выхватывая что-то маленькое и серебристое; казалось, они хватают лунные блики. Безумие всегда заразительно: Стентон закатал брюки до колен, Кора скинула юбку, оставшись только в бикини и белой блузке, и они тоже бросились ловить рыбешек, тут и там взблескивавших на гребешках волн. Занятие это и впрямь оказалось сродни ловле лунных бликов — за первые полчаса Стентон едва-едва сумел поймать двух лаурестесов, да и то больше по недоразумению, нежели благодаря собственной ловкости. Но постепенно он приспособился, и дело мало-помалу пошло на лад. А потом он неожиданно столкнулся с Корой. Оба они смотрели только вниз, на воду, и потому не заметили друг друга. Стентон и сам не понял, как это случилось: просто Кора оказалась вдруг совсем рядом с ним, и руки его лежали у нее на плечах, а ее губы были солеными от морской воды... Так продолжалось несколько минут, и никто не обращал на них внимания в бредовой фантазмагории этой ночи. Наконец, Кора оторвалась от него и перевела дыхание.

— Это луна,— сказала она, чуть задыхаясь.— Это просто луна, капитан. Волшебство луны... А мы как лаурестесы...

Потом они вышли на берег. Карманы Стентона были набиты рыбешками, а Кора наполнила ими полиэтиленовый пакет. Кто-то уже развел костер, над которым кипело в котелке масло. Коллинсов и Бутча они в темноте потеряли, и потому пристроились к компании у этого костерка. Рыбок кидали в кипящее масло, и они моментально покрывались тонкой хрустящей корочкой, как картофельные хлопья, зажаренные по-французски. Ели

их как пресноводную корюшку — вместе с головами и потрохами, и это было удивительно вкусно, и Кора сидела рядом, так близко, что Стентон мог коснуться ее, стоило только чуть-чуть шевельнуть рукой... И Стентон знал, что ей это не будет неприятно.

Правда, на следующий день Стентон проснулся с сильным насморком, а к полудню чихал, словно нанюхавшийся перцу кот.

— За все надо платить, — улыбаясь, сказала Кора и принесла ему какие-то капли из аптечки. — Это за грехи вчерашней ночи, капитан!

Стентон долго пытался понять, что именно имела она в виду.

Как давно это было! И как нужно это было бы не тогда, а сейчас, сейчас! Впрочем, нет, и тогда и сейчас. Пожалуй, только теперь Стентон понял, насколько нужна ему Кора, и что страх потерять дирижабль — в значительной степени страх потерять ее. Если бы можно было сейчас встать и пойти к ней! Но именно теперь этого нельзя. Ни в коем случае. После того, что он сегодня сделал, это было бы похоже на предъявление счета.

В дверь постучали.

— Да, — сказал Стентон.

Дверь приоткрылась, бросив в каюту треугольник желтого электрического света.

— Можно, капитан?

Кора! До чего же нелепо устроен человек: тосковать, мечтать увидеть, увидеть хоть на миг, а когда этот миг приходит — не знать, постыдно и глупо не знать, что делать!..

— Да, Кора, — как можно спокойнее сказал Стентон. — Прошу.

Кора вошла, беззвучно закрыв за собой дверь.

— Сумерничаете, Сид?

— Да. Сижу смотрю. Красиво... Сейчас зажгу свет, — спохватился он. — Что-нибудь случилось, Кора?

— Не надо света. И не случилось ничего. Просто мне захотелось немного посидеть с вами. Не возражаете, капитан?

Сколько нежности может быть в одном человеческом голосе! У Стентона перехватило дух. Сколько ласки может быть в человеческом голосе... Одним-единственным. Ее голосе.

— Конечно, можно,— сказал он.— И пожалуйста, Кора, не называйте меня больше капитаном, хорошо? Какой я капитан...

Кора села на диван. Их разделял теперь только угол стола. Стентон пытался разглядеть, что на ней надето — это явно была не форма,— но для этого в каюте было слишком темно: луна поднялась уже так высоко, что лучи ее не попадали в каюту; прямоугольник окна слабо светился, но не освещал.

— Сид,— сказала Кора после минутного молчания.— Я хочу поблагодарить вас, Сид. Если я приняла вашу помощь... вашу жертву... не потому, что считаю ее естественной. То, что сделали сегодня вы,— это не помочь даме выйти из машины. Я знаю. Но... Поймите меня, Сид! Ведь, в сущности, вы очень мало обо мне знаете. Пожалуй, я знаю о вас и то больше. Знаю, что вы начинали почти с нуля. Знаю, как добивались приема в Колорадо-Спрингс. Но... Нас с вами нельзя равнять. Вы — американец. Англосакс. Вы — Сидней Хьюго Стентон. А я — Кора Химена Родригес. Понимаете, Родригес. Пуэрториканка. «Даго». Такие, как вы, всегда лучше нас потому уже, что их предки прибыли сюда на «Мэйфлауэре». Не знаю только, как «Мэйфлауэр» смог вместить такую толпу... А вы знаете, каково это — быть «даго»? Паршивым «даго»? А быть девчонкой-«даго» еще хуже... Да, я пробилась. Просто потому, что однажды попала на обложку журнала — фотографию чем-то понравилось мое лицо. И благодаря этому мне удалось устроиться в «Транспасифик» стюардессой. Через три года я стала старшей. И дальше я пойти не смогла.

Если бы не эти неожиданные курсы суперкарго для дирижаблей, кем бы я стала? И кем я стану, если потеряю то, чего достигла? А вы, вы всегда сможете добиться своего. Вы достаточно сильны, Сид. И полноправны. Теперь вы понимаете меня?

— Да,— сказал Стентон.— Понимаю. Но благодарить меня не надо. Я сделал так, как считал нужным. Я не знал всего того, что вы рассказали, но это неважно. Я только хочу, чтобы вы поняли — я...— Он замолчал, подбирая слова, но Кора не дала ему продолжать.

— Не надо ничего объяснять, Сид.

Стентон встал. Разговор явно зашел куда-то не туда, и теперь непонятно было, как же его кончать.

— Я знаю,— серьезно сказал он.

Кора тоже поднялась. Теперь они стояли почти вплотную.

— И еще одно, Сид. Я пришла не только поблагодарить вас. Я пришла к вам. На сегодня или навсегда — как захотите...

Так, наверное, чувствуют себя при землетрясении — земля качается и плывет под ногами, сердце взмывает куда-то вверх, к самому горлу, и нет сил загнать его на место... Стентону не нужно было даже идти к ней — он только протянул руки и обнял Кору. Не было ни мыслей, ни слов — только руки и губы, и больше ничего не было нужно, потому что и мысли и слова могут лишь обманывать и мешать. И так было бесконечно долго, пока где-то на краю сознания не всплыл тот давний день, и Стентон отчетливо услышал веселый голос Кору: «За все надо платить, капитан!»

Он резко отстранился.

— За все надо платить, Кора? — спросил он с сухим смехом, разодравшим ему гортань. Он закашлялся.

Мгновение Кора стояла, ничего не понимая. Потом вдруг поняла.

— Ка-акой дурак! Боже, какой вы дурак, Сид!

Хлопнула дверь, и Стентон остался один. Он подошел к окну и прижался лбом к стеклу. Броситься за ней, догнать, вернуть! Но сделать этого он не мог. И знал, что никогда не простит себе этого.

Стентон подошел к туалетной нише, открыл кран, сполоснул лицо. Потом закурил и долго сидел, глядя на мертвые циферблаты контрольного дубль-пульта над столом. Почему так? Если с тобой происходит что-то на море или в воздухе, то стоит отстучать ключом три точки, три тире и снова три точки, стоит трижды крикнуть в микрофон «Мэйдэй!» — и все сразу придет в движение. И если можно сделать хоть что-то, если есть хоть один шанс на миллион, чтобы выручить тебя из беды, — будь уверен, что этот шанс используют непременно. Но когда приходит настоящая беда, беда, горше и больнее которой для тебя нет, кто поможет тогда? Кому ты крикнешь «Мэйдэй»?

Кому кричать «Мэйдэй»?

Стентон встал и вышел из каюты. Дойдя до соседней двери, он постучал:

— Бутч!

Полуодетый Бутч впустил его в каюту.

— В чем дело, Сид?

— Бутч, ты хвастался на днях, что у тебя припрятан где-то контрабандный китайский чай. Какой-то невероятный и исключительный. Он еще цел?

— Цел. Настоящий люй-чай. Жасминовое благоухание.

— Давай.

— Он обошелся мне в пятьдесят монет, Сид.

Стентон достал бумажник и отсчитал деньги. Бутч отошел к шкафчику и извлек из него пеструю картонную коробочку.

— Держи. В оригинальной упаковке. Там, внутри, — фарфор. Если нужно еще что-нибудь...

— Нет, — сказал Стентон. — Спасибо, Бутч. Спокойной ночи.

Он вернулся к себе. Достав из бумажника салфетку с записанным телефоном, он проверил, подключен ли селектор дирижабля ко внутренней сети Гайотиды, и набрал номер.

Трубку долго не снимали. Стентон уже собирался дать отбой, когда голос Захарова на том конце провода произнес:

— Захаров слушает.

Стентон назвал себя.

— Вы предложили мне гостеприимство, товарищ Захаров. Разрешите воспользоваться им? Чай я принесу — не маврикийский, правда, а китайский, люй-чай, в оригинальной упаковке. Подойдет?

— Добро,— сказал Захаров и стал объяснять, как найти его квартиру.

Положив трубку, Захаров с кряхтением встал с постели. «Вот и выспался,— подумал он.— Ну да ничего, завтра отосплюсь. В самолете». На часах было двадцать два десять — значит, лег он полчаса назад... Захаров улыбнулся, быстро оделся, поставил на электрическую плиту чайник и принялся убирать постель.

XI

Едва баролифт, закачавшись, стал на дно, Аракелов сравнил показания внешнего и внутреннего манометров. Все в порядке: давление внутри было чуть-чуть выше наружного. Он нажал кнопку замка, и диафрагма люка начала раскрываться. Аракелов был уже наготове: пригнувшись, он оперся руками о закраины горловины, чтобы, едва отверстие достаточно расширится, одним толчком («Трап — для умирающих батияндров», как говаривал старик Пигин) бросить тело вниз, в темноту.

И вдруг он понял, что привычной темноты нет. Снизу, из люка шел ровный, холодный, рассеянный свет,

и это не был свет прожекторов. Диафрагма раскрылась полностью, и Аракелов увидел уходящие вниз металлические ступеньки трапа. На одной из них сидел... сидело... Нет, не осьминог. И не кальмар тоже. Скорее что-то среднее между ними — ярко-оранжевое бесформенное туловище удобно устроилось на ступеньке. Два огромных круглых глаза в упор смотрели на Аракелова, и в них читалось откровенное ехидство. Восемь ног спускалось вниз, и существо болтало ими в воде — ни дать ни взять мальчишка, сидящий на мостках у реки. А в двух длинных щупальцах был зажат стандартный ротный спаренный лазер образца двадцать первого года. Стволы его смотрели прямо в грудь Аракелову.

— Опять струсил? — спросило чудовище, и Аракелов ничуть не удивился — ни тому, что оно говорит, ни тому, что говорит оно голосом Жорки Ставраки.

— Нет, — сказал он, спрыгнул в воду и, отведя ствол лазера в сторону, примостился рядом с чудовищем. Ему было весело. — Маска, маска, я тебя знаю.

— Ну и знай себе. Ведь ты же не пошел...

— Я пошел. И сделал. Без меня «Марта» ничего бы не смогла.

— Да, — по-свойски подмигнуло существо, и Аракелов впервые удивился по-настоящему: он никогда не слышал, чтобы спруты мигали. — Да, ты пошел вторым. Вторым уже не страшно...

— Я пошел бы и первым.

— Бы... Существенная разница. Ты просто испугался, дружок.

— Нет. Я боялся, пока не знал. А когда узнал, перестал бояться. Я тебя знаю. И не боюсь.

Спрут помолчал, играя лазером, потом насмешливо спросил:

— А кто тебе поверит?

— Поверят, — ответил Аракелов, но прозвучало это у него не слишком уверенно. — А не поверят — плевать. Я-то знаю.

— Вот и расскажи это своим там, наверху. Посмотрим, поверят ли они.

— Поверят. Потому что знают меня. А я знаю тебя.

— Не знаешь.— Чудовище расхохоталось. Смотреть на хохочущий роговой клюв было жутковато.— И никогда не узнаешь.

Аракелов заметил, что оно стало как-то странно менять форму, расплываться. Так расплывается чернильное облачко каракатицы.

— Знаю. Ты сероводород. И мне на тебя наплевать.

— Нет, дружок. Я — пучина. Сегодня я сероводород, ты прав. А завтра? Я сама не знаю, кем и чем буду завтра. Как же можешь знать это ты?

— Ничего,— сказал Аракелов.— Теперь я тебя всегда узнаю. Всегда и везде.

— Посмотрим,— хихикнуло облачко сепии, окончательно расплываясь, растворяясь в сгустившейся вокруг тьме.— Посмотрим... А пойдешь ли ты еще хоть раз вниз? Разве трусы ходят вниз? И разве их пускают сюда?..

— Пойду! — заорал Аракелов, бросаясь вперед, на голос.— Вот увидишь, пойду!

Он сделал мощный рывок, но голова уперлась во что-то холодное, жесткое, и он проснулся.

Было совсем темно. Значит, проспал он долго и уже наступила ночь. Он лежал на боку, упираясь лбом в холодный пластик переборки. Хотелось пить. Аракелов повернулся и сел. И тогда увидел, что за столом кто-то сидит. Кто — разобрать было невозможно: из-за плотно зашторенного иллюминатора свет в каюту не проникал. Он протянул руку к выключателю.

— Проснулся? — Это была Марийка.

— Ты? Здесь? — От удивления Аракелов даже забыл, что собирался сделать.

— Да...— В голосе ее прозвучала непривычная ро-

бость.— Понимаешь, мне нужно было увидеть тебя первой. До того, как ты увидишь других. Вот я и пришла.

Аракелов ничего не понимал. Голова спросонок была тяжелой, может быть, из-за снотворного. Он протянул руку и нащупал часы. Поднес их к глазам: слабо светящиеся стрелки показывали почти полночь.

— Ты не хочешь разговаривать со мной?

— Сейчас,— хрипло сказал Аракелов. Он пошарил по столу: где-то должен быть стакан с соком. Он всегда в первую ночь после работы внизу ставил рядом с постелью сок и, просыпаясь, пил. Это так и называлось: постбаролитовая жажда. Ах да, спохватился он. Зададаев... снотворное... Значит, соку нет. Но стакан неожиданно нашелся. Ай да Витальич! Кисловатый яблочный сок быстро привел Аракелова в себя.

— Саша...— Марийка подошла, села рядом.— Ты не простишь мне этого, Сашка, да?

— Чего? — не понял Аракелов. Он обнял Марийку и вдруг почувствовал, что плечи у нее мелко-мелко вздрагивают.— Да что с тобой?

Марийка откровенно всхлипнула.

— Я так и знала, что не простишь...

— Ничего не понимаю! — Аракелов растерялся.

Марийка подняла голову.

— Значит, ты не знаешь? Тебе не сказали?

— Да чего?!

— Сашка, это ведь я...

— Ты?! — Все сразу встало на свои места. Перед Аракеловым мгновенно возникла залитая солнцем палуба и Марийка, томно раскинувшаяся в шезлонге... «Мне в «Марте» посидеть надо, на следующей станции она по моей программе работать будет». И зададаевские умолчания и увертки стали ясны. Эх, Витальич!..

— Значит, ты...— повторил Аракелов.

— Да,— сказала Марийка.— Понимаешь... Это все так получилось...

— Понимаю,— Аракелов отодвинулся от нее и оперся спиной о переборку. Ему было больно от обиды и обидно до боли.— Дух струсил, надо нос ему утереть. Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь! Я же люблю тебя, дурака! И знаю, что ты не струсил, ты не мог струситься. Это они говорили, что ты струсил...

— Они?

— Ну да. Я в «Марте» сидела, люк был открыт, а они рядом встали...

— Кто?

— Жорка, Поволяев и еще кто-то, я их не видела, только слышала. И говорили, что ты струсил. Мол, батиндры со своей исключительностью носятся, подумаешь, дефицитная профессия, нужно им себя беречь для грядущих подвигов... А что человек погибает — ему наплевать, духу нашему... И в таком роде.

— Та-ак,— сказал медленно Аракелов.— Ясно.— Это он предвидел еще внизу.

— И я к ним не вышла. Понимаешь, не вышла. Сама не знаю почему. Побоялась, что ли?

— Чего?

— Не знаю. Я бы, наверное, им по рожам надавала.

«Стоило бы,— подумал Аракелов.— Но это я могу и сам».

— И что же ты сделала?

— Когда они отошли, вылезла, поставила слип на автоспуск. Я видела, как это делают...

— Ясно,— сказал Аракелов.

В принципе в этом не было ничего невозможного. Отмотать метров двадцать троса на барабан носовой лебедки «Марты», застопорить судовую лебедку, а потом помаленьку стравливать трос, соразмеряясь с опусканием слипа. Для опытного водителя это не представ-

ляло особого труда. Но как справилась с этим Марийка? Ведь опыта работы с «Мартой» у нее с гулькин нос... И как никто ей не помешал? Ведь слип скрежещет так, что только в баролифте не слышно! Конечно, когда «Марта» уже пошла к воде, остановить ее было бы нельзя, но до того? Куда смотрел вахтенный? Мда-а, подумал он, дисциплинка... Пораспустил народ Ягуарыч...

— И никто тебя не остановил?

— Нет...

— Молодцы! — искренне восхитился Аракелов. На мгновение ему даже стало весело. — Хоть судно укради, не заметят, если есть о чем посудачить!.. Но на кой черт ты полезла? Зачем?

— Затем, что я слышать не могла, как они про тебя... Понимаешь? Я уже все знала — и про патрули, и про «рыбку». И понимала, что ты там сидишь и думаешь...

— Вот и не лезла бы. Лучше бы сама подумала...

— Я и думала. Что тебе экспериментальные данные нужны. И что если даже «Марта»... не пройдет... Ты скорее сообразишь, что к чему.

До Аракелова дошло не сразу: слишком уж нелепо это было. Нелепо, немыслимо, невозможно!

— Дура! — заорал он, забыв, что уже ночь, что за тонкими переборками каюты давно уже спят. — Ты соображаешь, что говоришь?

— Да, — тихо сказала Марийка, и Аракелов осекся. — И когда делала, тоже соображала. Только что все вот так получится — не сообразила.

Аракелов обнял ее, прижал к себе, гладил по волосам, целовал мокрое от слез лицо, шею, руки...

— Дура, — задыхаясь, бормотал он, — сумасшедшая, ненормальная... Что бы я без тебя делать стал, а?

— А что ты будешь делать со мной? — печально спросила Марийка. — Ведь ты... Ты же мне не простишь. И прав будешь.

Он обнял ее еще крепче. Что-то больно впилося ему в грудь. Он чуть отстранился и пощупал. Это была та самая веточка «ангельского коралла»... Она подумала даже об этом, идя к нему...

«Руслан» тогда простоял четверо суток в Кэрнсе, и Аракелову и еще двоим аквалангистам удалось на пару дней съездить в Куктаун по приглашению местного клуба рифкомберов. Как Аракелову повезло наткнуться на «ангельский коралл», он и сам не мог понять. Этот полип редок, очень редок, а в этих местах до сих пор его не находили вообще. Да Аракелов и не знал, что нашел. Просто его поразил коралловый куст: никогда еще он не видел такого богатства оттенков красного цвета.

Он отломил веточку и спрятал в сетку. Просто так, на память. А когда позже, на берегу, ему объяснили, что это,— план созрел мгновенно. Вернувшись на «Руслан», он посоветовался с корабельными умельцами, больше недели проводил все вечера в каюте, возясь с лаками, клеями и так далее, но зато потом подарил Марийке вот эту самую брошь.

Аракелов аккуратно отколол брошь и положил на стол. Потом снова привлек Марийку к себе.

— Ничего,— сказал он.— Это все ерунда. Понимаешь, ерунда. И прощать или не прощать я тебя не могу. Я ведь люблю тебя. Просто люблю, и не могу ни винить, ни прощать.

— Я им скажу, я им все скажу, слышишь?

— Я им сам скажу,— пообещал Аракелов.— Это все не так страшно. Это все утрясется... Главное, что есть мы. Понимаешь, не ты, не я. Мы.

Марийка благодарно улыбнулась — он понял это по изменившемуся голосу.

— Спасибо, Сашка.

Он еще долго сидел, обняв ее одной рукой, а другой бережно и легко гладя по волосам,— до тех пор, пока по

дыханию не понял, что Марийка уже спит. Тогда он тихонько встал, продолжая обнимать ее плечи левой рукой, и осторожно уложил Марийку на постель. Она все-таки проснулась:

— Ягуарыч поклялся списать. Вахтенным по выговору, а меня — на берег... «Это,— говорит,— еще не все... Вот завтра утром разбор устроим... Там больше получите...» Но мне все равно, понимаешь? Пусть спишут... если ты меня в жены возьмешь...— Язык у нее заплетался.

— Спи,— сказал Аракелов.— Пустяки все это. Спи, милая.

Она и в самом деле уснула — на этот раз окончательно. «Досталось же ей сегодня»,— подумал Аракелов. Он бесшумно оделся и вышел из каюты.

Поднявшись на главную палубу, он прошел на нос и встал, опершись вытянутыми руками на планширь и глядя на фосфоресцирующие буруны, вскипавшие у форштевней.

«Да,— подумал он,— майский день, именины сердца...»

Океан был темным, почти черным; серебряные блики лунного света только подчеркивали его черноту. Он был бескрайним и бездонным. Таинственным. И где-то там, в глубине, скрывались его таинственные порождения — Великий Морской Змей, Чудовище «Дипстар», Чудовище «Дзуйио Мару»... Подумать только, еще утром Аракелову казалось, что найти их — единственная трудная задача в жизни. Это было каких-нибудь шестнадцать часов назад... Каким же еще мальчишкой он был тогда!

«А теперь... Марийка что-то сказала про завтрашний разбор... Значит, дошло до этого. Значит, завтра будет бой. Бой на ближней дистанции, как в старину. Что ж,— равнодушно подумал Аракелов,— бой так бой. Что еще остается? Благородно поднять флажный сигнал «Поги-

баю, но не сдаюсь» и благопристойно пойти ко дну...»

Пойдет ли он еще ко дну? Туда, вниз? Или прав был спрут из кошмара? И уже никогда не придется Аракелову войти в баролифт? «Нет,— подумал он,— этого не может быть».

Это может быть. Это очень может быть, трезво рассудил он. Пусть ты убежден, что был прав. Абсолютно прав. Пусть ты можешь с чистой совестью сказать: я сделал. Только поэтому живы водители четырех патрульных субмарин, тех, что шли на поиски погибших; только поэтому останутся в живых все те, кто не пойдет уже в сероводородные облака, ибо, кто предупрежден, тот вооружен. Пусть поймут и поддержат тебя Зададаев, Ягуарыч — ведь не может не понять этого капитан,— Генрих и кто-то еще. Даже многие. Даже большинство. Но всегда найдутся и другие. Те, из-за кого могла погибнуть Марийка. И такие, как те. И возникнет слух, слух, который окажется сильнее любого официального одобрения. От него не спрячешься никуда. Батиандров мало, очень мало, и друг о друге они знают все. Даже будь их много, знать все друг о друге им необходимо: ведь пойти с человеком вниз можно лишь тогда, когда знаешь его до конца. Когда веришь ему, как себе. Больше, чем себе. А кто поверит теперь Аракелову? Да, конечно, он был прав, но говорят...

И придется жить, ежедневно борясь с этим «говорят». Разве можно так жить?

А ведь ему еще только тридцать два...

Менять профессию? Уходить? Значит, проклятый оранжевый спрут был прав?

Нет, решил Аракелов. Нет. Ни за что.

Бой так бой. И чем скорее, тем лучше. Аракелов почувствовал, как рождается и крепнет в нем холодная, упрямая злость. Нет! Он еще будет внизу. Он еще поймает всех этих Великих Морских Змеев и Чудовищ

«Дзуйио Мару». Он еще спустит с них шкуру. Спустит шкуру, сделает сумочку и подарит Марийке.

Аракелов поднял глаза к горизонту и увидел, как впереди, прямо по курсу, возшла звезда. Яркая, автоматически отметил он. Наверное, планета. Только какая? Внезапно звезда погасла, потом вспыхнула вновь. Снова потухла. И загорелась опять.

И тогда Аракелов понял, что это. Это была не звезда. Это был лазерный маяк на вершине Гайотиды.

ЧАСТЬ II ПОЛЕ НАДЕЖДЫ

I

Из брюха «Сальватора», зависшего метров на двадцать пять выше,—там, где стены каньона расходились достаточно, чтобы между ними могло втиснуться трехкорпусное тело спасателя,—

бил резкий свет прожекторов. Базальтовые стены и нагромождения лавовых подушек на дне казались в этом свете почти черными, а оранжевая окраска патрульной субмарины отливала алым — цветовой контраст, рождавший в душе щемящее тревожное чувство. Впрочем, какая уж теперь тревога! До завершения операции, по самым оптимистическим подсчетам, оставалось не меньше сорока минут, тогда как запас воздуха в субмарине уже иссяк. Даже если водитель умудрялся все это время спать, не двигаться, не волноваться, словом, сократить потребление кислорода до всех теоретически допустимых и вовсе недопустимых пределов, не дышать совсем он не мог. И тем подписывал собственный приговор... Приговор, по всей вероятности, уже приведенный в исполнение. Так что говорить о спасении казалось сейчас Аракелову попросту кошунственным. Они поднимали затонувшее судно. И все.

Азизхан, Яан и Лайош заводили шлагги спущенных с «Сальватора» тросов. Сеть, опутывавшая субмарину, была уже рассечена, и теперь осталось осторожно подтянуть ее повыше, а там сработают захваты, зафиксируют субмарину между двумя нижними корпусами спасательного аппарата, и тот, медленно продувая цистерны, начнет всплывать. Но еще задолго до той минуты, когда он появится на поверхности, — там, в трех километрах над головой, — из днища главного корпуса выдвинется гофрированный хобот, нащупает рубку субмарины, присосется к ней; вспенившись, мгновенно затвердеет герметик; кто-то из экипажа «Сальватора» спустится по этому хоботу, откроет люк и втащит наверх тело патрульного. В том, что это будет уже только тело, Аракелов ни минуты не сомневался: чудес не бывает.

И самое страшное вовсе не это. В конце концов Океанский Патруль — это Океанский Патруль. Тот, кто выбирает эту профессию, неизбежно должен смириться с возможностью пусть даже маловероятной, но реаль-

ной тем не менее возможностью погибнуть вот так. Ибо стихия и сегодня оказывается порой сильнее человека; ибо человек и сегодня не застрахован от ошибок, а здесь, под водой, ошибка чаще всего стоит жизни... Нет, самое страшное, что на этот раз человек погиб в схватке с другим человеком.

Подлость, какая подлость!

Аракелов снова посмотрел туда, где работали трое батияндров его команды. Дело споро двигалось к концу, и он здесь явно не был нужен. Он развернулся и направился к баролифту. Плыть предстояло чуть больше мили — минут десять-двенадцать для скуттера, если не форсировать движок. Но торопиться теперь уже было некуда и незачем. Гонка, начавшаяся четырнадцать часов назад, подошла к концу.

В эти четырнадцать часов втиснулось многое. И срочный вызов к начальнику штаба отряда Океанского Патруля, прикомандированного к Гайотиде-Зюйд, — вызов, заставший Аракелова врасплох, потому что только накануне прилетела из Владивостока Марийка, и Аракелов решил по этому случаю воспользоваться всеми накопившимися отгулами (оно, конечно, семейная жизнь, при которой ты проводишь дома от силы три месяца в году, близка к идеалу и гарантирует от пресыщения, но именно потому незапланированные встречи особенно радостны). И выяснение, кого из батияндров аракеловской команды, работавшей по программе «Абиссали-45», можно срочно снять на спасательную операцию. И организация их переброски на обеспечивающее судно: собрать их всех на палубе «Ханса Хасса» за три часа оказалось едва ли не самым трудным. И наконец, сама по себе работа — вовсе не сложная, но закончившаяся совсем не так, как должна была бы. Впрочем, закончилась она только для троих. Азизхан, Лайош и Ян вскоре поднимутся наверх и через несколько часов будут отсыпаться в комфортабельных каютах «Хасса». Если смогут уснуть после такого финала операции, конечно.

Аракелову же предстоит еще одно дело. Он окончательно понял это только сию минуту, но подспудно решение зрело в нем все последние часы. С того самого момента, как они начали резать сети, в которых застряла субмарина.

Стены ущелья расступились, и перед Аракеловым раскрылась долина Галапагосского рифта. Еще через три минуты, оставив скуттер возле одной из опор баролифта, он скользнул в донный люк и оказался в ярко освещенном сухом отсеке.

Здесь было заметно просторнее, чем в привычном баролифте «Руслана». И то сказать — пятиместная машина, целый подводный дом... Аракелов снял ласты и подошел к телетайпу. Как ни совершенствовалась техника, а от этого агрегата было никуда не уйти: мешал-то не «эффект Дональда Дака», с которым в гелиево-кислородной атмосфере подводных поселков шельфа давным-давно уже научились бороться, а сама перестроенная физиология батияндров. Увы, батияндр — существо безгласное. Замедленный, вынуждающий к телеграфной лапидарности стиля телетайпный диалог всегда раздражал Аракелова, но с ним приходилось мириться, как со злом неизбежным. Он нажал клавишу вызова:

«Прошу на связь капитана».

Ждать пришлось минут десять. За это время Аракелов успел послать два запроса в информационный банк «Навиглоб», и ответы подтвердили его предположения. Наконец по дисплею телетайпа побежало:

«Капитан на связи».

Аракелов коротко доложил о ходе работ. Собственно, в общих чертах капитан должен был быть в курсе дела, так как «Сальватор» поддерживал с «Хансом Хасом» непрерывную связь по гидроакустике. Да и о том, чего не видели спасатели с «Сальватора», можно было сообщить дежурному оператору, не отрывая капитана, у которого и так хватало забот. Однако это была лишь обязательная прелюдия к предстоящему разговору. Ара-

келов ожидал, что разговор этот окажется нелегким, что будет спор и придется доказывать свою правоту и свое право, и заранее уже жалел, что на том конце провода не Зададаев, который понял бы все с полуслова, а этот низенький усатый капитан с непроизносимой греческой фамилией Мегалотополопопулос, которую Аракелов еле-еле зазубрил по слогам с пятого раза. Но все получилось иначе. Когда Аракелов изложил свою идею, капитан задал всего два вопроса.

«Резерв времени?»

«Пятьдесят один зеленый час», — отстучал в ответ Аракелов.

«Какая требуется помощь?»

«Встретить меня. Через сорок восемь часов. Координаты randevu...»

«Добро. Сам ждать не смогу. Сейчас выясню, кто обеспечит встречу. До связи».

Понятно: «Ханс Хасс», громадина, плавучий институт, приписанный к международной базе Факарао, не может прохлаждаться двое суток. У него своя программа, и напряженная. Они уже потратили уйму времени, но покуда речь шла о спасательной операции, никто о своих программах не думал. Теперь другое дело.

Вновь ожил дисплей телетайпа:

«Оперативное судно Океанского Патруля «Джулио делла Пене» прибудет в точку randevu через сорок четыре — сорок шесть часов. Их бароскаф обеспечит встречу. Желаю удачи».

«Спасибо. Конец связи».

Ну вот, теперь можно браться за дело, Аракелов подобрал и подогнал снаряжение, выбравшись из баролифта, взял скуттер — не разъездной буксировщик, на котором только что вернулся, а пятый в комплекте, «кархародон» с нетронутым еще шестидесятичасовым ресурсом. Хотя размерами «кархародон» по меньшей мере всемерно уступал своему живому тезке, это была мощная, маневренная машина, развивавшая десять узлов крей-

серского хода и до семнадцати на форсаже: как раз то, что и нужно было Аракелову для задуманной им почти четырехсотмильной экспедиции. Он забрался в скуттер, устроился поудобнее и дал ход.

Однако направился он не к тому ущелью, где попала в ловушку патрульная субмарина, а повернул вдоль края рифтовой долины на северо-северо-запад. Слева, в трехстах-четырёхстах метрах от него, круто уходили вверх склоны обрамлявших долину гор. «Кархародон» скользил почти над самым дном. В каком-нибудь десятке метров под ним проплывали пухлые пузыри подушечной лавы; долина здесь была почти совсем пустынькой, лишь кое-где поднимались на тонких стеблях крупные, до двух метров, колокольчики стеклянных губок. Трудно было поверить, что рифт — самое активное место океанского дна. Казалось, все тут застыло от века, так было миллионы лет, тысячи, сотни... Так было восемь лет назад, когда Аракелов впервые очутился в здешних местах.

Если разобраться, тогда и началась для него сегодняшняя история, хотя сам он об этом и не подозревал.

Начальство попросило подменить — недели на две — заболевшего батияндра на международной подводной биостанции «Лужайка одуванчиков». Аракелов ничтоже сумняшеся согласился, и уже на следующий день разъездной мезоскаф Океанского Патруля, аккуратно состыковавшись своим донным люком с купольным люком станции, доставил Аракелова на место.

Станция была обычная, типовая: тридцатиметровая полусфера, намертво заякоренная на дне Галапагосской рифтовой долины в самом центре оазиса с поэтическим названием «Лужайка одуванчиков». На верхнем из трех этажей станции размещался обширный тамбур с малым пассажирским и большим грузовым купольными люками, на втором — жилые помещения и склады, а на первом — энергетическое сердце станции, реактор, лаборатории и батияндрогенный комплекс со шлюзом для вы-

хода наружу. Аракелов уже бывал на десятке подобных станций и потому мог ориентироваться здесь, как говорится, с закрытыми глазами.

Однако такой встречи не ожидал. Едва он ступил на станцию, ожил динамик селектора.

— Батиандр, на связи начальник станции. Ваша комната — номер шестой, голубая дверь. Обед — через час, в четырнадцать. Извините, не могу встретить — идет эксперимент.

— Спасибо,— произнес озадаченно в пустоту Аракелов.

Он быстро раскидал свои нехитрые пожитки в комнате, где оставались еще вещи заболевшего коллеги. Тот должен был вернуться, и Аракелов постарался в неприкосновенности сохранить художественный беспорядок, царивший в его обиталище. Как же его зовут, попытался вспомнить Аракелов. Какое-то испанское имя на «а»... Алонсо? Аурелио? Альфонсо? Нет, не вспомнить... Конечно, жить вот так, по-птичьи, в чужой комнате — не подарок. Даже две недели. И даже если из этих четырнадцати дней шесть придется провести снаружи. Но в конце-то концов переживем.

За обедом он наконец познакомился с экипажем биостанции. Похоже, ему тут были не слишком рады. Обстоятельство по меньшей мере странное, ибо в любом коллективе, хотя бы на месяц изолированном от окружающего мира, всякому новому человеку прежде всего раскрывают объятия, а уже потом смотрят, стоило ли. Случается ведь, что не стоило; редко, но случается... Здесь, однако, все было иначе. У Аракелова создалось впечатление, что он здесь — персона нон грата, некий проходимец, сомнительным путем добившийся высокой чести попасть в число обитателей «Лужайки одуванчиков». С ним были просто вежливы и ровно настолько, насколько это требуется по отношению к незнакомому и нимало не интересующему тебя человеку. Словно ему не предстояло работать с этими пятерыми бок о бок...

Его спросили, как там Агостино, когда его можно ждать? (Ага, значит, заболевшего батияндра звали Агостино!) Увы, Аракелов ничего сказать не мог. Его попросили временно подменить коллегу, и все тут. Кстати, а чем ему предстоит заниматься? Да много чем, объяснили ему, программа обширнейшая, одна беда: батияндрогенный комплекс барахлит, станция ведь новая, запущена год всего, что-то еще не отлажено, сейчас вот ждут наладчика от фирмы, а он задерживается... А что с комплексом, поинтересовался Аракелов, в этом деле он кое-что смыслит и сам, может, его скромных познаний хватит? А черт его знает, что, объяснили ему, специалистов на станции нет, так что лучше все-таки дожидаться представителя фирмы, а тогда уже и за дело. И сколько же это — дожидаться? Может, день, а может, два — кто знает? Торопиться, в сущности, некуда, смена у них здесь долгая — полгода, из которых прошло еще только два месяца. Но ведь Аракелову-то здесь две недели быть! Так что ж, наверное, за это время все и наладится. В конце концов он, Аракелов, ведь не виноват — обстоятельства... Они обильно оснащали речь непривычными обращениями «сеньор Алехандро, сеньор Аракелов». Хотя разговор и велся по-английски: все пятеро были латиноамериканцами, правда, из разных стран, объясняли все охотно, любезно, но столь отчужденно, что в конце концов Аракелова просто заело. У него тоже был свой характер, сюда он не набивался, и раз так...

Никому не сказав, он повозился-таки с комплексом. Неполладки в нем действительно были, но такие, что Аракелову странно стало: или предшественник его был уж полный лопух, причем лопух с феноменальным везением, потому что работать с такой расхлябанной аппаратурой — верное самоубийство, или же здесь, на станции, скрываются чьи-то дети, которые шалят по ночам. Тихо так шалят, но активно... Аракелов возился три дня, выявляя новые и новые разрегулировки, предста-

вителя фирмы все не было, и он уже подумал было махнуть на все рукой, но на четвертый день законспирированные шалуны (или, может, здешние злые духи?) сдались, комплекс заработал, заработал четко, на совесть — одно удовольствие.

С этим Аракелов и пришел к начальнику станции. Доктор Рибейра долго кивал головой, улыбался, пожимал Аракелову руку, но на прямой вопрос, что же теперь Аракелову делать, ответил весьма уклончиво. Мол, за это время накопилось много несделанной работы, минимум по трем темам надо наверстывать, но что именно в первую очередь, это решить надо. Вот они обсудят, решат, и тогда Аракелов получит задание...

Кончилась вся эта игра в кошки-мышки тем, что на седьмые сутки Аракелов вышел-таки из станции. Поставленная перед ним задача была настолько нехитрой, что даже обидно стало: в самом деле, нельзя же микроскопом гвозди забивать! Аракелов был батиандром высокой квалификации и знал это. Но задание есть задание, в конце концов ему поручено оказать им помощь, и он оказывает. А какую — им видней. И больше говорить не о чем.

По расчету времени он должен был возвратиться через пятьдесят четыре часа. Аракелов уложился в тридцать восемь. Вот тогда-то он и позволил себе откровенное нарушение дисциплины, то самое, которое ему впоследствии пытались — и безуспешно — вменить в вину. Нельзя сказать, что это было каким-то осознанным решением. Скорее Аракелов попросту подцепил болель, именуемую синдромом Беттереджа или — в просторечии — сыскной лихорадкой. Если какие-то тайные силы пытались задержать его на станции, если маршрут был разработан таким образом, чтобы минимально проходить по территории оазисов, значит, Аракелову надо пошастать по этим самым местам. Зачем? Кто его знает! А зачем его пытались не пустить сюда?

Вообще-то оазисы Галапагосского рифта являли со-

бой картину малопривлекательную. Существой во времена великого мессира Алигьери батискафы, Аракелов поклялся бы, что последние круги ада Данте писал с натуры, и натура эта находилась здесь. То тут, то там были из дна горячие источники, ключи, гейзеры. Аракелов прямо-таки ощущал мощный напор раскаленного вещества земных недр, которое просачивалось понемногу в трещины между застывшими уже подушками лавы, застывало само, но успевало отдать тепло воде. Вместе с теплом вода насыщалась солями серы, и от едкого всепроникающего привкуса сульфидов Аракелова уже мучило. Его бросало то в жар, то в холод — там, где обычная, нормальная температура, от одного до двух градусов Цельсия, подскакивала вдруг до четырнадцати, пятнадцати, даже семнадцати. Эти теплые зоны и образовывали собственно Галапагосские оазисы — обильные жизнью участки мертвой долины. Только первоосновой жизни был тут не солнечный свет, а тепло Земли; Плутон в этих закоулках Нептунова царства заменял Гелиоса. Началом пищевой цепи служили здесь серные бактерии, а все остальные ее звенья — кишечнорастворимые и моллюски, членистоногие и погонофоры — были заражены гигантизмом. Вдобавок они были не только велики — их было много, чудовищно много. Поразительная вакханалия жизни, ждущая своего Босха...

И в какой-то момент — на восьмом или девятом часу бесцельных аракеловских блужданий по кругам Галапагосского рифта — он столкнулся с самым кошмарным порождением этого мира.

Сперва Аракелов лишь уловил латералью какое-то неявное, смутное движение. Он еще не мог понять, что это такое, но инстинктивно насторожился... К нему медленно приближалось нечто незнакомое и загадочное.

Аракелов выключил движок скуттера и замер, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Это была не только осторожность наблюдателя, но и разумное опа-

сение потенциальной жертвы: на многие годы запомнилась Аракелову первая встреча с кархародоном, тридцатиметровой пелагической акулой, считавшейся и ископаемой до тех пор, пока Кейт Уиллис нос к носу не столкнулась с ней подле Реюньона в девяносто шестом... Аракелов в тот раз уцелел лишь чудом, и это на всю жизнь научило его осторожности. И потому сейчас он бездвижно висел в нескольких метрах над дном, готовый в любую секунду врубить двигатель скуттера и улепетывать на форсаже, хотя не было ни малейшей уверенности, что скорости аппарата хватит...

Существо медленно приближалось и, наконец, Аракелов увидел: Левиафан!

Больше всего он напоминал крокодила — гигантского, фантастического крокодила не меньше двадцати метров длиной. Но дело было не только в размерах. Чем-то древним дохнуло на Аракелова, и он замер, не думая ни об опасности, ни о научной классификации, — он просто зачарованно смотрел, как существо медленно, величественно и грозно проплывало мимо. Огромная, в два аракеловских роста голова, крутолобая, с гигантской зубастой пастью, сидела на длинной шее; крокодилье туловище увенчивалось зубчатым тритонным гребнем; мощные ласты не утратили еще первоначального сходства с лапами; широкий хвост шевелился едва-едва, но от этих почти незаметных движений распространялась по воде такая волна, что аракеловская латераль отзывалась на нее чуть ли не болью. Упругая, толстая кожа чудовища была коричневой — более темной на спине и боках и светлее внизу, на тяжело отвисшем брюхе, а с шеи свисала, развеваясь во встречном потоке, длинная красная грива...

Левиафан!

Чтобы описать его, нужен был Босх. Аракелов просто смотрел ему вслед, а в памяти, словно с пущенной кольцом пленки, звучали две строки из читанного когда-то стихотворения:

Мчатся мои красногривые кони,
И на мир опускается страх.

Аракелов смотрел, твердя про себя эти строки, как заклинание, пока монстр совсем не исчез.

И вот сейчас, уверенно ведя свой «кархародон» на северо-северо-запад вдоль края долины, Аракелов вновь и вновь возвращался к мысли — не будь этой восьмилетней давности встречи, и не было бы сегодняшней безуспешной спасательной операции. Нужды бы не было в теперешней погоне — справедливом, но запоздалом, как всегда, походе Фортинбраса. И не было бы того, за кем неумоимо и неумолимо следовал сейчас Аракелов...

Не было бы Душмана.

II

Ну вот, сказал себе Клайд Лайон, теперь можно и отдохнуть. Да и что ему оставалось, кроме отдыха, суток на трое, если не четверо. Покуда улягутся страсти и можно будет спокойно уйти.

Он критически оглядел плоды своих трудов. На столике — здоровенный термос с кофе, тарелка с сэндвичами и стопка видеокассет. Здорово, что на этот раз он догадался прихватить их с собой. А то дохни тут с тоски, как в прежние отсидки... Все одиннадцать серий «Заклинателей праха»! А?! Это ж полная Ривьера! Одиннадцать серий, двадцать два часа, а смотреть такое и не по разу можно! Ну и отоспаться не худо. Тоже Ривьера. Последние дни ему это не слишком-то удавалось...

После третьей серии недосып стал чувствоваться всерьез — невзирая на крепкий кофе. Что ж, можно и на боковую.

Клайд выключил телевизор, еще несколько секунд смотрел, как гаснет в центре экрана крохотный, яркий квадратик, потом резким движением поднялся (легкое

складное кресло пронзительно взвизгнуло), сходил на камбуз, где вымыл и поставил в сушилку посуду,— аккуратность всегда была его пунктиком,— и направился к облюбованной на эту ночь спальне. Если верить пожелтелой карточке, вставленной в пластиковый кармашек на двери, раньше здесь жил оператор донных работ. Каютка была маленькая, как и все помещения станции, кроме пультовой и салона. Все убранство ее заключалось в письменном столе (весьма скромном), двух табуретах, стенном шкафу и нешироком диванчике, на ночь превращавшемся, однако, во внушительную — больше половины каюты — тахту. Клайд чувствовал себя на таком ложе на редкость неуютно. И о чем только думали эти идиоты-проектировщики?..

Клайд предполагал уснуть сразу же, как ляжет, но не тут-то было. В голову лезли какой-то несусветной мешаниной впечатления последних двух дней, с тех пор, как «Тигровая Лилия», мягко опущенная на воду мощной лапой судового крана, равномерно закачалась у подветренного борта «Оушн Свайна».

Тогда предстоящий вояж казался Клайду просто очередной вылазкой в Галапагосские оазисы, дерзкой охотничьей экспедицией, каких на его счету было уже немало. Сколько, кстати? Ну-ка посчитаем... Да, двенадцать. Двенадцать за три года. Эта должна была стать тринадцатой. Так вот оно в чем дело! И как он раньше не сообразил!

Но не сообразил. И спокойно повел свою «Тигровую Лилию» к склонам рифтовых гор, до которых оставалось миль тридцать-сорок: ближе подходить не стоило, это могло бы навести на ненужные размышления вездесущих архангелов из Океанского Патруля. Он знал, что стоило рубке «Лилии» исчезнуть под поверхностью, как «Оушн Свайн» самым невинным образом продолжил путь. Получасовая задержка со стороны выглядела совершенно естественно, ее можно было бы, случись что, объяснить как угодно, хоть учебной шлюпочной трево-

гой, например... И лишь после того, как он передаст по гидроакустике совершенно безобидный сигнал — три фрагмента подлинной кашалотовой песни, только смонтированные с должными паузами и в должном порядке, «Оушн Свайн» устремится к той точке, где сможет вновь, не привлекая ничьего внимания, поднять на борт «Лилию» и волочащуюся за ней на крученых пентауретановых тросах сеть с драгоценным грузом.

Поистине драгоценным — на этот раз добыча должна была принести Клайду шестьдесят три тысячи. Расщедрился-таки старый лис Роулинстон: ведь если приплюсовать сюда расходы на аренду «Оушн Свайна» да все остальные накладные расходы, сумма получается ого-го какая! Только это его забота. Он свое вернет. Сторицей. А вот Клайду без этих денег сейчас не вывернуться. И долги поджимают, и расходы светят... И на тебе! Влопался!

А ведь сперва все шло точнехонько по плану. Клайд тишком подобрался к ущелью, которым можно было проникнуть в рифтовую долину без риска быть засеченным цепочкой гидрофонов, установленных по периметру заповедника. Стены ущелья многократно отражали и в конце концов гасили шум двигателей — обстоятельство, проектировщикам оставшееся неведомым. Клайд пронюхал это во время своей третьей вылазки в заповедник и с тех пор всегда шел этой дорожкой, не рискуя попасться. Так же, как не рисковал он, отсиживаясь сейчас здесь. Вот что значит детально изучить театр действий!

В ущелье он установил сети — все чин чином. Потом потихоньку углубился в оазисы. Это было самым трудным — нащупать гада морского, подманить; а манок у Клайда отменный, он такую песенку этих гадов в свое время записал — пальчики оближешь! На эту песенку они летят, что твои мотыльки на лампочку...

Так и шастал Клайд по долине короткими галсами, временами врбая на всю катушку призывную песенку...

Он и сам толком не знал, любовная ли это серенада, просьба ли о помощи или предложение поделиться добычей. Главное — на нее клевали. Но на этот раз ему не везло.

Настолько не везло, что в один прекрасный момент он обнаружил субмарину Патруля, которая уверенно села ему на хвост. Фу ты черт! И что понадобилось этому психованному архангелу в самом центре оазисов? Ему же положено периметр барражировать! Впрочем, тут было не до размышлений.

«Лилия», конечно, молодчина. На вид она, может, и понеуклюжей, чем субмарины Патруля, но в скорости и маневренности им не уступит. Клайд стал отрываться. Но архангел попался упрямый. Они гонялись часов семь или восемь — с точного счета времени Клайд, грешным делом, сбился, стараясь догадаться, вызвал патрульный подмогу или нет. Если вызвал, если насядут на Клайда со всех сторон, то никуда не денешься, всплывай да задирай лапки. Но архангел явно хотел взять его в одиночку. То есть под водой-то, разумеется, его не возьмешь, зато можно выследить, а там рано или поздно всплывать все равно придется. Или убежище свое показать. Что ничуть не лучше. Тут уж бери его голыми руками. «Лилия» все-таки не крейсер, отстреливаться не из чего. Да и не стал бы Клайд отстреливаться: одно дело этих гадов из-под носу у Патруля тягать, а другое — грех на душу брать. Нет, это никак. Нельзя это...

В конце концов Клайда осенило. Он даже специально подпустил патрульного поближе, а потом стал уходить к ущелью, наращивая ход до предела, самого что ни на есть предельного предела; теперь только ты, старушка, не выдай, не подведи, я потом тебе отслужу, я уж тебя всю по винтику переберу, ты у меня на пять лет помолодеешь... И «Лилия» не подвела. Клайд буквально на хвосте втащил патрульного в ущелье, оба они выжимали из машин по четырнадцать узлов — близко к рекорду, жаль даже, что никто не видит! Первое ко-

лено, второе, теперь отрезок прямой — около полумили... Ну давай! Клайд до хруста вывернул рули глубины и опорожнил носовой бункер аварийного балласта. Если задумка выгорит, дотопать можно будет и так, динамически уравнивая дифферент рулями... Только бы архангел чертов не разгадал его маневра! Стоп! Ведь на его субмарине аварийного балласта нет! Все. Пронесло, значит.

Клайд еще уводил свою «Лилию» вверх, помалу выравнивая аппарат, когда внизу, под ним, субмарина Океанского Патруля, проскочив метров на триста вперед, запуталась в поставленных Клайдом сетях. Пентауретановые тросы намотались на винт, так что теперь архангел был обезврежен. Если повезет, он всплывет, продув цистерны: может, расчалки ловушки и не выдержат такой нагрузки. А выдержат — что ж, никто не мешает позвать на помощь. Вытащат его, втык дадут — и правильно, не лезь, дурак, один в такое дело. Славы, видишь ли, захотелось — как же, в одиночку Душмана взял. Взял один такой! Посиди, посиди, красавчик... Вот только сетей жалко. Их конструкцию разработали Клайду ребята из Океанографического института в Ла-Джолле, а заказывать ловушку по их чертежам пришлось в Турку, и это встало Клайду ни много ни мало в двадцать тысяч — как раз весь аванс, полученный под первого гада... Теперь с ними пришлось попрощаться.

Потом Клайд тащился к своему убежищу. Именно тащился, потому что без носового балласта идти — это сплошной цирк и высший пилотаж. Но дополз-таки на четырех узлах, а теперь предстояло отсиживаться, потому что здесь его, конечно, не найдут, в голову никому не придет искать здесь, но попробуй только высунься — и все гидрофоны этой части Тихого океана начнут засекаать моторы «Лилии». И будьте уверены, засекут. И может, придется проторчать здесь не четверо, а все семь суток, чтобы там поуспокоились. Да хоть десять!

Тут тепло, светло и не каплет. И одиннадцать серий «За-
клинателей праха». И выспаться можно.

Одна беда — не спится. Черт его знает, почему. Раньше ему всегда замечательно просто спалось. И не в том дело, что над ним сейчас три километра воды. Подумаешь — и поглубже он спал. Когда они Челленджерскую колонию вытягивали — на пяти спал. И хоть из пушки стреляй! А теперь...

Да, славные времена были раньше. Когда их троица — Майкл Кинг, Дон Роуз и Клайд Лайон, — три непрофессионала, три дилетанта, утерли нос всем подряд. Китаю, можно сказать. И каким! «Локхид», «Макдоннел-Дуглас», «Корнинг Гласс Уоркс» — это вам не фунт изюму. И ведь как все легко начиналось!

Свой первый батискаф они построили сами. Втроем. Собственными руками. Просто хотели доказать — можно это. И родился «Пустик-Дутик», трехместный батискаф, примитивный, как бумеранг. И такой же эффективный. Вот и все, что у них тогда было: «Пустик-Дутик» и «Морж», девяностодевятитонный катер третьего года постройки, который они приспособили под обслуживающее судно. У них были большие долги и маленькая фирма — «Андеруотер сервис инкорпорейтед» со штатом в три человека и одного несовершеннолетнего коалу. Потом, когда первые подряды принесли первые доходы, они смогли нанять двух механиков, трех матросов и секретаршу для солидности. И снять маленький офис в Брисбене. А потом к «Пустик-Дутику» прибавилось еще два подводных аппарата, уже не своими руками построенных, но все равно ими выношенных, продуманных до мелочи, до заклепочки. Два близнеца, «Двойнюшечка» и «Двойняшечка». Это была Майклова идея: раз уж есть у нас «Морж», то пускай и все остальные из той же компании будут... «Морж»-то они так и купили, с названием вместе...

Заказов им хватало — спрос на подводные работы рос, а большая часть глубоководных аппаратов выпол-

няла правительственные и международные программы. И началось процветание — не бурное, а так, помаленьку, но неуклонно. Тогда и родилась «Тигровая Лилия» *. Это был их шедевр. Их лебединая песня. Лебединая, потому что вскоре Клайд вышел из фирмы и при дележе паев «Лилия» досталась ему. Ни о чем другом он и не мечтал.

Всему виной один хмурый вечер и Астрид, которая ушла, не попрощавшись, и делать было нечего, кроме как пойти в кабак. Там его и словил этот сукин сын Коувел. А почему сукин сын? Не показался он тогда Клайду сукиным сыном, вовсе нет. И денежки, которыми Коувел поманил, тоже показались вполне заслуживающими внимания. За одну удачную вылазку можно получить втрое больше, чем зарабатывала их фирма на любой своей операции... И был в этом предложении некий щекочущий авантюрный привкус, который Клайду оказался донельзя по душе. Было даже благородство некое. В конце концов, ну охраняют здесь этих гадов морских. Так что с того? Кто их тут видит? А тех, что запутывались в Клайдовы сети, видят многие. Дурбанский океанариум где получил своего? А там тысячи посетителей на это чудище пялятся. И в Веллингтонском океанариуме пусть смотрят, любуются этой пакостью — Клайд Лайон для них расстарался. За свои полста тысяч. И в тех частных лавочках — у Красса М'Коро, у Галин-Гарида, у Фегерайдо... Да много их! Вот только у Роулинстона это вопрос еще, когда будет. Потому что попался Клайд. Теперь выкручиваться придется, ох, как выкручиваться! И с долгами, и с новой сетью, и того гляди эта гнида Роулинстон неустойку потребует... Да только — к кому еще ему соваться? Кто ему еще это устроит?

* Морж, Пустик-Дутик, Двойнюшечка, Двойняшечка и Тигровая Лилия — персонажи сказки Льюиса Кэрролла «Зазеркалье».

Потом-то поди спрашивай — откуда взялось, мол, ди-во морское? Океан велик. А на деле где взять? Здесь. В Галапагосских оазисах. В международном морском заповеднике. Который имени Дарвина. И может это пока только он — Клайд Лайон. Неуловимый Душман. Король браконьеров Душман. Везучий Душман. И никто другой.

Душманом прозвали его архангелы из Патруля и яйцеголовые из заповедника, но Клайду понравилось. Была и в этом какая-то своеобразная романтика. Душман. Обреченная какая-то романтика.

Клайд заворочался, попытался было устроиться поудобнее и заснуть, но снова не получилось. В глаза словно песком сыпанули, а все равно не получилось...

Тогда он встал, пошел в камбуз, сварил кофе покрепче да погорячее, вернулся в салон и включил телевизор.

Четвертая серия «Заклинателей праха» — одна из лучших. Как раз там Дайк Леман обретает власть над серыми зомби. Чистая Ривьера!.. Ладно, раз не уснуть, — посмотрим...

III

К исходу первых суток Аракелов почувствовал нарастающую усталость. Нет, спать он не хотел: подводный сон батиандра квантован. Ритм сна и бодрствования — вообще штука пластичная; обычно люди спят восемь часов из каждых двадцати четырех; спелеологи, долго работая в подземном бессолнечном мире, привыкают к двенадцатичасовому сну из тридцати шести; мозг батиандра отдыхает треть от каждой сотой доли секунды, причем фазы эти у полушарий не совпадают. Сон есть, и его нет — состояние идеальное. Одна беда: больше трех суток в таком ритме жить невозможно. Вышедшего на поверхность батиандра одолевает безудержная компенсаторная сонливость — слишком далек кванто-

ванный сон от привычного ритма... Так что здесь, под водой, спать Аракелов не хотел. И есть — тоже, потому что маленькая черная коробочка на поясе, повинуюсь командам микропроцессора, по мере необходимости вгоняла ему в кровь очередную порцию АТФ. Просто сказалась монотонность движения: «кархародон» с неизменной скоростью нес его на северо-северо-запад; в тесном гнезде, где Аракелов умещался не без труда, нельзя было даже переменить позы — и так из часа в час... Ситуация, прямо скажем, нетипичная: как правило, батиянды ведут под водой жизнь настолько активную, что почти не устают. Утомление начинает накапливаться лишь к исходу желтых часов.

Аракелов взглянул на часы. Пока он точно укладывался в намеченный график. Значит, можно сделать привал. Он остановил скуттер, с полчаса поплавал, разминаясь, и даже с удовольствием повозился с молоденьким осьминогом — щупальца его были не длиннее аракеловской руки. Осьминожек оказался общительным, охотно играл с Аракеловым в прятки, затем предложил сеанс вольной борьбы, а потом со свойственной головоножьему племени непоследовательностью неожиданно смылся, оставив медленно расползающееся облачко сепии. Аракелов показал ему нос, не питая, правда, ни малейшей надежды на то, что спрут заметит и оценит этот жест, потом вернулся к своему «кархародону», поудобнее — насколько возможно было — устроился на водительском месте и дал ход.

И снова навстречу ему помчалась абиссальная тьма в редких просверках чьих-то живых огней — звездная ночь гидрокосмоса. Совсем как восемь лет назад, когда он поспешно возвращался на «Лужайку одуванчиков» после встречи с таинственным Левиафаном.

Впрочем, не таким уж таинственным.

Это Аракелов понял почти сразу: чего-нибудь да стоили все же месяцы подготовки к советско-японской экспедиции на «Иба-Мару», целью которой были поиски

реликтовой фауны Южных Морей — поиски тщетные, ибо в тот раз им так и не удалось схватить за хвост Великого Морского Змея (формулировка, сколь непочтительная, столь и популярная на борту этой турбопарусной шхуны). И вот теперь Аракелов столкнулся-таки с Великим Морским Змеем — как раз тогда, когда меньше всего ожидал. Впрочем, правильнее было бы сказать — с одним из Морских Змеев. Потому что галапагосский Левиафан ничем не напоминал, скажем, пресловутых «долгоносиков» Титова и Вариводы, змея Ле-Серрека или чудовище «Дзуйио-Мару». Зато с другими он явно находился в кровном родстве.

Именно это морское диво описывал в судовом журнале немецкой субмарины У-28 ее командир, фрегаттенкапитан Уве-Ульрих Форстнер: «30 июля 1915 года мы торпедировали в Северной Атлантике британский пароход «Иберия» (водоизмещением 5223 тонны).

Судно, которое было длиной около 180 метров, быстро пошло ко дну, кормой вперед; глубина в том месте достигала нескольких тысяч метров. Через 25 секунд после погружения пароход взорвался на глубине, которую мы приблизительно определили в тысячу метров. Вскоре после этого из воды на высоту 20 или 30 метров были выброшены обломки судна и среди них огромное морское животное.

В это время на мостике подлодки находились шесть человек: я, два дежурных офицера, старший механик, штурман и рулевой. Мы во все глаза смотрели на морское диво. К сожалению, мы не успели его сфотографировать, так как через 10—15 секунд животное уже скрылось под водой. Оно было длиной около двадцати метров, напоминало гигантского крокодила с четырьмя мощными лапоподобными лапами и с длинной заостренной головой».

В мае 1964 года экипаж небольшого траулера «Нью-Бедфорд» видел у массачусетских берегов чудовище с крокодильей головой на длинной змеиной шее.

Ясным летним днем 1972 года Джеймс Р. Коуп, капитан и владелец небольшой шхуны, несколько минут наблюдал сквозь толщу пронизанной солнечными лучами кристально прозрачной воды Калифорнийского залива гигантское крокодилоподобное животное, медленно плывущее над самым дном.

Наконец, в сентябре 1998 года именно его две с половиной минуты наблюдали на обзорном экране мезоскафа Зигмунд Дрек и Юхани Паскиайнен, изучавшие донные отложения Капской котловины.

Так что незнакомцем галапагосского Левиафана Аракелов считать не мог. Больше того, чуть не сто лет назад уже было подыскано ему определение: неотилозавтр. Реликтовый ящер, не захотевший вымирать, а потому вынужденный измениться. В конце концов, и целакант, знаменитый «старина четвероног», сенсация прошлого века, тоже заметно отличается от своих ископаемых предков, из мелкой пресноводной рыбешки превратившись за миллионы лет в здоровенную морскую рыбину до двух метров длиной и до ста килограммов весом. Как говорится, «однако за время пути собака могла подрасти»...

Главное же — до сих пор все эти встречи были случайными. Непредвиденными и неназначенными. Но на этот раз — Аракелов был уверен, не зная еще, но чутьем — Великого Морского Змея удалось-таки словить за хвост. И хвост этот вел сюда, в оазисы Галапагосского рифта. А может быть, и в другие подобные места — есть же они еще где-нибудь в рифтовых долинах срединно-океанических хребтов! Где-нибудь да есть. И в их странном мире с обращенной вниз, к жару подземных недр жизнью, эти упрямо не захотевшие вымирать вопреки эволюции неодинозавры отыскивали себе экологическую нишу, в которую вписались — на тысячелетия. На миллионы лет. Теперь понятно, где их искать. В том-то и была причина неудачи экспедиции на «Иба-Мару», что океан велик. Искать в нем что-нибудь наудачу —

хуже, чем пресловутую иголку в стоге сена. А теперь — теперь есть привязка.

С этим и кинулся Аракелов по возвращении на станцию к доктору Рибейре. И получил, мягко говоря, от ворот поворот. Впервые в его немалой уже практике батиандра ему просто-напросто не поверили. Мало ли что может привидеться в абиссальной тьме? И вообще, сеньор Алехандро, что вы делали в этом районе? Программой его посещение не предусматривалось, и на это сеньору батиандру стоит особо обратить внимание, ибо дисциплина... И далее последовали рассуждения, которые Аракелов, признаться, на девять десятых пропустил мимо ушей, настолько он был ошарашен таким поворотом дела. Этого он ожидал еще меньше, чем встречи с Великим Морским Змеем. И наконец, прозвучал сакраментальный вопрос — тот, о который от века разбивались все рассказы о встречах с реликтовыми чудищами. Где доказательства?

Доказательств у Аракелова не было. Он видел — и только. И еще он знал, где теперь надо искать. Под это, между прочим, вполне можно получить ассигнования; это достаточно серьезно — во всяком случае, посерьезнее аргументов, под которые снарядили в тридцать седьмом «Иба-Мару». Однако пронять доктора Рибейру было непросто. Пусть сеньор Аракелов извинит, но все это слова. Давным-давно разработаны критерии достоверности наблюдения. Это азбука. Достоверным считается наблюдение, проводившееся не менее чем двумя людьми независимо друг от друга, что исключает возможность сговора, и совпадающее при описании не менее, чем на шестьдесят процентов. Вот так. Исходя из этих критериев, сообщение сеньора Аракелова достоверным сочтено быть ни в коей мере не может. Не говоря уже о том, что в данном районе батиандру по программе находиться вовсе не следовало... Черт знает что! То специально снаряжают международную экспедицию, даже неудача которой никого не обескураживает, то

теперь, когда дело сделано, Аракелову не хотят верить... Что это? Ограниченность? Нежелание уступить честь открытия? Непонятно. И неприятно.

Так ни до чего и не договорившись, Аракелов ушел к себе — спать хотелось нестерпимо, и продолжать дискуссию он был физически просто не в состоянии. Поэтому разговор возобновился только на следующий день — за обедом в кают-компании. И с тем же успехом. Аракелов чувствовал, что между ним и пятерыми членами основного экипажа «Лужайки одуванчиков» встала некая стена, стена абсолютно прозрачная, но резиново-упругая, на которую сколько ни бросайся, все равно оказываешься там же, где был. Не пробить. Не разорвать. Не взорвать. Ничем.

Аракелов растерялся. Он мог допустить, что у доктора Рибейры гнусный характер. Что не понимает чего-то Рибейра. Что не хочет понять даже. Но чтобы не хотели понимать пять человек, пятеро ученых, серьезных специалистов высокой квалификации, пятеро разных людей из разных стран — нет, такое в голове не укладывалось. Было над чем подумать.

И Аракелов думал, сидя в неудобной каюте, в которой он по-прежнему чувствовал себя незванным гостем. Отчет о проделанной вне станции работе застрял на седьмой странице, потому что именно здесь было место для рассказа о встрече с этим самым Левиафаном, с неотилозавром или как его там, и Аракелов понятия не имел, что же писать и как. Нет, он знал, что напишет все так, как оно было. Вопреки всем и всему. Но прежде нужно было понять, чем же вызвано было такое отношение к его рассказу. Где тут собака зарыта и какой она породы? Аракелов сидел перед машинкой, потягивал холодный грейпфрутовый сок и думал, думал, думал... Однако додуматься ни до чего так и не смог, когда раздался аккуратный, одними костяшками пальцев, сухо и отрывисто, стук в дверь.

— Войдите,— сказал Аракелов.

Это был Жоао да Галвиш, один из трех биологов станции, исследователь погонофор, невысокий, изящный мулат, от своих негритянских предков унаследовавший оливково-бронзовую кожу и пышные курчавые волосы.

— Не заняты, сеньор Алехандро?

— Как видите,— отозвался Аракелов, может быть, не слишком любезно, но после давешнего разговора за обедом ему не очень-то и хотелось проявлять любезность и радушие.— Чем могу служить?

— Мне хотелось бы побеседовать с вами, сеньор Алехандро. У вас, наверное, сложилось ложное впечатление...

— Что ж,— сказал Аракелов.— Давайте поговорим. Соку хотите? Или кофе?

— Ни того, ни другого, спасибо.

Да Галвиш уселся в кресло, закинул ногу за ногу и вытащил из кармана шортов четки — настоящие четки, какие Аракелову до сих пор приходилось видеть разве что в музее. Вырезанные из какого-то темного, почти черного дерева, они очень естественно выглядели в руках да Галвиша. Биолог перехватил удивленный аракеловский взгляд, улыбнулся:

— Вот, видите ли, сеньор Алехандро, отвыкаю курить. И надо чем-то занять руки. Очень, знаете ли, помогает...

Ареколов кивнул. Он допил сок, откупорил новую жестянку и плеснул на три пальца в стакан.

— Так чем могу служить? Насколько я понимаю, мои наблюдения здесь никого не заинтересовали, а все, что относится к программе, в том числе и вашей ее части, будет изложено в отчете. Впрочем, если хотите...

— Нет. И то, что наблюдения ваши нас не заинтересовали — тоже нет. Вся беда как раз в том, что они нас заинтересовали. Даже слишком.

— То есть?

— Видите ли, сеньор Алехандро...

Аракелов не выдержал:

— А можно без придворных церемоний? Сеньор Аракелов, сеньор Алехандро, сеньор батияндр... Говорить — так по-человечески.

— Что ж, коллега. Может быть, вы и правы — давайте говорить проще. Я понимаю, вас многое удивляло и раздражало у нас. Но поверьте, на все были причины. И достаточно серьезные.

— Верить и понимать — не одно и то же.

— Вот я и хочу попытаться объяснить. Чтобы вы, коллега, поняли. Без сомнения, вы заметили, что мы всячески старались не выпустить вас из станции.

— Да уж...

— Увы, опыт саботажа у нас слишком мал. Непростое это дело, оказывается. Потому вы нас и переиграли.

— Но зачем они были нужны, эти игры?

— Затем, чтобы вы избежали той самой встречи, о которой так захватывающе рассказывали сегодня.

Аракелов обалдело уставился на да Галвиша.

— Вы хотите сказать...

— Да.

По словам да Галвиша получалось, что впервые столкнулись с неотилозавром обитатели «Лужайки одуванчиков» еще в самом начале вахты, во время первой же вылазки их батияндра, того самого Агостино, которого заменял сейчас Аракелов. Потом и остальные видели, как величественно проплывал этот Левиафан не-далеке от станции — видели на экранах инфракрасного обзора и сонара.

— Вы же сами встретили его, коллега. Он — хозяин здесь. Король глубин. Бог, если хотите. Древний, мощный и прекрасный.

Аракелов кивнул — это действительно было так.

— А теперь скажите мне, что выиграет человечество, все — вы, я, любой — от того, что он окажется в каком-нибудь Маринленде и вынужден будет ютиться в тесном бассейне на потеху почтеннейшей публике? Или от того,

что его чучело повиснет под потолком какого-нибудь зоологического музея?

Знание, хотел было сказать Аракелов, но смолчал. Он сидел и слушал рассказ о том, как экипаж «Лужайки одуванчиков» решил утаить свое открытие. Они долго спорили, но в конце концов согласились с этим все. Ибо...

— Что началось, Алехандро, когда поймали первого целаканта? Целакантовая лихорадка — так бы я это назвал. Каждый музей хотел его иметь. Каждый институт хотел его препарировать. Каждый «спортсмен» хотел его поймать. И как ни охраняли его, как ни регулировался отлов лицензиями, но... Браконьеры находились всегда. В конце концов, это дело техники — поймать. А покупатели найдутся. И если теперь начнется тилозавровая лихорадка — что тогда? Ведь мы не знаем почти ничего. Численности популяции. Места, которое занимает он в экологии оазисов... Да что там, ничего мы еще не знаем. И начнись такое вот вмешательство — неразумное, стихийное, но не просто возможное --- увь, обязательное, мы снова потеряем Морского Змея. На этот раз навсегда.

— И сколько же вы собираетесь молчать?

— Сколько сможем.

— Но после вас сюда придет другой экипаж.

— Может быть, мы сумеем убедить их. Может, сумеем убедить закрыть станцию. Кто знает?

— И так и не узнаете о Морском Змее. Ничего. Во веки веков.

— Мы будем знать, что он существует. И отчасти — благодаря нам.

— Прекрасно,— сказал Аракелов. Не ожидал он ничего подобного, но зато теперь стало понятным все, что прежде раздражало нелепостью и нелогичностью.— А как же с Монакской конвенцией?

— «Ни одно открытие в области наук об океане не может быть засекречено ни государством, ни организа-

цией, ни группой лиц ни в каких целях и никоим образом»,— процитировал наизусть да Галвиш.— Параграф третий, пункт пять «а». Мы об этом не забыли. Но помните ли вы, Алехандро, об ответственности ученого за судьбу своего открытия? О праве ученого на «вето»?

— Если закон входит в конфликт с совестью, значит, или совесть ошибается, или закон плох. Но ни в том, ни в другом нельзя разобраться в одиночку. Об этом нужно говорить. Во всеуслышание. Лишь тогда рано или поздно всплывает правда.

— Господи,— вздохнул да Галвиш,— и как это Агостино угораздило схватить воспаление легких? Извините, Алехандро, но, если бы не вы, насколько проще все было бы!

— Однако я здесь,— сказал Аракелов. Сказал резко, словно подводя черту.— И я видел.

— Значит, вы не станете молчать?

— Нет,— сказал Аракелов.— Я просто не могу. Поймите, коллега, все мы делаем одно, общее, человеческое наше дело. Разве вы или я здесь сами по себе? Нет. За нами все те, кто создал нас, научил, направил сюда. Те, кто строил эту станцию. Те, кто сделал меня батияндром. Как же мы можем обмануть их? Разве этого они заслужили? Ведь если с любым из нас случится что-то, вся огромная эта человеческая машина придет в действие. Нас будут вытаскивать. Спасать. Океанский Патруль. Международный Океанографический Комитет. Люди на моем «Руслане». В моем институте. И не только они. Многие, многие другие. Так что же — всех их посчитать недостойными? Нет. Я так не могу. Они верят мне, а я должен верить им. Мы — одно. Одно тело и одно дело. И нами управляет закон. Есть Монакская конвенция — никому не дозволено ее нарушать. Тилозавровая лихорадка, говорите вы? Что ж, возможно. Значит, надо добиваться, чтобы зону эту объявили заповедником. И надо будет этот заповедник охранять. Если вы и впрямь хотите сберечь Великого Морского Змея, если дорог он

вам — охраняйте! Нужно будет — я сам в егеря пойду. В Океанский Патруль. И на моей стороне будет право. Закон будет. И я всегда смогу доверять тем, кто стоит за мной. А они — мне. Это единственный путь, какой я вижу. А молчать... Нет. Не могу, не хочу и не должен.

Да Галвиш внимательно смотрел на Аракелова все время, пока тот произносил свой монолог. Может быть, затянувшийся чуть больше, чем надо. Но уж как получилось... И впервые за все дни, проведенные на «Лужайке одуванчиков», Аракелов ощутил вдруг человеческий контакт.

— Понимаю вас, коллега, — сказал да Галвиш. — Позиция безупречная. Не согласен с вами, но понимаю. Но это теория. А доказательств-то у вас все равно нет. Есть ваше слово и есть наши слова. И только.

— Значит, война?

— Прискорбно, но так. — Да Галвиш поднялся, спрятал в карман четки, поклонился. — Спокойной ночи, Александро. И все-таки подумайте еще. Мы ведь тоже не один день думали...

— Подумаю, — пообещал Аракелов, пообещал искренне, потому что было о чем подумать после такого разговора. — Только вряд ли я надумаю что-нибудь другое. Как это у Дезерта: «Может ли барс сменить пятна свои?»

Дверь за да Галвишем закрылась. Мягко и беззвучно. Аракелов остался один. Он посмотрел на торчащую из машинки седьмую страницу отчета с тремя сиротливыми строчками, оборванными на полуслове. Что ж, по крайней мере, теперь все ясно. А значит, надо браться за дело. Он забарабанил пальцами по клавишам.

Через два часа отчет был готов. Подпишет его в таком виде Рибейра или нет — не суть важно. В конце концов, Аракелов имеет право на вотум сепаратум. И правом своим не преминет воспользоваться. Что бы ни получилось из этого потом, он обязан был сказать правду. Даже если правда эта бездоказательна. Даже

если на всю жизнь Великий Морской Змей останется лишь воспоминанием — тенью, постепенно растворяющейся в абиссальной тьме. Тенью, за которой он, Аракелов, мог лишь следить сонаром и латералью, судорожно нажимая на гашетку монитора...

Монитор?..

Аракелов выскочил из-за стола и почти бегом направился в шлюзовую. Скуттер был на месте — аккуратно подвешенная на таях двухметровая торпеда. Аракелов открыл донный лючок, запустил туда руки, нащупал гладкий пластик панели монитора. Еще несколько движений — и на ладонь ему выпал маленький стекловидный диск запоминающего устройства.

Автоматизм не подвел Аракелова и на этот раз — увлеченный зрелищем, он даже не вспомнил о съемке, но тренированные руки батияндра работали сами. И вот оно, доказательство. Все, что видел Аракелов, зафиксировано в этом диске. И это уже не оспоришь. Это не слово против слова. Это факт.

Аракелов не думал тогда, семя какого древа держит он в руке. Не предполагал, насколько сбудутся сказанные им да Галвишу слова. Осознать все это ему пришлось лишь годы спустя.

Фильм, смонтированный по аракеловским материалам, стал сенсацией. Монакский океанографический институт наградил Аракелова бронзовой медалью Удеманса; медаль эта, учрежденная в девяносто втором, должна была быть вручена тому, кто достанет первые документальные свидетельства существования глубинного монстра. Серебряная ожидала первого удачливого охотника на неодинозавра, золотая — хитреца, который сумеет поймать подводное «диво» живьем. Галапагосского Левиафана на звучной латыни нарекли «тихоокеанским неотилозавром Аракелова». Была в этом неправильность, которую Аракелов пытался доказать и объяснить, но процесс уже вышел из-под его контроля. Кое-кто — и не только пятерка обитателей «Лужайки одуванчиков» —

при встрече перестал протягивать ему руку. Это было тяжело, и за ними стояла своя правда, и чувствовал Аракелов это, но изменить уже ничего не мог... И потому бронзовый кружок с профилем Удеманса был убран Аракеловым в ящик стола и никогда не извлекался оттуда...

Тем временем Галапагосские оазисы были объявлены подводной зоной заповедника имени Дарвина. Периметр заповедника охранялся Океанским Патрулем, но... прав оказался да Галвиш — началась тилозавровая лихорадка, и валом повалили в заповедник всяческие любители острых ощущений, спортсмены-охотники, которых справедливее было бы назвать убийцами, браконьеры... С ними боролись. Их ловили. И только одного ни разу не удалось взять с поличным — ловкого подлеца, получившего с чьей-то легкой руки прозвище Душман.

И вот теперь Аракелов уже тридцать восьмой час подбирался на своем «кархародоне» к тому единственному месту, которое могло быть — и было, наверняка было! — убежищем Душмана.

Аракелов не помышлял об искуплении вины. Не чувствовал он ее за собой, хоть убей. Но Душмана он должен был взять. Ибо никому не позволительно преступать закон. Самими же людьми установленный закон. И еще потому, что не мог Аракелов забыть запутавшейся в сетях патрульной субмарины. Такого не прощают, Душман!

IV

— Скажите, Мэтью, вы хорошо его знали? — поинтересовался Орсон Янг, вслед за Захаровым спускаясь по трапу с главной палубы.

Захаров пожал плечами.

— Трудно сказать... Мы с ним встречались всего несколько раз. Ну, может, раз десять — от силы. Сложить — так недели не наберется, — не оборачиваясь, мед-

ленно сказал он.— Это с одной стороны. А с другой... Пожалуй, на ваш вопрос я должен ответить: да.

Трап кончился, и они пошли по длинному коридору; по обе стороны с унылой казарменной равномерностью чередовались в шахматном порядке двери кают — прямоугольники со скругленными углами, обведенные по контуру темно-синей полоской. Примерно через каждые сорок шагов коридор пересекался переборкой с такой же дверью, только открытой, и приходилось высоко задирать ноги, перешагивая через комингсы.

— Коридоры, коридоры, в коридорах — двери,— пробормотал Захаров.

— Что? — переспросил Янг.

— Ничего. Так просто, цитата.

Они остановились перед дверью, на которой сверкали ярко надраенные медные цифры 365. Прекрасный номер, отметил про себя Янг. Запоминающийся. Вот бы в отелях в такой попадать... Захаров распахнул дверь, сделал приглашающий жест.

Каюта оказалась не такой, как отведенная Янгу. Роскошные апартаменты: гостиная, кабинет, небольшой, но отменно оснащенный (наметанный взгляд Янга сразу же выделил терминал довольно мощного, судя по всему, компьютера и ворд-процессор; да, тут работать — одно удовольствие...), спальня. Сразу видно, что начальник штаба отряда Океанского Патруля — фигура.

— Располагайтесь,— Захаров махнул рукой в направлении гостиной.— Я сейчас,— и скрылся в кабинете, беззвучно притворив за собой дверь.

Янг с удовольствием погрузился в обширное, охватывающее и облегающее, как отлично сшитый костюм, кресло, вытянул ноги. Здесь было тихо и спокойно, но перед глазами снова и снова вставала залитая солнцем палуба, плоская и просторная, что твой стадион. Она была столь обширна, эта палуба «Ханса Хасса», что даже трехкорпусная машина «Сальватора» как-то теря-

лась на ней; подлинные размеры глубоководного спасательного аппарата осознавались лишь тогда, когда ты оказывался рядом и приходилось задирать голову, чтобы рассмотреть верхний, обитаемый отсек. Оранжевое же тело патрульной субмарины, намертво зажатое между нижними понтонами «Сальватора» клешнями гидравлических захватов, казалось и вовсе игрушечным. В тени, отбрасываемой на палубу аппаратом, носилки и на них смутно угадываемая под голубым полотнищем ооновского флага фигура. И рядом — женщина: невысокая, стройная, с волосами цвета дубовой коры и таким мертвенно-спокойным лицом, что Янг не решился даже подойти к ней. Это было уже больше суток назад, но картина все стояла перед глазами, и Янг никак не мог отрешиться от нее, хотя вообще-то не относил себя к людям, излишне впечатлительным.

Из кабинета вышел Захаров.

— Ну вот, я к вашим услугам, Орсон.

Он вытащил из холодильника две бутылки минеральной с незнакомой красно-белой этикеткой, поставил на столик перед Янгом, потом опустился в кресло напротив.

— И что самое паршивое, Орсон,— в этой истории виноват я.

Захаров замолчал, мелкими глотками прихлебывая минеральную. Орсон терпеливо ждал. Это распространенное заблуждение, будто журналист должен всегда спешить. Торопливый журналист — плохой журналист. Уж если рыбу надо основательно повываживать, прежде чем подсесть, то что говорить о человеке? К тому же с Захаровым он встречался не впервые и знал, что этот пожилой грузный русский скажет все, что нужно. И так, как нужно. Если только его не торопить.

— Ведь это я уговорил Стентона перейти в Океанский Патруль,— сказал Захаров после паузы.

— Уговорили? С каких это пор идти в Патруль уговаривают?

— Ну, не то чтобы уговорил, но... Мы впервые столкнулись десять лет назад, в тридцать пятом. Я работал тогда диспетчером на Гайотиде-Вест, а Стентон был командиром дирижабля... Вы уже много раскопали о нем, Орсон?

— Меньше, чем хотелось бы.

Это не было максималистским желанием знать все. За тридцать шесть часов, проведенных на борту «Ханса Хасса», Янгу и в самом деле удалось выяснить о погибшем патрульном не слишком много. Бывший космонавт, бывший летчик, девять лет назад пришедший в Патруль. Окончил годичную Высшую школу в Джемстауне на Святой Елене. Два года стажировался в Южно-Атлантическом отряде Патруля. С тех пор работал здесь, на Тихом океане. Вот, собственно, и вся фактография. Толковый мужик, но слишком замкнутый — общее мнение. И все...

— Мы с ним тогда проговорили целую ночь. Худо ему было. Непростой судьбы человек. Рвался в космос — и пришлось отказаться. Вы слышали о болезни Стентона?

— Что-то такое... с адаптацией в невесомости, да?

— Профессионал, — одобрительно заметил Захаров. — Совершенно точно. Полная неспособность к адаптации в условиях невесомости. Встречается исключительно редко — сам Стентон оказался чуть ли не единственной ее жертвой. Но космос для него закрылся — и навсегда. И потерял себя человек. Летал на дирижаблях... Безрадостно летал. Все тосковал о своем черном небе — была у него такая детская мечта. Да, худо ему пришлось... Я уговорил тогда начальника патрулей Гайотиды-Вест взять его с собой вниз — просто развеяться чуть-чуть. А Стентон взял да открыл — для себя открыл — небо гидрокосмоса. Оно ведь тоже черное, Орсон.

Мы встречались нечасто — я уже говорил об этом. Но мне казалось, что все правильно. Что уходит, ушла

даже из его жизни тоска по несбывшемуся. Что нашел он наконец себя и дело свое. А кончилось — сами видите, как и чем. Ну кой черт понес его за Душманом в одиночку?..

— Тщеславие? — спросил Янг.

— Нет, Орсон, сложнее. По-моему, он просто поверил в себя. И как часто бывает — знаете, ход маятника — впал в другую крайность. В самоуверенность.

— Может, стоит порасспросить миссис Стентон?

— Не трогайте пока Кору, Орсон. Не надо. А впрочем... — Захаров вдруг запнулся и смолк. — Слушайте, а ведь из вас мог бы получиться неплохой духовник, Орсон. Чем черт не шутит... Попробуйте. Возможно, ей захочется выговориться. Надо же с кем-то разделить... И у вас это может получиться. Должно.

Янг кивнул.

— Попробую. Только еще не сейчас. Чуть позже, пожалуй.

— Позже так позже. Вам видней — это же вы психолог по долгу службы, не я. Кстати, Душман вас интересуется тоже как психолога?

— Нет, Мэтью. Как психолога он меня уже давно перестал интересоваться. Я ведь брал у него интервью. В Бриджтауне, года полтора назад.

— Вы интервьюировали Душмана?

— А что? Ему ведь тоже нужна реклама. Спасибо, что не трибуна, хоть этого в нем нет...

— А бывают и такие — с потребностью в трибуне?

— Как не бывать... И знаете что, Мэтью? Порой мне кажется, что в этом мы сами виноваты. Все мы.

— То есть?

— Очень просто. Мы воспитываем Душманов. С детства. Вы давно были последний раз в луна-парке?

— В прошлом году. Правнука водил. А что?

— Вспомните игровые автоматы. Что там? Морской бой. Простите, адмирал, но после разоружения это...

Сафари. Убей слона — получишь пятнадцать очков, жирафа — десять, льва — двадцать пять. Убей! Вы знаете, о чем я мечтаю? Чтобы стояли автоматы «Поймай браконьера». Автоматы «Спасательная операция» — не достать захватом зажигалку, а поднять подводную лодку. Тот же автомат, но другая психология.

— Не мелко ли?

— Игра — великая сила. В детстве мир познается игрой. И ею же закладывается мироощущение.

— Резонно.

— И не только в детстве. Вы слышали о Дарвинской жестяной регате, Мэтью?

— Никогда в жизни.

— Жестянки из-под пива, тоника, швелса, кока-колы — они были в свое время настоящим экологическим бедствием. Захламленные пляжи, да и не только пляжи — все те места, куда можно было выбраться на уик-энд. И вот лет семьдесят назад кому-то пришла в голову ослепительная идея. Он подсчитал, что триста шестьдесят таких банок удерживают на плаву человека. И родилась игра — ежегодная регата и парад. Из банок стали делать лодки, плоты, катера, яхты — словом, все, что способно держаться на плаву. Из банок нужно было делать все, кроме двигателя и паруса. Причем призы присуждались не только за скорость, но и за оригинальность конструкции, богатство фантазии, красочность внешнего вида. Так что вы думаете? Ни одной банки в округе было не сыскать днем с огнем. И сейчас так по всей Австралии, потому что жестяная регата стала уже развлечением национальным. Вот то, о чем я думаю. Никакая, самая лучшая, самая умная агитация, никакие репрессивные меры не смогли бы дать такого результата. Пока вывешивались плакаты, на них не обращали внимания. Платили штрафы, но хламу не убавлялось. Придумали игру — и вот результат.

— Однако игра — не панацея, Орсон.

— Конечно. Но хорошая стратегия.

— А почему в «Пепле планеты» вы ни полслова не проронили об этом?

Значит, Захаров прочел его книгу. Приятно! Она родилась из серии радиоочерков о террациде, но потом переросла этот исходный материал. Это был репортаж с театра военных действий, которые вел человек против собственной планеты. В Амазонии и Центральной Африке каждый год сводились тысячи квадратных километров леса,— и пепел этих лесов должен был стучать в каждое человеческое сердце. Потравленная сточными водами завода синтетических жиров рыба всплыла кверху брюхом в маленькой баварской речушке — и ее пепел тоже должен был стучать в сердца людей. Разливалась по океанским волнам нефть, умирал в вольере Джерсийского треста последний горный орел — и неосязаемый пепел уничтоженной жизни должен был, обязан был колотиться в людские сердца. Если верить прессе, книга получилась. А на самом деле... Кто знает? Янг подарил ее Захарову при прошлой встрече — в сорок третьем, на очередном Тихоокеанском конгрессе. Подарил скорее в знак симпатии, которую вызывал у него этот высокий, грузный, на первый взгляд медлительный старик. Но, оказывается, он прочел. И внимательно...

— В «Пепле» я писал о другом. А об этом пишу сейчас. У меня договор с «Бертон Букс». Она так и называется — «Играть, чтобы жить».

— И все-таки почему вы непременно хотели сами брать Душмана? Это ведь совсем не игра?

Как-то незаметно Янг и Захаров вроде бы поменялись ролями — трудно было сказать, кто кого интервьюирует.

— Потому что пепел стучит в мое сердце, Мэтью. Простите громкие слова, редко я стараюсь ими пользоваться — слишком хорошо знаю скорость их обесценивания, но... Я был в доме у одного деятеля. Крупного деятеля. У него роскошная вилла — этакое ретро в стиле Луиса Кана. И в холле — голова Морского Змея. Я было

подумал, муляж. Даже похвалил, дурак. А его так и передернуло: в доме все только подлинное. Вот так-то...— Янг помолчал, гася с прежней силой вспыхнувшую злость. Он плеснул себе минеральной (она была еще холодной), выпил, потом добавил уже совсем другим тоном: — Ну и, конечно же, чисто профессиональное — мы ведь, журналисты, такой народ, нам подавай что погорячее. Если я не буду оперативно давать очерки о погибшем патрульном, об арестованном браконьере, да не каком-нибудь, а самом Душмане,— кто ж мне платить будет? А ведь есть надо. Я, грешник, люблю хорошо поесть...

Захаров внимательно посмотрел на Янга, улыбнулся:

— А пожалуй, Орсон, из вас вышел бы неплохой моряк.

— Вряд ли,— пожал плечами Янг.— Яхтсмен из меня, может, и ничего, рифкомбер в самом деле приличный, а моряк... Просто я люблю море. Оно — полигон надежды. На море мы уже научились жить так, как подобает человеку,— с тех пор, как перестали считать океан театром военных действий и неисчерпаемой кладовой. Где больше всего международных работ, проектов, организаций? На море. Где, случись с тобой что, на помощь придет любой? Опять же на море. Здесь мы все просто люди, а потом уже австралийцы, русские, японцы, американцы... Здесь мы больше всего ощущаем себя человечеством — то, чему на суше нам еще учиться и учиться. Море — это модель нашего завтра. Тень грядущего. И потому его нельзя не любить. Но стать моряком... Это вряд ли. И вдобавок — невезучий я.

— Невезучий? — Захаров недоуменно поиграл бровями.

— А то как же! Вечно умудряюсь поставить не на ту лошадь. Сами посудите, Мэтью, куда это годится: я думал, «Ханс Хасс» будет обеспечивать операцию до конца, выбил из своей фирмы кредит на спецрейс — гнать

сюда самолет из Каракаса влетело в кругленькую сумму, поверьте...

— Представляю.

— И что же? «Хасс» уходит на Факарао в тот самый момент, когда ваш батияндр...

— Не мой, он не из Патруля. Он участник «Абиссали-45».

— Знаю. Все равно он ваш, русский. Так вот он отправляется брать Душмана, с Гайотиды-Зюйд на randevу с ним высылают эту чертову ветряную мельницу, куда мне не перепрыгнуть никакими силами, и с каждым часом я удаляюсь от места, где должен быть, на тридцать миль.

— Для точности — на двадцать восемь.

— Какая разница? Ну разве это не есть невезение, Мэтью?

В кабинете за неплотно прикрытой дверью переливчато зазвонил телефон.

— Простите, Орсон,— сказал Захаров и, опершись на подлокотники, с усилием встал.— Я сейчас.

Янг посмотрел ему вслед. Старееет адмирал... Хотя Захаров вот уже двадцать лет не был адмиралом, Янгу почему-то хотелось называть его именно так. Сколько же ему лет? За семьдесят, это Янг знал. И хорошо, если не семьдесят пять. Пора бы и на покой. Только жаль, когда на покой уходят такие люди. А могут ли такие люди уйти на покой? Они всегда найдут себе дело...

Захаров вернулся минут через шесть-семь. Лицо его странно построжело и осунулось.

— Что с вами, Мэтью? — обеспокоенно спросил Янг.— Вам плохо? Врача?

— Нет, ничего. Я уже принял все, что нужно. Знаете, что такое невезение? Это когда для принятия батияндра посылают роторную шхуну, которая вопреки всем прогнозам попадает в штилевую полосу. И у которой слабенький вспомогац с питанием от солнечных бата-

рей. И которая успеет лишь к тому моменту, когда у батиандра выйдет не только желтое, но и красное время. Вот так.

— И «Хасс» меняет курс? — не смог скрыть радости Янг.

— Нет, Орсон. «Хасс» всего-навсего бывший авианосец, а не самолет. Он может выжать тридцать два узла. Ну тридцать пять — на пределе. И дойти за сутки. Опоздав на восемь часов.

— Узелок, — Янг присвистнул. — И что теперь?

— У Океанского Патруля в пределах досягаемости судов, способных принять батиандра, нет.

Захаров тяжело опустился в кресло. При взгляде на него Янгу стало больно.

— Вот что, — сказал он, подумав. — Вы можете организовать мне полчаса связи?

— Извините, Орсон, но сейчас не до ваших очерков. Все каналы забиты — надо выручать батиандра. Это прежде всего.

— Я знаю, — Янг поднялся, прошелся по каюте. — И связь нужна мне не для очерка.

Захаров удивленно посмотрел на него.

— Я не хочу пока ничего объяснять, Мэтью. Можете вы поверить мне на слово и организовать связь?

— Сейчас, — сказал Захаров. — Попробую.

Связь Янг получил через десять минут — адмирал умел быть оперативным. Первым делом Янг связался с брисбенским филиалом своей фирмы. Это заняло восемь минут. Потом — с главной редакцией в Монако. Еще девять. Наконец, с «Линдстрем Марин Сервис Компани». Здесь разговор был короче — хватило трех с половиной. Всего он уложился в двадцать минут тридцать секунд — знай наших, журналисты морякам в оперативности не уступят.

Когда Янг вернулся в гостиную, Захаров сидел в кресле, откинувшись на спинку и прикрыв глаза. В девственно-чистой хрустальной пепельнице на столике ле-

жали две порожних ампулы для безумных инъекций.

— Ну вот,— сказал Янг,— разве ж это невезение? Это так, недоразумение.

Захаров вскинул глаза:

— То есть?

— Через шесть часов в точке randevu будет гидроплан. Знаете, из этих ныряющих монстров...

— Знаю,— улыбнулся Захаров.— Приняты на вооружение в одиннадцатом году. «Ллир», «Си дэймон»...

— Вот-вот. Он доставит бароскаф. И примет вашего батиандра. Нужно только сообщить в «Линдстрем Марин Сервис» координаты точки randevu. И куда батиандра доставить. Они ждут. Как видите, и пресса кое-что может. Вечная история Ливингстона и Стенли...

Захаров встал и направился в кабинет. Но, сделав два шага, остановился и подошел к Янгу, положил ему руку на плечо:

— А знаешь, сынок, из тебя все-таки получился бы отличный моряк. Эх ты, Стенли...

— Не знаю,— пожал плечами Янг.— Зато уверен, что счет «Линдстрем Марин Сервис» выставит Океанскому Патрулю. По экстренному тарифу, заметьте. Но с этим вы разбирайтесь сами.

— Разберемся,— засмеялся Захаров.— Это нам что щенка подковать.

Пока Захаров из кабинета говорил с кем-то по телефону, Янг смотрел на его мощную спину и мучительно силился понять, зачем надо подковывывать щенков. Нет, все-таки русские — загадочный народ...

Монотонная часть аракеловского похода кончилась. Два часа назад он перевалил через край окаймлявшего рифтовую долину хребта и углубился в провинции склона, двигаясь на запад-юго-запад — почти перпендикуляр-

но прежнему направлению. И вот, наконец, его сонар нашупал характерный профиль Шалаша — двух подпирающих друг друга огромных, в сотню квадратных метров, а то и больше, каменных плит. Здесь он оставил свой «кархародон». Дальше предстояло добираться вплавь: если Душман действительно отсиживается там, где Аракелов рассчитывал его найти, и если он не совсем потерял бдительность, что маловероятно, хитрая эта лиса, Душман, то начиная с этого места ему ничего не стоит засечь двигатель аракеловского скуттера. Само же батияндра засечь — дело непростое. Этого Аракелов не боялся.

Когда Шалаш остался милях в двух позади, Аракелов остановился и прислушался. Приводной маяк станции молчал — аракеловский сонар не смог уловить его характерного попискивания. Впрочем, так и должно было быть. В любом случае, там Душман или нет. Так что молчание маяка нельзя было счесть аргументом ни «за», ни «против». Но «за» говорили чутье и расчет, и Аракелов продолжил путь, ориентируясь больше по собачьей памяти, так как похвастаться тем, что помнит здешние места, он при всем желании не мог. Был он здесь недолго, месяц всего — тогда же, восемь лет назад. Именно отсюда его и перебросил на «Лужайку одувачиков» разъездной мезоскаф Океанского Патруля. Аракелов в тот раз успел предпринять всего три сорокачасовые вылазки и потому не смог еще по-настоящему познакомиться с окрестностями. Однако какие-то ориентиры отложились все же в подсознании, и сейчас он не то чтобы вспоминал, но узнавал их. А через полчаса, ощутив в какой-нибудь полумиле перед собой четкий, не похожий на все окружающее силуэт станции, убедился, что память не подвела.

Здесь, у подножия хребта, где пересеченный рельеф провинций склона постепенно переходил в слабовсхолмленную абиссальную равнину, сложенную пелагической красной глиной и сглаженную отложениями глобигери-

нового ила, в тридцать четвертом была построена станция — будущий центр рудничного поселка. Простиравшиеся вокруг поля железомарганцевых конкреций сулили руднику радужное будущее, и потому «Андеруотер Майн Интернейшнл» приобрела на этот участок концессионные права. Залежи и впрямь оказались богатыми — в их оценке Аракелов как раз и принимал в свое время участие. Но горы меди, никеля, кобальта, марганца и ванадия так и остались сладостной мечтой концессионеров: места эти вошли в окраинную зону заповедника имени Дарвина, и компании пришлось уступить свои права на территорию. Проходило это непросто, негладко, но в конце концов как-то утряслось, какие-то фонды компенсировали расходы «Андеруотер Майн», Международный Океанографический Комитет предложил ей для разработок другие участки, подписали соглашение, причем компания вряд ли оказалась внакладе, а станция так и осталась памятником несбывшимся мечтам — демонтировать ее было себе дороже. Из-за окраинного местоположения для биологов заповедника интереса она не представляла, и постепенно о ее существовании попросту забыли. Настолько, что, когда Аракелов перед тем, как отправиться сюда, послал в «Навиглоб» запрос обо всех подводных сооружениях этого района, в список она не попала. Именно это и насторожило Аракелова — он-то прекрасно помнил станцию, на которой проторчал почти месяц. Тогда он поинтересовался данными о демонтированных объектах. Этого зародыша рудничного комплекса, не успевшего даже получить название и потому фигурировавшего во всех документах просто как АМИ-01, не оказалось и во втором перечне. И лишь когда Аракелов потребовал информацию о законсервированных подводных сооружениях, банк выдал ему сведения об АМИ.

Забтая всеми станция — идеальное убежище для Душмана. Только те, кто работал на АМИ или участвовал в ее проектировании — а много ли таких? — могли

бы до этого додуматься. Дело в том, что для проектирования «Андеруотер Майн» пригласила не специалистов по глубоководной технике, а конструкторов орбитальных систем. Мол, свежий взгляд, отсутствие стереотипного мышления, оригинальные инженерные решения... АМИ-01 и впрямь получилась необычной. Главное же — полностью автономной. Кислородом ее снабжали мощные жабры Робба-Эйриса, энергией — термоэлектрический генератор пятого поколения, концы термопар которого были разнесены в зоны с разной температурой. Хотя перепад был не так уж велик, для нужд станции его хватало с избытком. И потому консервация АМИ явилась, по существу, фикцией — любой, кто мало-мальски разбирался в этой технике и взял бы на себя труд ознакомиться с документацией, мог обосноваться тут совершенно спокойно. И кому бы пришло в голову искать Душмана именно здесь, в черте заповедника? Не поработай Аракелов в свое время тут сам, ему и тени мысли о самом ее существовании не явилось бы. Если даже информационный банк «Навиглоб» выдал сведения о ней лишь с третьего захода, что же говорить о памяти человеческой?

Теперь предстояло проверить, насколько правильны были аракеловские умопостроения.

Лишь бы Душман был здесь!

И вдруг Аракелов аж застонал: что толку-то! Всю дорогу он представлял себе, как проникнет в станцию, как возьмет Душмана за грудки и начнется этакая ковбойщина с мордобоем. Мерещилась Аракелову классическая кинодрака с опрокидыванием мебели и битьем посуды — не зря же в конце концов в военно-морском училище вдалбливали в него некогда приемы рукопашного боя. Конечно, отчихвостят его потом за рукоприкладство, но переживется. Зато сейчас можно будет отвести душу, благо никакими формальными положениями Аракелов не связан. Не представляет он ни Океанский Патруль, ни Интерпол, ни... Так, частное лицо.

Вольный батияндр, так сказать. И следовательно, может позволить себе роскошь набить морду браконьеру. А потом — Душман поверженный; Душман связанный; торжество Фортинбраса. И вызов патрульной субмарины...

Но рухнуло все. Вмиг. Болван, какой болван! Он ведь не сможет даже войти в станцию. Для этого ведь кто-то должен работать на аппаратуре батияндрогена. Отсюда, снаружи, включить ее невозможно. И потому Душман остается недосягаемым — даже если в самом деле отсиживается он на станции. Идиот, трижды идиот!

А Душман был здесь. В этом Аракелов убедился, заметив слабый свет, исходивший из иллюминатора. Оставить осветительную сеть включенной при консервировании станции не могли — невозможно это. На то и существует контрольная карта. Некому здесь быть, кроме Душмана, ясно, как дважды два. К стыковочному патрубку была пришвартована субмарина — судя по контуру — не патрульная. Вообще незнакомой конструкции. Душман. Больше некому, он!

Аракелов осторожно приблизился к субмарине. Хороша машина. Двенадцатиметровое обтекаемое тело, движитель — дельфиний хвост, эффективно, ничего не скажешь, выигрыш в скорости при том же двигателе процентов тридцать... Никаких иллюминаторов — телевизионный обзор, значит; четыре мощных прожектора, внешние манипуляторы — смотри-ка, такими впору морские узлы вязать, вот это да... По борту, чуть ниже маленькой рубочки, крупные люминесцирующие буквы: «Тигровая Лилия». Вот, значит, она какая, знаменитая Душманова субмарина. Название ее в Патруле знали, и слышать его Аракелову приходилось, а вот увидел впервые. И не мог не залюбоваться. По слухам, Душман сам проектировал свою «Лилию». Если правда, то как мог человек, способный создать такое инженерное чудо, докатиться до браконьерства? И еще какого! Нет, не укладывалось это в голове у Аракелова, хоть убей.

Как бы то ни было, ситуация сложилась парадоксальная. Нашел Аракелов Душмана. Вот они оба: Аракелов — здесь, подле станции, скрывается во мраке, аки тать в нощи; Душман — там, внутри, почитывает себе, чаи гоняет, виски хлещет, хоть спит — какая разница. Важно, что для Аракелова он недоступен. Ибо не станет обслуживать батиандрогенный комплекс, чтобы Аракелов смог войти в станцию. Нет, не станет... И что же теперь, собственно, делать?

Дождаться, пока прибудет обещанный Аракелову «Джулио делла Пене», спустит баролифт, вернуться на поверхность и сообщить, что Душман здесь? Тоже выход, конечно; только где гарантия, что за это время не сбежит Душман? Не решит, что можно уже? Ищи тогда ветра в поле...

Что же делать?

Аракелов медленно поплыл вокруг АМИ, держась примерно в двух метрах над дном. Двухметровая сфера нависала над ним, и Аракелов чувствовал себя морским диверсантом прошлого, медленно пробирающимся у самого дна вдоль крашенного суриком брюха какого-нибудь линкора или на худой конец крейсера в поисках места, где лучше установить мину. Этаким фрогменом. Человеком-лягушкой из Десятой флотилии МАС или соединения «К». Вот только мины у него не было.

Диверсантом?

А что, в этом есть резон. В конце концов, что важнее всего? Взять Душмана. Раньше или позже — не суть. А чтобы взять — достаточно изолировать его. Изолировать можно даже здесь, в станции. Пусть себе сидит и дожидается. Лишь бы уйти не смог.

Только как это сделать?

Аракелов задумался. Теперь перед ним встала уже чисто техническая задача, а значит, с ней можно было справиться.

Изолировать — значит лишить возможности покинуть станцию. Покинуть же ее Душман может только на своей «Тигровой Лилии». Следовательно...

Аракелов подвсплыл и тщательно исследовал стыковочный узел, одновременно вспоминая все, что знал о конструкции станции. Гигантские подводные сооружения, способные принимать батискафы, мезоскафы и субмарины в шлюз, пока еще можно было пересчитать по пальцам. Стандартные купола, как правило, оснащались верхним люком — таким, как на «Лужайке одуванчиков». Сферические донные лаборатории с положительной плавучестью, удерживаемые тросами мертвых якорей, проектировались обычно с донными люками. Однако конструкторы АМИ пошли по иному пути. Здесь был почти без изменения использован стандартный космический стыковочный узел. Фигурная горловина люка подводного аппарата совмещалась с переходным патрубком АМИ. При определенном усилии срабатывали концевые выключатели, врубая ток мощных электромагнитов, которые и соединяли субмарину со станцией в единое целое. Одновременно включались насосы, откачивавшие те немногие литры воды, что оставались между крышками лодочного и станционного люков, потом люки распахивались — путь открыт. В сущности, для того, чтобы отстыковать «Тигровую Лилию» от станции, достаточно было выключить электромагниты. Но как это сделать? И что за этим последует? АМИ, естественно, ничто не угрожало: ее конструкцией предусматривалась блокировка, и едва выключатся электромагниты, как захлопнется и люк переходного патрубка. Это ясно. А вот как с субмариной? Предусмотрел ли такую блокировку Душман? Ведь в противном случае «Лилия» мгновенно заполнится водой и затонет. Аракелову жаль было ни в чем не повинного судна, прекрасного судна, доставшегося такому подонку, как Душман. И второй вопрос — как выключить электромагниты?

Итак, два вопроса.

От ответов на них зависел исход всего аракеловского предприятия. Найдется ответ — хорошо; нет — и значит, зря он сорок с лишним часов тащился сюда, зря идет сейчас на randevу с ним «Джулио делла Пене», зря поверили ему все те, чье незримое присутствие постоянно ощущал он за спиной...

Аракелов неторопливо, дециметр за дециметром обследовал поверхность переходного патрубка — пятиметровой трубы в человеческий рост диаметром — и прилегающую часть борта станции. Света он не рисковал зажигать, сонар на таком расстоянии помогал мало, и потому приходилось в основном полагаться на осязание, то есть, попросту говоря, искать ощупью. Что именно он искал, Аракелов, пожалуй, и сам бы не сказал. Но опыт подсказывал, что искать надо, что может тут обнаружиться нечто, способное облегчить его задачу.

Он занимался этим часа два — спокойно, планомерно и методично, целиком отдавшись ощущению полированного альфрама под руками. Он не думал ни о времени, которого оставалось уже почти в обрез, ни о Душмане, спокойно отсиживавшемся там, за непроницаемой металлической оболочкой станции, и не подозревавшим даже о его, аракеловском, присутствии. И в конце концов наткнулся на то, что и было ему нужно. Маленький, тридцать на сорок сантиметров лючок. Сумку с инструментами Аракелов, к счастью, взял с собой и теперь благословил свою предусмотрительность. Он подцепил крышку лючка, та легко откинулась, и Аракелов осторожно подсветил себе фонариком, до отказа сузив его луч. Здесь проходили силовые кабели. Аракелову вспомнилось, что специалисты из космической промышленности, плененные сходом космоса и гидрокосмоса, слишком многое вытащили наружу, забыв, что подбратиться к таким вот смотровым лючкам, например, в невесомости и вакууме — это одно, а в гидроневесомости на трех- или пятикилометровой глубине — совсем другое. Далеко не на каждой станции пока еще были свои

батиандры... Защита от среды была предусмотрена идеально, а вот удобство... Потому и пошли доводки; переработки и дело как-то увязло, тем более что «Ан⁴ деруотер Майн» мало-помалу потеряла интерес к этому проекту, сделав ставку на управляемых с поверхности роботов. Однако сейчас конструкторская промашка пришлось весьма кстати.

Аракелов рассмотрел схему, вычерченную на внутренней стороне крышки лючка. Так, значит, вот эти два кабеля и питают электромагниты. Прекрасно! И если разъединить эти муфты... Вот так... И так... Готово! Бедная «Тигровая Лилия», станут ли ее поднимать? Жаль терять такой аппарат, но кому будет дело до этого частного имущества?..

Ничего внешне эффектного не произошло. Да и не могло произойти. Просто лишенные питания магниты перестали удерживать Душманову субмарину, а внутри переходного патрубка с лязгом, толчком отозвавшимся в аракеловских руках, захлопнулся люк. Аракелов смотрел на «Тигровую Лилию»: слабенькое течение, скатывающееся со склона в сторону абиссальной равнины, сейчас оттащит ее на несколько сантиметров, вырвется из разверстой пасти люка воздушный пузырь... Но пузыря не было. Субмарину действительно оттащило, но люк ее оказался закрытым. Ай да Душман! Сволочь, но инженер! Предусмотрел-таки блокировку. Аракелов улыбнулся. Он достал из сумки с инструментом пищалку и, подплыв к «Тигровой Лилии», наклепал ее на люк рубки. Теперь, куда бы ни отнесло ее течениями, разыскать будет нетрудно — по крайней мере пока не истощатся батареи маячка. А это почти два месяца.

Аракелов вернулся к переходному патрубку, снова залез руками в лючок и соединил муфты. Теперь можно было вновь пристыковываться к станции — магнитные захваты сработают. Только будет это уже не «Тигровая Лилия», а скорее всего патрульный мезоскаф. Впрочем, это уже не его, аракеловское, дело.

Это дело Океанского Патруля. Дело заповедника имени Дарвина. И дело Душмана.

«А ведь Душман не мог не услышать, как захлопнулся люк», — подумал Аракелов. Ох и дергается же он теперь! Небось не может в толк взять, что произошло. И пожалуй, к лучшему вышло, что не пришлось Аракелову врываться в станцию и устраивать там побоище. Определенно к лучшему. Дело сделано, и пусть интересуются Душмановой судьбой те, кому это положено. Пусть определяет ее закон.

Аракелов рассовал по отделениям сумки инструмент и поплыл к Шалашу. Он не испытывал ни триумфа, ни даже удовлетворения от успешно выполненной работы. Была только полная опустошенность. Пойман Душман или нет, никто и ничто уже не воскресит погибшего патрульного. Никто и ничто не воскресит уже убитых им Морских Змеев. Ибо единожды сделанное делается навсегда. И есть в этом безнадежность, от которой стынет душа.

Час спустя Аракелов уже садился в «кархародон». До точки randevу с баролифтом «Джулио делла Пене» отсюда было миль десять — час спокойного хода. Аракелов задал курс авторулевому и включил двигатель.

Скуттер нес его сквозь мрак гидрокосмоса. Где-то вдали, невидимый и неосязаемый, скрывался в этой тьме Великий Морской Змей, тихоокеанский неотилозавр Аракелова. Где-то в этой тьме бродили неизвестными путями его ближайшие родичи — «долгоносики», чудовище «Дипстар», змей Ле-Серрека, чудовище «Дзуйио-Мару»... Они должны были жить спокойно, ибо их охранял закон — придуманный и принятый людьми. И совсем рядом, в каких-то двух милях к югу, скрывалась в этой тьме законсервированная рудничная станция АМИ-01, где ожидал своей участи Душман — человек, этот закон преступивший. А там, наверху, в сотнях миль отсюда, спешил к Факарао «Ханс Хасс», унося тело человека, который пытался встать на пути у Душмана. И там же,

наверху, но уже совсем рядом, представляли мысленному взору Аракелова «Джулио делла Пене» и люди, готовившиеся принять его на борт.

Люди готовили его, Аракелова, чтобы мог он работать здесь, в этой подводной тьме. И люди встречали его. Он был плотью от плоти и мыслью от мысли этого человеческого мира. Он не знал никого на борту «Джулио делла Пене»; он успел познакомиться всего с несколькими людьми на борту «Ханса Хасса»; среди них вполне могли оказаться такие, с кем он вряд ли захотел бы встретиться вновь. Но всех их объединяло одно — то самое, чему пытался противопоставить себя Душман. Они были вместе. Каждый из них представлялся сейчас Аракелову пучностью некоего незримого поля. Поля дружеских рук. Поля уверенности и надежды. И пока оно существует, ты не можешь остаться один. Никогда.

Аракелов взглянул на слабо светящееся окошечко курсографа: до точки рандеву оставалось четыре мили. И ему вдруг нестерпимо захотелось наверх — к солнцу. К ветру. К людям.

ЧАСТЬ III НЕПТУНОВА АРФА

КТО УСЛЫШАЛ РАКОВИНЫ
БРОСИТ БЕРЕГ — И УИДЕТ
В ТУМАН...

Э. Багрицкий.

I

Спуск к морю даже днем был здесь делом непростым. Тропинка прихотливо извивалась по откосу, сейчас, ночью, казавшемуся Аракелову и вовсе обрывом. То и дело приходилось петлять меж здо-

ровенных каменных глыб,— иные были не меньше патрульной субмарины. Однако куда зловредней этих облизанных всеми ветрами вулканических бомб, последних яростных плевков древнего вулкана, которому был обязан своим происхождением остров, оказались камешки поскромнее — не крупнее обыкновенного булыжника. Аракелов уже несколько раз так стукался о них, что потом по доброй минуте стоял, тряся в воздухе ушибленной ногой, словно кот мокрой лапой, и совершенно по-кошачьи же тихонько шипел от злости.

В такие моменты он ругательски ругал себя за мальчишество, дешевую том-сойерщину, любовь к театральным эффектам, которые никак не пристали солидному пятидесятилетнему мужику. В самом деле, кто мешал ему чинно и благородно уйти поутру, чуть свет, пока ганшинская братия еще сны досматривает? Оно, конечно, спозаранок вставать — не подарок, но хоть шел бы по-человечески... Так нет же! Приспичило дурню великовозрастному переться середь ночи...

Но тут же ему представлялось, как утром Ганшин найдет его, аракеловскую, записку, как прочтет ее и какой станет у него физиономия — обиженной, раздраженной и злой. От этой картины боль улетучивалась, и Аракелов продолжал спуск. Несколько раз из-под его ног сперва с легким шорохом, а после — с дробным перестуком скатывались мелкие камешки, он здорово рассадил себе левую руку об острую, словно специально заточенную, грань какой-то глыбы, но полчаса спустя добрался-таки до узкой полоски пляжа. Это не был пляж в полном смысле слова — просто неширокий, метра три, не больше, карниз, затоплявшийся во время ночного прилива (дневной в здешних краях невысок, он не в счет), но в отлив здесь было удивительно хорошо загорать. В углублениях и выбоинах оставалась вода, и в ней копошились моллюски, которых Папалеаина готовила по рецептам местной кухни, а Аракелов — итальянской, отбивая мускулистое тело до толщины кру-

жева и потом зажаривая в кипящем масле. Получалась хрустящая, поджаристая, ни на что не похожая корочка... Впрочем, предаваться воспоминаниям было некогда. Аракелов вздохнул, присел на корточки и стал развязывать мешок.

«Руслан» со своей батиандрогенной аппаратурой был далеко, да Аракелову для его эскапады и не нужно было превращаться в батиандра. Не нужен был ему даже акваланг — в поверхностных, богатых кислородом водах вполне хватало обычного «намордника», как именовалась на жаргоне рифкомберов фильтрующая маска Робба-Эйриса. Название родилось не случайно: если обычная маска закрывала только глаза и нос, то намордник охватывал лицо полностью — для увеличения площади фильтра. Правда, одной активированной пластины хватало всего на восемь-десять часов, но Аракелову и этого было более чем достаточно. К тому же в мешке лежала пара запасных — на всякий случай. За долгие годы работы батиандра такая запасливая предусмотрительность стала второй натурой Аракелова — порой даже вопреки здравому смыслу.

Он вытащил и разложил рядом с собой подводную амуницию, сунул на ее место кроссовки, шорты и рубашку, загерметизировал мешок и с минуту играл клапанами, придавая ему нулевую плавучесть. Затем занялся собственной экипировкой. Застегнул пояс, проверил, хорошо ли фиксируется в ножнах кинжал, нацепил поводок от фонаря на один из карабинов, а фал от мешка — на другой. Порядок. Тогда он приладил «намордник» и, улегшись на карниз животом, опустил голову в воду. Стандартная процедура проверки — три полных вдоха. Фильтр работал прекрасно. Тоже порядок. Аракелов задержал дыхание, натянул ласты и привычно — спиной вперед — ухнул в воду. Ободранную руку сразу же засадило, и он выругался про себя.

Включив фонарь, в ярком луче которого замельтешили пестрые коралловые рыбки, Аракелов неторопли-

во поплыл вдоль берега; мешок тянулся сзади, словно большая темная медуза. Метров через триста он добрался до похожего на древесный гриб каменного козырька. В расщелине под ним жил старый группер, с которым они уже успели не только познакомиться, но и подружиться, если можно назвать дружбой отношения, при которых один только дает, а другой только берет... Да и что было взять Аракелову с флегматичной полутораметровой рыбины? Но сейчас ему нечем было угостить знаконца; впрочем, тот наверняка спал: групперы — рыбы дневные. Поэтому Аракелов погрузился на семь-восемь метров по ощущению — батиметра при нем не было — и стал разыскивать вход в пещеру.

В этом занятии он преуспел минут через десять: как и оба прошлых раза, черный провал входа открылся неожиданно, хотя, казалось бы, он назубок вызубрил все приметы, а на зрительную память Аракелову жаловаться не приходилось. Прилив набирал силу, и течение властно повлекло Аракелова в туннель. Он не сопротивлялся, но и не старался ускорить движение, легкими шевелениями ластов удерживая тело в центре потока. Четверть часа спустя он уже выбрался из воды в первом гроте.

Здесь он сделал маленькую передышку, чтобы лучше сориентироваться — все-таки спелеологом он был, мягко выражаясь, никудышным. Так, значит, где-то в углу должен быть проход во второй грот. Он повел лучом фонаря по стене; в медленно движущемся овале света тут и там вспыхивали яркие блестки. Ага, вот — крупная жирная стрела, аккуратная такая, четкая. Молодец, Венька, хорошая работа! Интересно, как он там сейчас? Если все идет по плану, он уже милях в пятнадцати-семнадцати от острова, а к утру должен быть в Папалениме... Вот и следующая стрелка. Значит, все правильно. Аракелов медленно пробирался вдоль стены. Последняя стрела косо указывала вниз, на крошечное озеро черной, маслянисто отблескивающей воды. Си-

фон. Аракелов вновь напялил «намордник» и ласты, нырнул, нащупал проход — узкий тоннель, в который он едва-едва мог протиснуться. Плыть тут приходилось чуть ли не по-пластунски, одно утешение, что недолго: через каких-нибудь три-четыре минуты этот подводный лаз кончился, и Аракелов очутился в следующем гроте.

Если предыдущий до сих пор оставался безымянным — был он настолько невыразителен и безлик, что язык не поворачивался говорить о нем иначе, чем просто о первом гроте, то этот они с Венькой, не сговариваясь, нарекли Колонным храмом. Почему храмом, а не залом, гротом или пещерой — трудно сказать. Может быть, потому, что при первом же взгляде в уходящую в тьму перспективу толстых каменных столбов, поддерживавших низкий, метра три-четыре, не больше, потолок — не сводчатый, как у большинства пещер, а на редкость плоский — вспоминался Карнакский храм и чудилось, что вот-вот мелькнет меж колоннами фигура египетского жреца... Да и по рассказам Папалеаианы в одной из пещер был древний храм, капище или, как там назвать, место молитв ее предков. Может, как раз здесь? Однако Аракелов оставаться тут не собирался — ему нужно было забраться поглубже, подальше, чтобы в случае, если станут его искать, поиски эти затруднить елико возможно. Скорее всего, правда, искать его не станут. И очень может быть, что демонстрация его останется бессмысленным жестом. Но поступить иначе он не мог. Нельзя было иначе.

Намотав фал мешка на левую руку и захватив пальцами горловину, а в правой держа фонарь, Аракелов медленно двинулся через грот. Тени колонн падали вперед и вкось, в стороны, стен не было видно, а под ногами лежал плотный, сбитый песок... Интересно, откуда он тут, ведь пещера эта не затоплялась? Да если бы и затоплялась, занести сюда песок море не могло бы, будь даже остров окружен полосой песчаных пляжей... Может, его сюда принесли некогда; может, в самом де-

ле именно здесь и был тот древний храм? «Надо будет полазать,— подумал Аракелов.— Времени для этого хоть отбавляй, фонаря хватит на сто часов — значит, быть по сему». Дойдя до конца Колонного храма, он повернул вдоль стены влево. Шагов через тридцать открылась узкая щель, которую они с Венькой и Орсоном обнаружили уже во время второй своей вылазки в недра острова. Аракелов достал веревку и связал с идущим от мешка фалом — получился конец длиной в полсотни метров, этого должно было хватить с избытком. Он забрался в щель и, упершись спиной в одну ее стенку, стал, медленно перебирая ногами по другой, карабкаться вверх. Путь ему предстоял немалый — в прошлый раз они измерили высоту этого камина — семнадцать метров. Скучное занятие — вот так, враскорячку, взбираться в темноте вверх. Впотьмах — потому, что спелеологического шлема с фонарем у него, естественно, не было, а руки были нужны для дополнительной опоры.

Камин вывел его в третий грот — маленький и какой-то уютный. Здесь он и решил обосноваться. Втащив мешок, Аракелов внимательно осмотрелся. Камин выходил в угол пещерки. В противоположном углу стена образовывала нишу — настоящий альков, и он потащил свои пожитки туда. Воздух был чуть застоявшийся, но не спертый и не затхлый, очевидно, какие-то трещины выходили отсюда на поверхность. Аракелов повел лучом фонаря по потолку: так и есть, почти в центре свода обнаружился не замеченный им прежде колодец.

Аракелов пристроил фонарь на маленькой естественной полочке так, чтобы светлый круг полностью захватывал облюбованный им уголок. Потом вытащил из мешка поклажу. Присоединив к надувному матрацу баллончик со сжатым воздухом, крутанул вентиль. С коротким резким шипением матрац надулся. Спать Аракелову пока не хотелось, и он двумя стяжками превратил матрац в кресло. Поставил рядом термос, сложил стопочкой четыре коробки аварийного шлюпочного ра-

циона — больше четырех дней он вряд ли здесь пробудет, так что голодная смерть ему не грозит, пожалуй, не удастся даже подсократить предательски нарастающее в последние пять лет — с тех пор, как ему пришлось оставить профессию батияндра — брюшко. Аккуратно вытерев ласты, «намордник» и всю прочую свою подводную амуницию, он сложил ее в мешок, а мешок, застегнув, пристроил в углу к стене. Нацепив плавки на каменный выступ — пусть сушатся, — он облачился в шорты и рубашку, устроился в своем импровизированном кресле и потянулся было за термосом, но почувствовал, как снова засадило руку — конечно же, расслабился, и вот... Кряхтя, он поднялся, снова полез в мешок; достав аптечку, густо залил ссадину антисептиком. Аэрозоль вспенился, кожу ожгло, но зуд почти сразу утих, а пена опала, превратившись в бледно-розовую пленку. Аракелов убрал аптечку, снова опустился в кресло и, налив из термоса смесь апельсинового и лимонного соков с кокосовым молоком (знай Ганшин, какой я себе курорт устроил, — от злости бы лопнул!), стал пить медленными длинными глотками, растягивая удовольствие и наслаждаясь. Потом он взял книгу, в последний момент подsunутую Папалеаианной. Это оказался детектив, чему Аракелов от души порадовался — лучшего времяпрепровождения не придумаешь!..

«Ну а теперь, — подумал он, мысленно обращаясь к Ганшину, — круши! Рви свой габровит! Только хватит ли тебя на такое?.. Ну да это меня не касается. Я свой ход сделал, теперь твой черед. Действуй!»

Аракелов от души рассмеялся и углубился в чтение. Однако уже на второй странице он застрял — окончательно и бесповоротно. Хотя впервые за последние недели свободного времени у него оказалось вдруг в избытке, делай что хочешь, спи — не хочу, читай — не хочу, мысли упорно бежали по одному, казалось, раз и навсегда проторенному кругу, то и дело возвращаясь к памяtnому третьему дню захода на Караури.

— Учти, Аль, еще один день — и я выкину эти проклятые жестянки за борт! Меня уже тошнит от вашей консервированной ветчины! Слышишь? Утром ветчина, днем ветчина, вечером ветчина... Если твоей Линде лень готовить — зачем она, спрашивается, на борту? Я могу набрать шестьдесят килограммов балласта поспокойнее...

— Полегче, Джайн, Линда все-таки моя жена, так что ты не очень...

— Ну так и лопай ветчину по три раза в день. А я не желаю.

— Не нравится — так готовь себе сам. Или Роберте скажи, она-то повар не лучше, между прочим...

— Не тебе об этом судить, ясно? И вообще — катись-ка ты отсюда, свиноед несчастный...

II

В этих широтах Аракелову приходилось бывать не раз. Впервые — восемнадцать лет назад на «Руслане»; в тот рейс поднимали злополучный «Дип-Вью»... Потом было еще несколько плаваний: на роторной шхуне «Людмила» — по программе Международного года Тихого океана; советско-японская экспедиция на «Иба-Мару», когда они полгода занимались изучением глубоководной реликтовой фауны Южных Морей (по официальной формулировке), что на деле означало — тщетные, увы! — поиски Великого Морского Змея, «чудовища Дзуйио-Мару» и прочих полуполюгендарных и вовсе мифических годзилл, поиски, которые ни в какую официальную тему не вписывались... Веселое было времечко; хорошие ребята, подводные разведки — по двое суток на трех-, пяти- и семикилометровой глубине, вечера, когда, собравшись на баке, они распевали собственного сочинения песни...

Работал он и на патрулях Гайотиды-Вест и Гайотиды-Зюйд — старшим в группе батияндров проекта «Абиссаль-45». Но всякий раз архипелаг Караури оставался в сотнях, порой даже всего в десятках миль в любую сторону. И только в позапрошлом году Аракелов впервые оказался в Папалениме — самом крупном городе Центрального Караури и столице молодой республики.

В тот раз заход «Руслана» в Папаленим был внеплановым, а потому и недолгим.

Миллях в двухстах к юго-западу от Караури вахтенные обратили внимание на небольшую, тонн сто пятьдесят — сто семьдесят, шхуну — такие бороздят Южные Моря вот уже добрых три столетия, перевоза копру, почту, пассажиров, занимаясь ловом акул и тунца. В прошлом веке их потеснили было пароходы, но энергетический кризис, борьба за охрану среды — и вскоре они снова стали почти безраздельно царить в этих местах. С парусами, взятыми на вторые рифы — в такую-то погоду! — шхуна описывала широкие циркуляции, причем на палубе не было видно ни души. Капитан, заинтересовавшись, направил к ней катер. Чутье и на этот раз не подвело мастера — судно оказалось брошенным. И брошенным как-то странно: все судовые документы на месте, единственная, судя по всему, шлюпка — тоже, на месте и личные вещи экипажа, согласно роли состоявшего из семи человек. «Вахине Меа» — так называлась шхуна — была приписана к Папалениму, и капитан решил сделать крюк в две сотни миль, чтобы доставить туда «бесхозное имущество», за спасение которого по морскому праву полагалась премия. Правда, с мечтой о премии пришлось вскоре распрощаться: одобрив решение доставить шхуну в порт приписки, Владивосток в то же время категорически приказал рассматривать его как акт дружеской услуги. Чертыхнувшись, капитан подтвердил получение радиogramмы и связался с властями Караури.

Тем временем на палубах и в каютах «Руслана» шли оживленные словесные баталии. Поминали знаменитую «Марию Целесту», брошенную экипажем в Атлантике, — загадка, по сей день остающаяся неразрешенной, хотя гипотез выдвигалось тьма — от грязных махинаций судовладельцев до нехороших поступков космических пришельцев. Вспоминали и загадочную судьбу «Уранг-Меданга»... Словом, каждый стремился блеснуть эрудицией по части подобных историй, однако все эти разговоры так и остались «сотрясением воздуха». Портовые власти с благодарностью приняли шхуну, было сказано, что этим случаем займутся соответствующие службы — и все. Сутки «Руслан» простоял на Папаленимском рейде, два десятка человек — и Аракелов в том числе — побывали на берегу. Аракелову повезло: начальника подводных работ отнесли к разряду почетных гостей, и вместе с несколькими учеными, начальником экспедиции и капитаном он был приглашен на торжественную церемонию питья кавы. Здесь-то и познакомился он с Папалаеиной. Впрочем, познакомился — не совсем то слово. Он видел ее, главную распорядительницу церемонии, и только. Знакомство состоялось много позже, уже в этот раз...

Потому что нынешним летом заход на Караури был предусмотрен планом. По соглашению с правительством республики экспедиция должна была заняться исследованиями в территориальных водах архипелага, с тем чтобы вся полученная в итоге информация была представлена и ученым Папаленимского института морских проблем. Целый месяц «Руслан» бороздил море между ста тридцатью четырьмя островами, составляющими архипелаг — правда, только семнадцать из них были обитаемыми. Остальные же представляли собой крошечные коралловые атоллы и рифовые островки — песок, несколько чахлах пальм и ни капли пресной воды. А потом пришел черед пятисуточной стоянки на Папаленимском рейде. Ученники целыми днями пропадали в горо-

де, на борту постоянно гостили их местные коллеги... И только Аракелову все никак не удавалось сойти на берег.

Правда, первое впечатление о Папалениме он составил еще в прошлый раз. Город разочаровывал и очаровывал одновременно. Разочаровывал потому, что под поспешным натиском цивилизации без следа исчезла всякая внешняя экзотика: ни тебе пальмовых хижин, ни длинных домов, ни деревянных идолов... Вполне современный город, небольшой, тысяч пятьдесят-шестьдесят населения, но в принципе ничем не отличающийся, скажем, от Гонолулу, этакий микро-Гонолулу с банками и неизбежным Хилтон-отелем, президентским (бывшим королевским) дворцом, деловыми, аристократическими, торговыми и рабочими кварталами... Очаровывал же какой-то удивительной компактностью, соразмерностью с человеческими масштабами, которой начисто лишены многосоттысячные и миллионные города. Да и народ здесь был — по первому впечатлению — на редкость радужный и приятный: странный конгломерат из потомков полинезийцев, индийцев, французов, китайцев и негров-меланезийцев.

Однако самым ярким воспоминанием, какое оставил в тот раз Папаленим, оказалась для Аракелова Эспланада — короткий и широкий бульвар, в обоих концах которого возвышались памятники. Спокойно скрестил на груди руки капитан Его Величества фрегата «Майнхэд» Бенджамен Барри — первый европеец, ступивший три столетия назад на эту землю. За ним незримо пролегли десятки тысяч миль, штормы и штили, врезавшие глубокие морщины в солнце и солью выдубленное лицо. И все ради того, чтобы присоединить к империи, в которой не заходит солнце, этот затерявшийся в океанских просторах архипелаг... С ним пришли на Караури порох и джип, сталь и колесо — противоречивые черты далекой Европы. Но он был не худшим европейцем, побывавшим здесь. И пусть смерть свою Барри нашел имен-

но тут, в никчемной стычке с отрядом мятежного вождя Хаукани, память о нем сохранилась на острове, может быть, даже больше, чем на английской земле, во славу которой он отдал здесь жизнь... И теперь, высеченный из белого мрамора, стоял он на облицованном черным обсидианом пьедестале в одном конце Эспланады, а в другом — лицом к нему возвышалась на таком же постаменте, только сложенном из белого известняка, темная гранитная фигура Хаукани с боевым топором в поднятой руке. Убийца и жертва, первый борец за свободу и первый колонизатор... Кто же из них победил? За спиной капитана Барри вставала вдали темная громада лесистого склона Килау-Кеа, а фоном для памятника гордому вождю служили светлый бетон и опалесцирующие стекла Хилтон-отеля. Аракелов поразился замыслу скульптора. Подножия обоих памятников утопали в алых цветах, посаженных нынешними караурцами. Победила история.

Но воспоминания воспоминаниями, а сейчас Аракелову хотелось побродить по городу и дальше, по окрестностям, а если повезет, добраться до расположенного на севере острова вулкана Килау-Кеа, хмурая двуглавая вершина которого поднялась на четыре с лишним тысячи метров. Ему хотелось побродить одному, пешком, чтобы впитать и прекрасный пейзаж, и сам аромат острова — другого, более точного слова он подобрать не мог. А вместо этого приходилось торчать на борту, водить по «Руслану» экскурсии, стоять вахты...

Отстояв последнюю, Аракелов отправился к себе в каюту, вдоволь поплескался под душем и, включив кондиционер на полную мощность, устроился в кресле и стал решать проблему, что лучше: пойти поужинать, отправиться расписывать пулю с Генрихом Альперским, радистом и старшим механиком — славный, спянный микроколлектив — или сесть и написать письмо домой. И он совсем уже склонился было к последнему — Марийка небось заждалась, а про Петьку и говорить не

приходится,— как зазвонил телефон. Аракелов снял трубку:

— Слушаю.

— Александр Никитич,— услышал он могучий капитанский бас.— Зайдите ко мне, пожалуйста.

— Есть,— отозвался Аракелов и дал отбой.

По дороге к капитанской каюте он размышлял, зачем он понадобился мастеру. Удивляло и само обращение — на «вы». Обычно кэп без зазрения совести «тыкал», по старой памяти называл Аракелова духом, начисто игнорируя то обстоятельство, что вот уже пять лет, как он ни разу не ходил вниз, разве что с аквалангом или в покойной гондоле батискафа: увы, сорок пять лет — предел для батиандра. Правда, иногда, снисходя к новому, начальственному аракеловскому положению, мастер широким жестом производил его в «обердухи». Но и Аракелов в долгу не оставался и запросто (без свидетелей, разумеется) именовал капитана Ягуарычем.

Аракелов постучался и в ответ на негромкое «Войдите» распахнул дверь капитанской каюты.

Кроме Ягуарыча, начальника экспедиции Зададаева и Альперского, здесь были еще двое: караурец, которого Аракелов уже видел однажды на «Руслане», и европеец с тоскливо-мечтательной физиономией.

— Ну вот, теперь все в сборе.— Капитан поднялся из кресла, оба незнакомца тоже.— Позвольте представить, начальник подводных работ экспедиции, доктор биологических наук Александр Никитич Аракелов, прошу любить и жаловать. В недавнем прошлом батиандр, один из лучших в стране. А это, Александр Никитич, наши гости — господин Хироа, заместитель морского министра республики...— Караурец просиял улыбкой и сдержанно поклонился...— и Геннадий Игнатьевич Бельков-Моржевский, наш консул в Западном Самоа, а также на островах Тонга, Фиджи и Караури по совместительству. Я ничего не перепутал?

— Никоим образом,— отозвался мечтательный консул.— Рад, очень рад,— проговорил он, вяло пожимая руку Аракелову, и снова стек в кресло. Казалось, он вот-вот заснет.

— Итак, мы можем приступить к делу.— Капитан жестом указал куда-то в сторону столика на колесах, уставленного бутылками и высокими коническими стаканами дымчатого стекла; в центре возвышалась громоздкая холодильная фляга «Снегурочка», наполненная (знал по опыту аналогичных приемов Аракелов) отменным клюквенным соком. Ситуация получилась несколько двусмысленной, и Аракелов с трудом подавил улыбку. Альперский же как ни в чем не бывало подцепил своей длиннющей ногой столик, подтащил поближе и пояснил:

— Учтите, у нас здесь полное самообслуживание. Так что предлагаю проявить разумную заботу о себе...— и, подавая пример, раскупорил бутылку «Яффы».

Аракелов плеснул себе соку из «Снегурочки», выхватил горький индийский тоник, потом итальянский сидранд, смешал все это, добавил льду и, отхлебывая потихоньку, покойно устроился в кресле и стал ждать дальнейшего развития событий.

— Господа,— начал Хироа,— правительство Демократической Федеративной Республики Караури уполномочило меня обратиться к вам с просьбой следующего содержания. Два года тому назад вами была доставлена в Папаленим тунцеловная шхуна «Вахине Меа», обнаруженная в открытом море в точке с координатами...— Он скосил глаза на лежащий перед ним блокнот. Капитан кивнул: в судовом журнале координаты были отмечены и без того.— Должен признаться, это уже не первый случай бесследного исчезновения или странной гибели экипажа на судах, совершающих плавание в наших водах, хотя, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы подобные происшествия носили характер регулярный. Первоначально мы предполагали, что «Вахине

Меа» и три других судна, экипажи которых загадочно пропали за последние десять лет, подверглись пиратскому нападению. Однако ни разу суда не были ограблены — полностью или частично. Скрупулезное расследование, проведенное соответствующими службами республики, не дало никаких результатов. Остается предположить, что события эти имеют какую-то иную причину. Именно в этой связи мы и просим помощи у советских ученых.

Капитан и Зададаев переглянулись. Аракелов понимал их: впутываться в подобную историю было бы слишком рискованно. К тому же у «Руслана» есть своя утвержденная программа, и отступать от нее нельзя — слишком многое здесь завязано в единый узел... Интересно, как они будут открещиваться?..

— Мы были бы рады помочь коллегам из дружественной страны, но,— широко развел руками Зададаев,— к сожалению, экспедиция связана жестким графиком работ. Самым резонным, очевидно, будет обратиться с этой просьбой не к нам, а в Академию наук, чтобы в программе любой следующей экспедиции, может быть, нашего же «Руслана», эти исследования были предусмотрены как плановые. Мы все нисколько не сомневаемся, что такое решение будет незамедлительно принято.

— Безусловно,— кивнул капитан.— Не исключено даже, что может быть создана совместная научная комиссия двух наших стран.

— Понимая сложность вашего положения, именно с этого мы и начали.— Заместитель министра радостно улыбнулся и посмотрел на консула-совместителя, безмятежно дремавшего в кресле.

— И вам, товарищи, предложено решать эту проблему самим, на месте, исходя из реальных ваших возможностей,— закончил тот, и Аракелов не мог не восхититься умением сочетать тропическую дремоту с недреманным бдением. Он от души посочувствовал Зададаеву с Ягуарычем, еще бы — без меня меня женили...

Однако мастер отреагировал с завидным хладнокровием:

— Раз так — мы, конечно, постараемся изыскать возможности. По крайней мере, для предварительной рекогносцировки. И, думаю, изыщем. Не так ли, Константин Витальевич?

— Так,— кивнул Зададаев.— Хотя задачка, скажу я вам, типа «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»... Что ж, подумать надо.

— О, конечно же, конечно же,— улыбчивый каргурец был воплощенное понимание.— Само собой, любое решение требует раздумия и обсуждения. Я хочу только напомнить, что задача эта имеет для нас жизненно важное значение, ибо связана с обеспечением безопасности судовождения, хотя и вне территориальных вод республики, но в зоне ее хозяйственных интересов...

— Я могу обещать лишь одно — сделать все, что в наших силах.— Зададаев постарался найти предельно осторожную формулировку, ибо не в его привычках было выдавать векселя, не имея твердого обеспечения.

— Это уже много. Это очень много, ибо мы глубоко уважаем науку вашей страны и верим в ее огромные возможности,— поклонился гость.

Деловая часть разговора, собственно, на том и закончилась. Капитан дружески проводил гостей.

— Ну и что ты об этом думаешь, Саша? — поинтересовался Зададаев, наливая себе сбитня из представительского капитанского фонда и подмигивая при этом Аракелову.— Что делать будем?

— Э-э, Витальич, так дело не пойдет. С больной головы да на здоровую — нехорошо это. Ты скажи, а я послушаю.

— Пилатист,— ухмыльнулся Зададаев.— Каков, а? — обратился он к Альперскому, приканчивавшему тем временем четвертую чашку кофе.— Кстати, много кофе вредно, учти. Но это так, между прочим. Всерьез тобой

эскулапы заниматься будут, не я. А вот что с ним будем делать? — кивнул он на Аракелова.

— Что, что... Ему и поручим, вот что. Сейчас по программе на три недели подводных работ нет. И пользы нам с него, что с козла молока,— Альперский хитро ухмыльнулся.— Оставим его здесь, а по пути на Факарао подберем. Устроим тебе маленькие каникулы на Караури, Шурик. Рад небось?

Аракелов аж задохнулся от возмущения. Чего-чего, но такого предательства со стороны Генриха он не ожидал. Однако все его аргументы разбились о мгновенно сформировавшийся единый фронт Зададаева, Альперского и примкнувшего к ним Ягуарыча. В итоге остаток вечера и часть следующего дня «мозговой трест» экспедиции обсуждал, с какого конца браться Аракелову за это безнадежное дело. Впрочем, именно безнадежность предприятия в конце концов заставила Аракелова не только смириться со своей участью, но даже увлечься предстоящей миссией: и то сказать, уж коли влип он в свое время в эпопею Великого Морского Змея, почему бы не попытаться теперь раскусить тайну «Вахине Меа»...

Кончилось тем, что два дня спустя, когда «Руслан», с грохотом выбрав якоря, стал медленно двигаться к выходу из бухты, Аракелов смотрел ему вслед с Папаленинской набережной. Смотрел до тех пор, пока белоснежный силуэт судна не скрылся за скалистым изломанным контуром далеко врезающегося в море мыса Хопфул. Потом Аракелов повернулся и посмотрел на город. Выстроившиеся вдоль набережной высокие — по здешним меркам — дома закрывали перспективу; за ними, вдалеке, на ажурной мачте станции релейной спутниковой связи, вечерний бриз чуть полоскал бело-красно-черно-зеленое полотнище национального флага.

«Так,— сказал себе Аракелов,— ладно; пора приниматься за дело». Он еще не очень четко представлял себе, признать, как именно станет осуществлять это

благое намерение. Но сейчас это было не суть важно — утро вечера мудренее. Им овладело знакомое состояние, которое он называл пороговым: ты еще не знаешь, что и как делать, но решение будто бы само собой, независимо, зреет внутри, и ты уже как-то предчувствуешь, предощущаешь его, и остается лишь ждать, когда плод, налившись соком, сам упадет к твоим ногам.

* * *

— Заткнешь ты когда-нибудь свой магнитофон, Джайн? Слышишь ты? Я тебя спрашиваю или нет?

— Спрашивать никому не воспрещается.

— До чего же ты вежлив, просто с ума сойти можно от твоей обходительности, честное слово!

— Побереги свою иронию для более подходящего случая, детка.

— Если бы я знала, что это будет так, ни за что бы не согласилась отправиться с вами. Ах, плавание на собственной яхте! Ах, красоты Южных Морей... Ах, полная свобода!.. А на деле? Вонючий камбуз да твой распроклятый магнитофон, вот и вся свобода, все красоты... И еще сорок дней до Тонга...

— Ну, поплачь, поплачь, детка, тут так мало соленой воды...

III

В распоряжении Аракелова было недели три. Потом по дороге к атоллу Факарао, где располагалась международная океанологическая база, «Руслан» должен был зайти за ним на Караури. Если же произойдут какие-нибудь изменения — что ж, на худой конец до Факарао можно добраться и своим ходом, всего-то семьсот-восемьдесят миль... Для катера, который был оставлен в распоряжение Аракелова, это не то чтобы пустяк, но задача вполне посильная. Впрочем, сейчас нужно было

думать не о возвращении на «Руслан», а о том, как разгрызть подсунутый ему орешек. Крепкий, надо сказать, орешек. Кракатук. «Ну вот,— сказал себе Аракелов,— полдела сделано. Название есть. «Операция Кракатук» — звучит, а? Осталась другая половина — провести операцию».

Отпустив Веньку — матроса-моториста, оставленного ему в помощь, неплохого аквалангиста и вообще на все руки мастера — гулять по городу, Аракелов первые два дня проторчал в архивах. Он совсем утонул бы в пропыленных бумагах и в море микрофильмов и микрофишей, если б не помощь его доброго гения, доктора Теранги Фарвеля из Института морских проблем, которого послала, правда, не судьба, а повеление все того же господина Хироа. Вместе они опросили и десятка два свидетелей. В итоге Аракелову удалось зафиксировать семнадцать достоверных сообщений о судах с исчезнувшим или загадочно погибшим экипажем и еще четыре таких, которые представлялись сомнительными.

— Все,— сказал доктор Фарвель,— большего, коллеги, не даст сам господь бог: или те случаи были давным-давно и позабыты, или они просто остались неизвестными, или, наконец, их вовсе не было. Мы с вами и так забрались на девяносто два года в прошлое — куда ж еще?

Но Аракелову нужно было именно больше. И то, чего не дал бы бог, дала Евразийская информационная сеть, к которой через компьютер «Руслана» был подсоединен интеллектуальный терминал, установленный на катере предусмотрительным Зададаевым. Перебрав все данные, сохраненные неиссякаемыми архивами Британского Регистра Ллойда, Бюро Веритас, Американского Бюро Судоходства, Морского Регистра СССР, Норвежского Бюро Веритас и других страховых и классификационных обществ, в конце концов удалось раскопать еще двадцать девять инцидентов, которые вписывались в тот же ряд. Причем для этого понадобилось погрузить-

ся в прошлое не на девяносто два года, а на два с лишним века — Аракелов не уставал восхищаться педантичностью судовых журналов и аккуратностью, с которой хранили их адмиралтейства, морские министерства, частные компании...

Правда, Аракелов отнюдь не был уверен, что и теперь располагает абсолютно полной информацией. Некоторые суда, потеряв команду, могли погибнуть, так и не попавшись никому на глаза, пополнив собой графу «пропавшие без вести». А без вести — хотя и редко, очень редко — пропадают даже сегодня и вовсе не маленькие шхуны и частные яхты. Чего стоит, например, одна история «Квебека», канадского рудовоза, вышедшего из Вальпараисо и на четырнадцатые сутки переставшего подавать о себе знать. Спасатели прочесали гигантскую акваторию — от мыса Горн до восточного побережья Австралии по долготе и от холодных субантарктических до ласковых субтропических вод по широте. Тщетно! Рудовоз исчез без следа, а ведь это было вполне современное судно сорокового года постройки, оснащенное всей новейшей техникой, системой спутниковой радионавигации, подключенное к службе КОС-ПАС — САРСАТ...

Однако среди случаев, интересовавших Аракелова, таких не было. И неудивительно — этот район находится в стороне от трасс интенсивного судоходства; здесь и сегодня можно встретить в основном шхуны, подобные «Вахине Меа», прогулочные яхты и катера или рыболовные сейнеры и траулеры. Самой крупной из этих загадочных жертв океана был траулер «Вайхофу», принадлежавший папаленимской компании «Рароа и сын». Двадцать три года назад он вышел в обычный рейс. И не вернулся. Лишь после долгих поисков его обнаружили — в противоположной части архипелага, причем до сих пор остается загадкой, как могло неуправляемое судно на всем пути не сесть на рифы, не выброситься на берег одного из бесчисленных островков и атоллов,

наконец, остаться незамеченным с борта множества каботажников, так и шныряющих по архипелагу. Весь экипаж оказался погибшим (не были обнаружены лишь трупы старпома и кока) от инфаркта. Инфаркт у сорока семи человек одновременно — случай беспрецедентный. Поэтому была выдвинута версия о том, что траулер попал в зону выхода на поверхность каких-то отравляющих газов, например, из затопленных некогда контейнеров, газов, симулирующих такую вот естественную на первый взгляд смерть. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу было невозможно. Но последняя запись в судовом журнале неопровержимо свидетельствовала о том, что конец свой траулер нашел как раз в интересующем Аракелова районе.

Самой маленькой оказалась «Лепакко» — тримаран финской яхтсменки Каарин Оя, участвовавшей в беззаходной кругосветке на приз газеты «Санди таймс». Бесспорный фаворит, она исчезла опять-таки в районе, которым занимался Аракелов. Яхта, правда, была обнаружена. Считалось, что спортсменку смыло волной. Однако Аракелов проверил — по данным метеорологов, в те дни здесь ни разу не раздувало больше, чем на два-три балла... Конечно, это не бесспорное доказательство, а потому история «Лепакко» вошла в раздел сомнительных, но...

Самое любопытное обнаружилось тогда, когда Аракелов предложил компьютеру нанести все достоверно известные или приблизительные координаты гибели судов на карту. Наверное, у комиссии, которая занималась подобными исчезновениями до него, просто было меньше информации. Иначе совершенно непонятно, почему им сразу же не бросилось в глаза... Аракелов аж присвистнул: точки ложились в пределах сильно вытянутого треугольника (опять треугольник — Бермудский, Море Дьявола, теперь тут — сколько ж можно?!), точнее, пожалуй, клина, поскольку лишь одна из вершин имела четкую привязку — три маленьких островка на северо-

западе архипелага. По мере смещения к югу плотность точек на карте падала, постепенно сходя на нет.

«Очаровательно,— сказал себе Аракелов,— но что же дальше? Помнится лет семьдесят-восемьдесят назад, во время очередного бума вокруг «летающих тарелок», некий французский журналист тоже подметил закономерность: все наблюдения НЛО над Францией в один день располагались на прямой линии, на следующий день — на перпендикулярной ей, потом на линиях, расположенных под сорок пять градусов; получалась такая восьмиконечная звездочка. Журналист даже предложил название: «эффект этуаль». Однако вывод он смог сделать лишь один: если сообщения об НЛО — ложь, то остается предположить, что все лжецы во Франции живут на прямых линиях... Ну а мне что сказать? Что неудачники в море ходят косяком?»

Острова, расположенные на вершине аракеловского клина («Ну вот,— усмехнулся Аракелов,— смотришь — и обогатил науку новым термином...»), были обозначены на карте как острова Страстной Пятницы — именно в этот день они были замечены и нанесены на карту все тем же Бенджаменом Барри. Происхождения они, как и Центральный Караури, были вулканического, хотя названия острова, собственно, заслуживал лишь Фрайди-Айленд площадью около двадцати квадратных километров; высшая его точка поднималась над океаном почти на семьдесят метров. Два же других были просто-напросто рифами, точные размеры которых Аракелов не смог найти ни в одном описании, приводились лишь названия — Биг-Бэзис и Литл-Бэзис. Последний вошел в историю: на его скалах нашел свой конец второй корабль Барри — бриг «Мидвич», из команды которого удалось спасти лишь восемнадцать человек. Полвека спустя в память об этой катастрофе коммодор Фладдard, задержавшись здесь по пути на Самоа, установил на вершине Литл-Бэзис каменный крест, венчающий риф и по сей день.

Аракелов решил сходить к островам Страстной Пятницы. Не то чтобы у него была четкая программа действий, скорее его вело чутье, а интуиции за четверть века работы под водой он привык доверять, до сих пор она его ни разу не подводила. Он приказал Веньке готовить катер, чтобы утром следующего дня выйти в море, а сам, известив о своих намерениях господина Хироа, решил побродить по городу. Ему хотелось посмотреть памятник королеве Папалеаиане I, занимавшей в истории Караури примерно такое же место, как Петр Великий в России. О памятнике, его авторе, французском скульпторе Клоде Реньяре, и самой королеве ему прожужжали все уши и Ранги Сингх, президент местного Подводного клуба, и доктор Фарвель, и едва ли не все, с кем Аракелову приходилось здесь разговаривать. Стоило также заглянуть и в лавочки торгового квартала, присмотреть какие-нибудь сувениры — придется ведь дома отчитываться за командировку... Ну и просто полюбоваться вечерним городом.

Но прежде всего он заглянул в парикмахерскую — щеки и подбородок становились уже подозрительно шершавыми, а этого Аракелов не переносил. Ежемесячная процедура бритья всегда доставляла Аракелову неприятные минуты. Хорошо хоть, длилась она не больше получаса. Он с содроганием думал о предках, которым еще совсем недавно приходилось затрачивать почти столько же времени ежедневно. Наконец медленная пытка в темном и, по мнению Аракелова, душном колпаке подошла к концу. А после массажа он почувствовал себя посвежевшим и чуть ли не помолодевшим.

Расплатившись, он пересек гостиничный холл и совсем уже собрался было выйти на улицу, как почувствовал, что его кто-то догоняет, хотя и сам, пожалуй, не смог бы объяснить, чем выделялись именно эти шаги из всех прочих. Он резко обернулся. Настигавшая его девушка чуть не ткнулась Аракелову в грудь, но вовремя остановилась.

— О-ля-ля, вот это реакция! — восхитилась она. Голос был глубокий, грудной — сочное персиковое контральто, но чуть с хрипотцой, не оперное, а эстрадное. Аракелов терпеть не мог такие голоса. — Вы с русского судна, я не ошиблась?

— Не ошиблись, — озадаченно отозвался Аракелов.

— Я вас помню, — сказала незнакомка. — А вы?

— Нет, — честно сознался Аракелов.

— И неудивительно. Но давайте отойдем куда-нибудь, разговаривать в дверях не слишком уютно.

— Что ж, — сказал он и кивнул в сторону бара, — давайте продолжим разговор там.

К счастью, как и во всех Хилтон-отелях, бар здесь не был подсоединен к единой кредитной системе — в противном случае Аракелов со своей национальной кредитной карточкой, забытой к тому же на «Руслане» (и то сказать, зачем она ему здесь?), имел бы бледный вид. Аракелов осмотрелся, пытаясь выискать среди стандартного хилтон-уюта мало-мальски терпимый уголок. Столик в углу возле огромного, прикрытого легкими, колышащимися жалюзи окна показался ему приемлемым, и он направился туда.

— А теперь я передаю бразды правления вам, — сказал он, придвинув спутнице стул и садясь сам. — Увы, я не разбираюсь ни в местных напитках, ни в местных порядках...

— Их вы здесь и не получите. Здесь все интернациональное — от виски до водки. Кавы тут не предложат.

И тогда он вспомнил. Ну конечно же, именно эта девушка была главной распорядительницей во время церемонии питья кавы в чьей-то загородной резиденции, куда их возили два года назад. Только в тот раз она была в национальном костюме — как он, бишь, называется? — и производила впечатление куда более строгое, гордое и экзотическое, чем сейчас, когда на ней эта суперсовременная и сверхмодная хламида, жуткий гибрид сари, тоги и махровой простыни.

— Узнали? — улыбнулась девушка.

Аракелов кивнул. У столика неслышно вырос поджарый официант в снежно-белом пиджаке.

Девушка произнесла короткую фразу на местном наречии, удивительно напевном благодаря обилию гласных. Официант поклонился, улыбнулся Аракелову (самое удивительное, что улыбка его была не служебной, а искренне дружелюбной) и отошел.

— Что вы ему сказали?

— Что я с другом и мы хотим получить все лучшее, что здесь есть.

«Да,— подумал Аракелов,— вот что значит быть завсегдатаем». Он нигде и никогда не смог бы произнести подобной фразы. Разве что в кают-компании нескольких судов да в институтском буфете... Слова о дружбе он отнес за счет традиционного здешнего гостеприимства, чем-то напоминавшего ему кавказское.

— А теперь, наверное, самое время познакомиться. Держу пари, вы теряетесь в догадках, что мне от вас нужно? — по-английски она говорила тоже как-то напевно, и Аракелов ее хорошо понимал.

— И не ошибаетесь. Я действительно гадаю, какому счастливому случаю я обязан...

Девушка рассмеялась:

— Этот счастливый случай весьма прозаически зовется туангане Тераи. О, простите — господином Хироа, заместителем морского министра. А зовут меня — Папалеаина. Но можно и просто Анна — это мое первое имя. Оно проще для вас, хотя мне совсем не нравится.

— Ну зачем же,— возразил Аракелов,— это совсем просто. Папале... а дальше как?

— ...аина.

— А уменьшительного нет? — взмолился Аракелов. — Например, Папа? Совсем неплохо звучит...

— Тогда уж лучше Аина. Во избежание двусмысленности.

— Но по-английски...

— Зато по-французски это так же, как и на вашем языке, и моя французская кровь возмущается.

— Французская кровь?

— Это длинная история. Впрочем, французского немало во многих из нас...

— Однако по-английски вы говорите превосходно.

— Я училась в Штатах. В МТИ *.

Аракелов присвистнул — однако! В позапрошлом году он принял ее за какую-то сановную особу, а несколько минут назад — за любительницу новых знакомств... И притом она — туангане (черт их знает, здешние степени родства: не то двоюродная сестра, не то племянница...) заместителя министра. И выпускница МТИ. Ну и коктейль!..

— Но все-таки, Аина, чем может быть вам интересен простой советский моряк?

— Братец сказал мне, что вы завтра утром отправляетесь на Фрайди-Айленд. Возьмите меня с собой, простой советский моряк, можно?

«Если об этом просит господин Хироа — почему бы и нет,— подумал Аракелов.— Места на катере — хоть отбавляй...»

— Пожалуйста,— сказал он.

— Спасибо! Понимаете, я рассчитывала на экраноплан, но он ушел на день раньше. Такое случается. А следующего ждать слишком долго, почти неделю.

Рядом с ними опять так же беззвучно возник официант, на этот раз с подносом, которым он легко балансировал на пальцах левой руки. Поднос был уставлен какими-то чашечками, мисочками, плошечками — у Аракелова зарябило в глазах.

— А вы говорили, здесь нет местной кухни...

* МТИ — Массачусетский технологический институт, одно из старейших и наиболее престижных высших учебных заведений США.

— Друзьям Папалеаианы здесь подают всё. Потому что ее друзья — наши друзья, — улыбаясь, сказал официант.

Аракелов чуть не расхохотался. Ай да девица! Похоже, ее тут знают все — от министров до официантов...

Осторожно пробуя поставленное перед ним местное лакомство — на вкус оно больше всего напоминало хвойное желе с брусничным экстрактом, — Аракелов исподтишка рассматривал сотрапезницу. Она была молода и красива, по крайней мере, первыми на ум Аракелову пришли именно эти два до отвращения банальных определения. Потом он понял, что она только кажется очень молодой, даже юной, а на самом деле ей куда больше, может быть, под тридцать. Да и красота ее была какой-то слишком картинной, опереточной. На сцене, на гогеновском полотне она была бы уместна. Даже прекрасна. Но для обычной жизни в ней было чересчур много театрального, слишком резкими были черты и краски лица, слишком искусственной казалась высокая прическа, стилизованная под национальную старину... «Ладно, — подумал он, — посмотрим еще, что ты из себя есть, красавица. Будет день, будет море — они покажут...»

Но первым показал это Амбал.

Амбал был судовым котом «Руслана» — здоровенный рыжий и ражий котяра, итальянский эмигрант. Он полуслепым котенком на расползающихся лапах приковылял к судовому трапу в Генуе, жалобно попискивая от невыносимого напряжения, вскарабкался кое-как на палубу и так и остался на «Руслане». Как удалось ему скрыться от бдительного ока карантинной службы, до сих пор оставалось загадкой для всех, хотя Аракелов и подозревал, что об этом смогли бы рассказать минимум двое — Амбал, если бы смог заговорить, и Альперский, если бы захотел. За год на флотских харчах задохлик, как называли его первое время («Эй, кандей, задохлика-то покормил?..»), вырос и превратился в Амбала. Да и как иначе можно было назвать такого кото-

завра с огромной головой и пронзительными желтыми глазами, который, вихляя бедрами, с хозяйским видом расхаживал повсюду и распахивал все двери, какие только мог,— закрытых помещений он не выносил органически...

Когда Аракелов увидел Амбала в катере, он обомлел.

— Эт-то еще что?

— Амбал, Александр Никитич,— правдиво отвечивал Венька.

— Сам вижу. Откуда?

— С «Руслана».

— Спасибо, Вениамин Палыч, объяснил. А то я бы в жизни не догадался. Как он здесь очутился?

Венька потупился, но тут же вскинул голову.

— А что? Мы с вами на берегу гуляем, а ему только на палубе загорать? Ему, между прочим, тоже поразмяться надо. И общества ему тоже хочется. Он что, рыжий?

Аракелов расхохотался.

— Там же его обыскались!

— А вы их успокойте, Александр Никитич. Они порадуются и на радостях простят...

— Ну и хитрец ты, Вениамин Палыч! Уговорил...

Так вот, едва катер вышел из бухты и стал плавно нырять на пологой океанской зыби, Амбал из рубки, где он блаженно дрых на диване, выбрался в кокпит, подошел к сидевшей там Папалеаиине, потерся ей об ноги и вспрыгнул на колени,— Аракелову стало не по себе от такой фамильярности.

— Шуганите его, Аина,— посоветовал он.

Папалеаиина почесала Амбала за ухом. Тот зажмурился, вывернулся на спину и бесстыдно задрал все четыре лапы вверх, растопылив пальцы и то втягивая, то выпуская когти. Венька восторженно заржал:

— Сразу видно — наш человек, Александр Никитич. Амбал к кому попадая не пойдет. Он в людях получше

нас с вами разбирается. У него для этого локатор специальный есть. Точно говорю — в журнале читал. Хорошую вы пассажирку привели, правильную!

— Ну раз правильную, так сообрази нам чайку. А то нехорошо получается — она меня уже дважды потчевала, а я...

— Момент, Александр Никитич, — отозвался Венька и скрылся.

— Кстати, Аина, — спросил Аракелов, — я ведь даже не знаю, зачем вам на Фрайди-Айленд. Ну мы с Вениамином — понятно, мы там робинзонить собираемся. Да вам господин Хироа говорил, наверное. — Папалеаина кивнула, продолжая гладить и почесывать вконец сомлевшего Амбала. — А вам-то необитаемый остров к чему?

— Необитаемый? — Девушка расхохоталась столь откровенно и заразительно, что Аракелов невольно залюбовался. — Какой же он необитаемый, моряк? Разве братец вам ничего не сказал? Ах склеротик!

Образ улыбчивого господина Хироа как-то не вязался с представлениями Аракелова о склеротиках.

— То есть?

— На Фрайди-Айленде уже год, как ведутся изыскания...

* * *

— Ну, досвистелся, Аль? Что я тебе говорил?

— А что ты мне говорил?

— Что свистеть на борту — не к добру. Вот теперь и будем загорать здесь до одурения.

— А я-то чем виноват, что штиль? Ты с синоптиков спрашивай.

— С синоптиков какой спрос! А вот тебе свистеть не надо было.

— Ох и зануда же ты!

— Ну вот что, ты, свистун, марш к мачте...

— Зачем?

— Я капитан или ты?

— Ну ты... Так и что с того?

— Иди к мате и скреби. Ноготками. Сумел штиль насвистеть, так сумей и ветер наскрести. А' нв наскребешь — оставляю сегодня без выпивки. Своей капитанской властью.

— Ох и зануда же ты, Джайн...

IV

— ...чистое любопытство, мистер Ганшин, и ничего больше. Собственно, я брал интервью у Фараджа Таароа...

Ганшин кивнул: Фарадж Таароа вот уже второе семилетие был президентом Караури.

— ...и тут случайно прослышал, что на Фрайди-Айленде ведутся изыскания, готовится международная стройка. Я запросил справочный отдел фирмы...

— Кстати, мистер Янг, а какую фирму вы, собственно, представляете? — поинтересовался Ганшин. Вчера, когда он вернулся с северного берега, экраноплан давно ушел, журналист спал сном праведника, и выяснять подробности было не у кого. К тому же с этим рейсом Ганшин ждал Анну, а вовсе не этого борзописца и потому был несколько разочарован и зол.

— Ай-би-си*. Послушайте, мистер Ганшин, у вас своеобразная манера общения: сперва вы задаете вопрос, а потом лишаете собеседника всякой возможности связно на него ответить. Это что, национальный характер?

— Индивидуальный, — огрызнулся Ганшин: уел-таки его этот невесть откуда на голову свалившийся писака. И самое обидное — справедливо уел.

* Ай-би-си (IBC) — Международная радиовещательная корпорация (International Broadcasting Corporation).

— Видите ли, мне до сих пор мало приходилось сталкиваться с русскими, и потому мое любопытство естественно. Но вы его полностью удовлетворили. Так вот, в справочном мне сказали, что об этом проекте была лишь скудная информация в специальной печати и протоколах МЭК*. Вот мне и захотелось посмотреть своими глазами, тем более что я оказался поблизости.

— И что же вы рассчитываете увидеть?

— Все, что вы покажете. И главное — услышать все, что расскажете. Насколько я понял, вы — автор проекта?

— Не совсем, мистер Янг. — Ганшину все-таки польстила такая осведомленность представителя международной прессы. — Проект — плод деятельности большой группы, над ним работало несколько институтов. Мне же принадлежит только одна идея...

— Но, как я понимаю, достаточно важная.

— Не мне судить, — сказал Ганшин и тут же пожалел об этих словах — попахивало от них позой и той скромностью, которая хуже гордыни. В конце концов, что скрывать — именно благодаря его идее их изыскательская группа вот уже год торчит на Фрайди-Айленде, именно благодаря его идее этот забытый богом и людьми среди волн морских клочок суши станет через несколько лет сердцем Океании... — Ладно, — сказал он, круто меняя тему, — вы уже позавтракали, мистер Янг?

— Спасибо, позавтракал. И с вашего позволения, не мистер Янг, а просто Орсон. Если вы все время будете именовать меня мистером, я повешусь от тоски.

— Мировая пресса не переживет такой потери, — рассмеялся Ганшин. — Но пока это ей не угрожает, давайте-ка совершим небольшую пешеходную экскурсию. И кстати, можете называть меня просто Николаем.

— По рукам, Ник. А небольшую — это как?

— Километров двадцать.

* МЭК (IPEC) — Международный энергетический комитет (International Power Engineering Committee).

Янг не без удивления посмотрел на Ганшина:

— И вы называете это маленькой экскурсией? Однако... Ну ладно, пошли!

Лагерь располагался на юго-восточной оконечности острова, Ганшин же повел журналиста на северо-запад. Про двадцать километров он, пожалуй, перехватил — хотелось посмотреть, как Янг среагирует. Реакция, признаться, разочаровала: Ганшин ожидал увидеть перед собой законченную жертву урбанизма, а увидел нормального мужика, такого же, как он сам. И слава богу — разговаривать легче будет.

Остров был невелик — в меридиональном направлении он протянулся на шесть километров, а в широтном — на три с половиной. Они пересекли плато («В среднем метров сорок-пятьдесят над уровнем моря», — пояснил Ганшин), поросшее чахлым кустарником.

— Мало влаги, очень мало... Остров, как губка, он весь пронизан подземными пустотами, трещинами, кавернами; вода с поверхности уходит в них, не задерживаясь. Есть лишь один ручеек — там, возле лагеря, вы его видели, Орсон. Из-под земли выходит и под землю уходит... — рассказывал Ганшин во время короткого отдыха с перекурком, который они устроили, усевшись на серые гранитные валуны. Невзирая на сравнительно ранний час, камни успели уже пропитаться солнечным теплом.

— Жарко, — пожаловался Янг. — А мой организм к такому климату плохо приспособлен!

— Так зачем же вы здесь мотаетесь?

— А думаете, меня всегда спрашивают, куда я хочу?

Минут сорок они медленно взбирались по крутому склону, пока не достигли неширокого гребня — высшей точки Фрайди-Айленда.

— Ух ты! — присвистнул Янг. — Как на Луне...

— По фильмам или по личным впечатлениям? — поинтересовался Ганшин.

— Сперва по фильмам, конечно. А потом и самому пришлось побывать. Раз даже проторчал в Тихо-Тауне почти месяц. Прилетел на три дня за материалом для очерка, а тут как раз прошел слух, что кто-то видел УФО * в окрестностях обелиска «Сервейеру-7». А раз уж я был там, меня и попросили задержаться, посмотреть, чем все это кончится.

— И чем? — любопытствовал Ганшин, любопытствовал скорее из вежливости, чем из подлинного интереса: все эти уфологические штучки его никогда не увлекали.

— Ничем, разумеется. Иначе бы вы об этом знали.

Открывавшаяся перед ними котловина, со всех сторон окруженная скалами, и впрямь напоминала лунный цирк. Правда, падай скалы более отвесно, сходство было бы полнее, но такими нюансами, разумеется, можно было пренебречь.

— Это старый, разваленный вулканический кратер, — пояснил Ганшин. — Так называемая кальдера. Я не специалист, но геологи утверждают, что довольно редкая — сравнительно глубокая и, как видите, чистая, без наносов. Форма — почти правильная чаша. В этом и заключается суть моей идеи.

— Простите?..

— Очень просто, — Ганшин присел на камень и закурил. — Вы имеете представление о проблемах орбитальной гелиоэнергетики?

— Я имею представление обо всем, Ник. Не поручусь только, что мои представления всегда соответствуют действительности, — отшутился Янг.

— Все очень просто, — повторил Ганшин. Он помолчал, пуская дым аккуратными сизыми кольцами, потом продолжал: — Теоретически в Приземелье можно смонтировать почти неограниченное количество гелио-

* УФО (UFO) — Unknown Flying Object, неопознанный летающий объект (у нас принято сокращение НЛО).

электростанций. Но для того, чтобы передавать энергию на Землю, их надо разместить на стационарных орбитах, то есть подвесить практически неподвижно по отношению к поверхности планеты. Причем они должны находиться в таких точках орбиты, где период затенения меньше всего. Вдобавок под ними должна быть территория — сухопутная и желательно пустынная, — где можно построить энергоприемник. А таких мест на Земле не слишком много... Вот потому-то мы пока имеем только две орбитальные гелиостанции первого поколения — «Арабеллу» и «Аниту», которые заходят в тень Земли на семьдесят две минуты в сутки. Да и то... «Арабелла» висит над Сейшелами, а уже для «Аниты» пришлось строить энергоприемник на специальном плавучем острове. Ничего не попишешь — Атлантика. До ближайшей суши (есть там такой островок — Южная Георгия) почти тысяча километров... И все остальные оптимальные орбитальные позиции либо над застроенной территорией, а там не развернешься, либо над океаном; значит, опять километровый плот сооружать. Деньги нужны, и деньги немалые. Конечно, мы сейчас стали богаче...

— Что-то я не заметил, — проворчал Янг, но Ганшин не дал сбить себя с мысли.

— И пусть мы сейчас стали богаче, — повторил он, — все равно такое удовольствие нам не по карману. Слишком уж дорогим оказывается этот экологически чистый киловатт... Само собой, со временем все окупится. Но завтра. И даже послезавтра. А сегодня? Как быть сегодня?

— И как же?

— Мы с вами, Орсон, стоим как раз под одной из таких точек на орбите. Через несколько лет в тридцати шести тысячах километров над нами повиснет гелиостанция второго поколения — «Беата». А вот здесь, — Ганшин рукой показал на раскинувшуюся под ними кальдеру, — будет установлен энергоприемник. Понимаете,

один мой приятель был на Фрайди-Айленде лет десять назад и привез слайды. Среди них и этот вид. Снятый ночью, в полнолуние... Пьер так и назвал его: «Лунный пейзаж при полной луне». Красиво, ничего не скажешь. Но забыл бы я об этом начисто, век не вспомнил бы, да когда проектировали «Беату», рассматривали все возможные орбитальные позиции. Между нами говоря, точка над этим островком — не подарок. Придется делать еженедельные коррекции. Но для этого энергии там хоть застрелись; ионные двигатели, слава богу, отработаны; если вдуматься, никаких проблем. Чуть дороже, но пережить можно. Зато здесь...

Ганшин увлекся. Проект уже виделся ему воплощенным в бетон, металл и пластик — похожие на соты решетки энергоприемника, выложенные по отпрофилированным стенкам кальдеры (колоссальная экономия металла и бетона, минимум земляных работ, красота!..), пластиковый купол над ней — огромная белая полусфера, нестерпимо сверкающая в лучах жаркого тропического солнца. Естественный гигантский дневной маяк. А по ночам на его вершине будет загораться другой маяк — лазерный. И на его свет со всех концов Океании пойдут суда-энерговозы. Здесь станут заряжать они алчущие недра своих аккумуляторов и отсюда примутся развозить по всей Океании жизненный сок цивилизации — энергию, дешевые, чистые килоджоули, мегаджоули, гигаджоули... «Все флаги в гости будут к нам, и запируем на просторе!»

— Вон там,— Ганшин обернулся и указал рукой в сторону южного берега, чуть западнее лагеря,— видите бухту?

Янг кивнул:

— Чистый «Таинственный остров». Помните, Залив Акулы, мыс Южной Челюсти...

Ганшину было как-то трудно представить себе Янга читающим Жюль Верна. Разве что в детстве? Впрочем, не в том суть.

— Специалисты утверждают, что в этой естественной гавани смогут загружаться энергией до двенадцати судов одновременно. А сейчас... Смотрите,— Ганшин обвел рукой горизонт.— Пусто! Пусто и тоскливо. Но поверьте, Орсон, все это вмиг переменится, когда сюда придут работяги-энерговозы. Жизнь забудет — жизнь в этом сонном мире тропиков!

— И вы думаете, тропики от этого сильно выиграют? — скептически поинтересовался Янг.— Ладно, ладно, шучу... — поспешил он успокоить вскинувшегося было Ганшина.— Да и все равно будет по-вашему.

— А вам это не слишком нравится?

— Не знаю. Порой мне кажется, что из огнепоклонников люди слишком быстро стали киловаттопоклонниками. Один бог стоит другого... Но скажите, Ник, вам легко удавалось пробивать свой вариант проекта?

— Не всегда... — Ганшин вздохнул.— Ладно, давайте двигаться. Время-то идет.

Они спустились с гребня и зашагали к лагерю.

— Сложнее всего было с необходимостью коррекций «Беаты», — продолжал Ганшин.— Необоснованное, мол, удорожание... Необходимость в постоянных коррекциях... Приходилось доказывать, что дважды два — четыре. В МЭК тоже не все семи пядей во лбу... И сколько бумаг исписать пришлось, чтобы доказать, что копеечное удорожание там, — Ганшин взмахнул рукой, — стократ окупится рублевым удешевлением здесь.— Он сердито швырнул окурок и носком ботинка втер его в землю.— Вот так-то, Орсон...

За обедом он вернулся к этой теме.

— А думаете, здесь все было просто? С местными властями хлопот тоже хватало. Казалось бы, чего еще желать? Ведь это энергия для них; энергораздача будет производиться на их территории — с этого они тоже что-то будут иметь... Гребни себе валюту и радуйся! Так

нет же! Есть тут один великий деятель — министр энергетики и туризма. Каково сочетание, а?

— Естественное, — флегматично отозвался Янг, безрадостно жуя сублимированный бифштекс. — В перспективе — две самые доходные статьи здешней экономики.

— Может быть, может быть, — проворчал неубежденный Ганшин, для которого ставить на одну доску энергетику и туризм было чем-то вроде гибрида термоядерного реактора с мясорубкой. — Но баталии в МЭК были жаркие. И в конце концов мы здесь.

— А кстати, — поинтересовался Янг, — зачем? Ведь, если я вас правильно понял, изыскания уже закончены, и проект утвержден?

— Утвержден-то утвержден, — Ганшин тяжело вздохнул и плеснул себе в стакан кокосового молока из жестянки. — Но по настоянию этого самого тyani-толкая, я имею в виду господина министра энергетики и туризма, пришлось провести дополнительные изыскания. Его, видите ли, смущают пустоты в скальном основании острова, грозящие, по его мнению, просадками... Наши доказательства его не удовлетворили. И вот теперь — новые замеры, новые расчеты, новые доказательства... Слава богу, с этим почти покончено. Еще неделя-другая — и все. Осталось произвести серию пробных взрывов. Сейчас мы устанавливаем по всему острову сейсмографы и угольковые отражатели, в наиболее просадкоопасных точках бурим шурфы. Потом заложим туда заряды габровита, взорвем. Со спутника будут замерены просадки и смещения отражателей с точностью до семи-восьми миллиметров. Надеюсь, это удовлетворит господина министра...

«К счастью, — подумал Ганшин, — не все на Караури настроены так же, как этот тyani-толкай... Есть здесь и такие, как Анна, — настоящие люди XXI века, божьей милостью технари... Куда же она запропастилась, Анна? И главное — когда она теперь может появиться? Следующий экраноплан будет через неделю, не раньше, а

случится ли подходящая оказия — трудно сказать». Да и что легко сказать в этих краях, где транспортом поведуют ветры, а энергетикой — туристы? Ему же, Ганшину, без Анны — как без рук. И не потому вовсе, что, когда она рядом, веселее работает на этой тоскливой скале. И даже не оттого, что она действительно толковая помощница. Главное — она представитель правительства Республики Караури. Может быть, требование дополнительных изысканий родилось лишь потому, что в прошлом году Анны здесь не было. На этот раз такие штучки станут невозможными — как-никак в работах принимал участие не просто местный специалист, а официальный и полномочный инженер-инспектор. Эта формулировка нравилась Ганшину, ибо придавала всему, что делала здесь Анна, оттенок особой значимости.

И потому, когда вечером Анна появилась в лагере, Ганшин даже не сразу заметил, что ее сопровождает целая свита: двое мужчин-европейцев — один немолодой уже, старше Ганшина лет на десять, высоченный и на вид тяжеловесный; другой чуть ли не вдвое моложе, вертлявый, этакий хитрован; третьим был огромный рыжий кот, с ходу по-хозяйски расположившийся в одном из раскладных брезентовых кресел.

— Знакомьтесь, Николя, — хотя разговор велся по-английски, называла Ганшина Анна всегда на французский лад: так ей было привычнее, а англизированное Ник, по ее словам, звучало бы слишком фамильярно... — Я привезла вам подарок. Мои друзья и ваши соотечественники...

Ганшин даже не успел удивиться.

— Аракелов, — протянул руку старший. — Александр Никитич. В этих краях встретить земляка — не ожидал, никак не ожидал... И чертовски рад, право!

— Блюминг, — явно подражая Аракелову, представил себя второй. — Вениамин Палыч. — И тут же, сдавая позиции, добавил: — Можно и просто Веня.

Фамилия настолько не подходила ко всему облику этого щуплого парня, что Ганшин невольно рассмеялся.

— Договорились. Что ж, милости прошу к нашему шалашу. Гостям всегда рады, таким — особенно.

— А это Амбал,— сказала Анна.

Развалившийся в кресле зверь приподнял голову и приветливо крикнул. Ганшин остолбенел было от такой воспитанности, но сообразил, что кот просто среагировал на произнесенное вслух имя. Имечко, однако, подумал Ганшин. Но ничего не скажешь — подходящее... А вообще-то странная компания...

Он познакомил гостей с Грантом и Жюстин Папазянами, французами-сейсмологами; с подрывником Оге Бенгтссеном и геофизиком Карлосом Кортехо; наконец, с журналистом, который больше всего сейчас напоминал делающего стойку сеттера.

— Постойте-ка,— сказал он, пожимая руку Аракелову,— вы случайно не тот самый русский ученый, который расследует дело «Вахине Меа»? И который в сорок пятом брал Душмана?

— Тот самый,— вздохнул Аракелов: отпираться было бесполезно, потому что в здешнем климате расцветала воткнутая в землю водопроводная труба, а новости распространялись, опережая события.— Но комментарий для прессы не будет.

— И не надо,— радостно согласился Янг.— Какие могут быть счеты между своими...

— То есть? — воззрился на него Аракелов.

— Если мне не изменяет память, мистер Аракелов, лет пятнадцать назад вы были избраны пожизненным почетным членом Куктаунского клуба рифкомберов...

Вот так, подумал Аракелов, никогда не знаешь, где и как всплывет твое собственное прошлое! А ведь и впрямь было такое. Только не пятнадцать лет прошло, а почти восемнадцать. Именно тогда нашел он ту веточку «ангельского коралла», которую подарил потом Марийке и которую она носит до сих пор...

— Членом этого клуба является и ваш покорный слуга. И если мы с вами совершим здесь хотя бы пару погружений — не надо никаких комментариев для прессы.

Янг, конечно, кривил душой, но пусть его! Аракелов подумал, что такой компаньон — это не так уж плохо, может, оно даже и к лучшему, веселее будет.

— Договорились, — сказал он. — Это мы устроим. Снаряжения у вас, конечно, нет?

— Конечно, есть, — оскорбленно возразил Янг. — Рифкомбер без намордника, что роза без шипов. Неужели, отправляясь в эти благодатные места, можно не прихватить его с собой?

— Тогда тем более, — улыбнулся Аракелов. — А то я хотел предложить вам свой, у меня с собой несколько комплектов.

— Где? — поинтересовался Ганшин. — И вообще, откуда вы тут взялись? — С этого вопроса следовало бы, конечно, начать, однако лучше поздно, чем никогда.

— На катере. А катер — на якоре. Неподалеку отсюда, в маленькой такой бухточке. Как она называется, Аина?

«Ого, — подумал Ганшин, — как он с ней запросто, вот это я понимаю — сразу же на короткой ноге...» — Он закурил.

— Ко-те-Томонга-о-Рано-Матуа, — отозвалась Папа-леаина. — Если буквально — «место, где высадился Рано-прародитель».

— Вот-вот. И мы тоже там высадились. Место удобное. Умели предки выбирать, ничего не скажешь...

Жюстин предложила гостям поужинать, но они дружно отказались. Отказались они и от предложенного Ганшиным ночлега в одном из свободных надувных домиков.

— И вам хлопоты, — сказал Аракелов, — и нам на катере спокойнее. Место незнакомое, дно неизвестное, как якорь держать будет — одному Нептуну ведомо...

Так что, поболтав о том о сем еще с полчаса, гости покинули лагерь. Остался только всерьез разоспавшийся Амбал. Венька хотел было забрать его, но воспротивилась Папалеаина, взявшая кота под свое покровительство. Заменить его на катере вызвался Янг, которому явно не терпелось выудить что-то у Аракелова...

* * *

«Нет, что ни говори, а это настоящая жизнь... Двенадцать лет вкалывал в этой дурацкой конторе в Аделаиде («Будьте любезны, мистер Блеквуд, рассчитайте, пожалуйста...») — «К утру будет готово, сэр...»). Зато теперь можно делать, чего душа пожелает. Яхта моя, океан передо мной — иду куда хочу, живу где хочу... Кончатся деньги — в любом порту подработать можно. И на ремонт хватит, и на провиант... А на худой конец всегда сумею найти новых спутников. И не без денег. Не то что эти двое. Аль, может, и ничего парень, хоть и тряпка, вертит им Линда, как захочет, но вместе они... Нет! Оставляю их на Тонга. Решено. Любым способом от них избавлюсь. Лучше уж вдвоем с Робертой... Что там, одному — и то лучше... Так что крепись, Джайн, еще месяц, ну месяц с небольшим — и ты от этих свиноедов избавишься. Раз и навсегда. И — на Фиджи. На Фиджи я ведь еще не был... Райские, говорят, места там, на Фиджи...»

▼

Когда Папалеаина подошла к домику, который Ганшин делил с Оге Бенгтссеном, мужчины стояли на пороге, озадаченно разглядывая такие же билеты, как и тот, что лежал у нее в кармане.

— Что бы это могло значить, Николя? — поинтересовалась Папалеаина, усаживаясь на ступеньки крыльца. Жесткий желтый пластик прогрелся на солнце, и сидеть было неприятно. Она тотчас встала. — Ну?

— Это вы меня спрашиваете, Анна? — Ганшин приложил все усилия, чтобы в его словах прозвучали иронические и даже саркастические ноты, но Папалеаина не соизволила их заметить.

— А почему бы и нет?

— Потому что вы каждую свободную минуту возитесь с этими курортниками, вы, а не я.

Курортниками Ганшин окрестил Аракелова с Блюмингом, а позже присовокупил к ним и Янга, который как-то незаметно и органично вошел в аракеловскую команду. Папалеаину — да и не ее одну — такая ганшинская нетерпимость немало забавляла, ибо никаких видимых, серьезных причин для нее не было в помине. Тем не менее едва ли не каждый вечер во время ставших за последние дни традиционными бесед у костра, Ганшин нет-нет да ворчал — про себя, но так, чтобы кто-нибудь из сидящих поблизости мог все же расслышать: «Курортники... бездельники... И чем они только тут занимаются?купаются да рыбачат за казенный счет?..»

Папалеаина вытащила из кармана листок плотной гляцевитой бумаги — явно страничку из маленького карманного блокнота — и снова принялась рассматривать его. Надпись, выполненная по всем канонам каллиграфии, окруженная затейливой, вычерченной легкими острыми движениями пера рамкой, гласила: «Фрайди-Айлендское филармоническое общество имеет честь пригласить Вас на концерт, который состоится нынче ночью на траверзе залива Ко-те-Томонга-о-Рано-Матуа. В программе Первая («Приливная») симфония Сизигия. Исполнитель Селена Перигей. Начало в 01.30. Вход бесплатный. Форма одежды купальная. Секретарь Общества Орсон С. Янг».

— Любопытно... — протянула Папалеаина. — Хотела бы я знать, что они задумали... Вы слышали когда-нибудь о такой симфонии, Николая?

— Никогда. Но я в музыке плохо разбираюсь, так что мое незнание — не критерий. И, признаюсь вам, Анна, не горю желанием узнать. Завтра тяжелый день, и болтаться где-то ночью, чтобы получить сомнительное удовольствие... Благодарю покорно!

— Что ж, дело ваше, Николя. А мне любопытно. Жюстин с Грантом, думаю, тоже. А вы, Оге? К кому присоединитесь — к Николя или к нам?

— Подумаю,— буркнул Бенгтссен, поворачиваясь, чтобы скрыться в прохладе дома. Мужская солидарность явно боролась в нем с естественным любопытством. Папалеаиана улыбнулась.

— Ладно, тогда пойду отдыхать. Если концерт ночной, а день завтра тяжелый — надо поспать сейчас, правда?

Впрочем, поспать ей не удалось. Сперва забежала на минутку Жюстин — пошебетать о странном приглашении. Что могла сказать ей Папалеаиана? Только то, что до вечера не так уж долго, а выжать из аракеловской братии все подробности за ужином окажется, надо полагать, делом не слишком сложным. В крайнем случае — подождем до ночи; в конце концов, сюрприз на то и сюрприз...

Потом она полчаса провозилась с Амбалом. Вот уж кому жизнь на острове пошла не впрок! Трудно сказать, где крылся корень зла: то ли в непривычной обстановке (ведь, по рассказам Аракелова, кот всю жизнь почти не покидал корабельной палубы, разве что в поисках развлечений отправлялся порой на свидания с портовыми кошками), то ли подцепил он, шляясь задворками папаленимского порта, какую-то хворь... Но так или иначе, Амбала было не узнать. Он дичился всех, делая исключение для Аракелова, Вени и самой Папалеаианы, но даже их присутствие он лишь стоически терпел, что было прямо-таки написано на его выразительной морде, утратившей за последние дни бойцовскую наглость и приобретшей скорбное, несчастное выраже-

ние. Он почти не ел, целыми днями лежал, закрыв нос пушистым хвостом, зато по ночам то начинал орать, причем голосом настолько гнусаво-тоскливым, что даже у Папалеаианы, несмотря на все сочувствие к Амбаловым бедам, появлялось нестерпимое желание выплеснуть на него ведро воды, то забивался в какой-нибудь темный угол и сверкал оттуда глазами, а если к нему протягивали руку, шипел, закладывая при этом уши назад таким образом, что голова становилась похожей на огромный рыжий апельсин...

На этот раз Папалеаиане все же удалось заставить Амбала поесть; правильнее было бы сказать — уговорить, потому что изволил он откусать рыбки только после длительных оглаживаний, увещеваний и улющеваний.

Когда же в конце концов Папалеаиана улеглась (Амбал тут же свернулся клубком у нее в ногах), то почувствовала, что сна нет ни в одном глазу. Состояние это было ей не в диковинку, она уже давно подметила за собой странную особенность: чем больше усталость, тем меньше хочется спать. Помнится, лет пять назад, еще в студенческие времена, в тот самый год, когда ей пришлось одновременно писать дипломную работу и сниматься в кино, когда жизнь уплотнилась до предела и, казалось бы, нужно до конца использовать каждую минуту отдыха, она несколько месяцев мучилась жесточайшей бессонницей, и даже старый Здравко Чолич, ее психиатр, ничем не мог ей помочь, тем более что глушить себя снотворными она отказывалась наотрез. Но странное дело: эти месяцы представлялись ей сейчас не адом, а скорее раем. Не потому ли, что ее всю жизнь отличала невероятная, фантастическая жадность? Не к каким-то материальным вещам, к ним она всегда была более или менее равнодушна — настолько, насколько это возможно для молодой и следящей за собой женщины, — а к самой жизни. С детства Папалеаиане хотелось все испробовать, всякое испытать, всюду побывать, везде

успеть... И, прекрасно отдавая себе отчет в недостижимости этого, она тем не менее стремилась насколько возможно приблизиться к своей цели.

Впрочем, жажда жизни естественно сочеталась в ней с полным равнодушием к тому, что уже прожито. Когда Брайн Голдовски пригласил ее сниматься в историческом фильме в роли Папалеаианы I (не подозревая отнюдь, с кем имеет дело, просто найдя подходящий типаж, к тому же тезку и соотечественницу своей героини), она согласилась и без малого год вкладывала в работу на съемках время, силы и душу. И вовсе не потому, что ей лестно было покрасоваться на экранах, нет, хотя и такая перспектива не могла не льстить ее самолюбию. Главное же — она была прямым потомком, пра-пра-пра-пра-пра-пра-правнучкой королевы, и с детства, с молоком матери, со сказками бабушки впитала уверенность, что и сейчас та, древняя Папалеаиана, вернее ее душа, «луамалие», в трудные моменты жизни, в мгновенья выбора покидает далекий остров Пулоту и приходит ей на помощь. Эту веру не смогли выбить из нее даже годы, проведенные в колледже, затем в институте, годы, во всем остальном привившие ей вполне современный рационализм. И ей было интересно попытаться сыграть роль великой королевы, чтобы хоть таким образом отождествиться с ней, проникнуть в ее мысли и чувства, примерить их на себя: а смогла ли бы я?

Но потом, когда «Фея Южных Морей» вышла на экраны, принеся Папалеаиане успех и предложения новых контрактов, она отклонила даже самые заманчивые, отклонила без малейшего колебания и сожаления — эта страница уже перевернута, связывать с Голливудом всю жизнь бессмысленно, впереди новое, не менее захватывающее и влекущее. И она с головой погрузилась в проблемы чистой энергетики, потому что хотя диплом был уже позади, но впереди — магистерская диссертация, а Папалеаиане, как всегда, было жаль тратить

на это положенные два года. Уложились она в год — чего-чего, а упорства ей всегда хватало.

С таким же упорством, с той же полнотой отдачи включилась она и в работу на Фрайди-Айленде. Отчасти потому, что увлекательной была сама по себе задача, техническая ее сторона. Сыграл здесь свою роль и Ганшин, сумевший всех вокруг перезаразить своей фанатической, подвижнической приверженностью делу; временами он казался Папалеаиаине странным гибридом средневекового аскета с современнейшим роботом-андроидом... Главное же — она ощутила здесь начало своего дела. Ведь в проекте «Беаты» было будущее Караури, ее страны, которая, как хорошо сказал однажды Николая, должна стать «энергетическим сердцем Океании»... Когда-то, исполняя свою миссию, свое жизненное предназначение, собирала разрозненные кланы и племена в одно могучее королевство Папалеаиаина I. Теперь пришел черед Анны-Папалеаиаины. Не королевы — инженера, потому что в наш век инженер может порою побольше королей...

И вот сейчас до конца пусть первого, но достаточно важного, во многом решающего этапа осталось уже немного, совсем немного. Через четыре дня по их программе начнет работать спутник, прозвучат первые взрывы. Правда, сделать тоже еще предстоит изрядно: надо собрать десяток уголковых отражателей (из девятисто одного по проекту — в узлах сети со стороны в полкилометра), установить сейсмографы, пробурить последние шурфы, заложить взрывчатку, смонтировать взрыватели... С последним Папалеаиаине, к счастью, не надо было иметь дела, тут безраздельно хозяйничали Бенгтсен и Кортехо. Но в срок они уложатся, в этом Папалеаиаина ни минуты не сомневалась. Уложатся — поручкой тому жесткий, напряженный, изматывающий, но зато идеально ровный и твердый ритм и график работ, отступлений от которого Ганшин не допускал ни на йоту. А значит, все в порядке. Все правильно. Все хорошо.

Так почему же в последние две недели ее не оставляет какая-то смутная неудовлетворенность? Словно жизнь сейчас не насыщена до предела, до необходимой ей меры, когда ни одно новое дело, ни одну мысль, ни одно впечатление втиснуть в те двадцать четыре часа, что длятся сутки, уже абсолютно невозможно... Пожалуй, началось это с прибытия на остров Аракелова.

На второй день после появления на Фрайди-Айленде Аракелов добровольно взвалил на себя обязанности повара, стюарда и вообще хранителя домашнего очага — обязанности, до сих пор лежавшие на узеньких плечиках Жюстин. Скептически оглядев лагерное хозяйство, Аракелов резюмировал:

— Да, цивилизованный нынче робинзон пошел — жуть! И не надоели вам еще консервы да сублимированные бифштексы, а?

А вечером, когда все вернулись с работ, он уже жарил над припорошенными сизоватым пеплом угольями прогоревшего костра нанизанные на прутики кусочки, которые Ганшин по простоте душевной принял было за шашлык. Правда, шашлык этот, к великому ганшинскому разочарованию, оказался рыбным — и то сказать, откуда Аракелову при всех его талантах добыть на острове мясо? Но как бы это блюдо ни называлось, несомненно было одно: политые лимонным соком, обрумяненные до хрусткой, золотистой корочки кусочки рыбьей плоти так и таяли во рту. Папалеаина и не подозревала, что настолько проголодалась за день... И вообще, что говорить, если даже Ганшин, сам схимник Ганшин, ничтоже сумняшеся слопал три порции и, наверное, потянулся бы за четвертой, не поинтересуясь кто-то как раз в этот момент, что за рыба обладает столь отменным вкусом. Аракелов, заваривая чай, пояснил: «Балычок молодой акулы. Акулы-няньки». На лице у Ганшина появилось выражение странной задумчивости, и через минуту-другую он, не сказав ни слова, тихонько

исчез, словно растворился в сгущенной светом костра ночной тьме.

А потом было феерически-нескончаемое чаепитие; Папалеаина не могла понять, как можно столько пить, в чем тут фокус — то ли в естественной после солоноватой рыбы жажде, то ли в каком-то новом аракеловском кулинарном фокусе. Да и вообще, воспитанная на растворимом гранулированном «липтоне», она даже не подозревала, что чай может быть столь ароматен, терпок, вкусен и даже красив... И под нескончаемое чаепитие это завязался разговор, и вскоре Аракелов уже распевал невесть откуда прорезавшимся мощным и хриплым баритоном старинные матросские шанти. Вдруг выяснилось, что Жюстин, тихоня Жюстин — великий знаток французской поэзии от Вийона до Верлена, а Кортехо, технарь до мозга костей и абсолютный сухарь по давно уже устоявшемуся общему мнению, с помощью Бенгтссена и Янга разыгрывал пантомимы, неизменно порождавшие гомерический хохот... Традиция вечерних чаепитий мгновенно пустила корни, и оказалось вдруг, что именно чего-то такого им всем и не хватало, и за чашкой чаю то Аракелов повествовал о тайне «Марии Целесты» (тема совсем не удивительная, если вспомнить, зачем он оказался здесь) или раскопках безымянного пока затонувшего города на Иберийском шельфе, в которых случилось ему когда-то принимать участие; то сама Папалеаина по общему настоянию рассказывала древние караурские предания. Говорить приходилось замедленно, чтобы успеть не только перевести на английский сам текст, но и придать переводу хоть маломальское сходство с поэтикой и стилем караурских сказаний. Однажды очередь дошла до мифа о битве Увоке, бога вулканов, с богом молнии Макемаке.

— «...Земля эта раньше была большой страной, очень большой страной.

И Хоту Хуофа спросил:

— Скажи, а почему она стала маленькой, такой маленькой?

Нгата Ратаваке ответил:

— Так сделал Увоке. Он опустил свой посох на эту землю, и раскололась земля. Поднялись волны, и страна стала маленькой, в ней стало много маленьких островов. А раньше была большая земля. Она раскололась под посохом Увоке.

— Зачем так сделал Увоке? — снова спросил Хоту Хуофа.

— Он прогневался на людей, — отвечал юноша Нгата Ратаваке. — И хотел совсем лишить их земли. Но его посох сломался о гору Килау-Кеа.

— Друг, — сказал Хоту Хуофа. — Это сделала не гора Килау-Кеа. Это сделала молния бога Макемаке. Макемаке не хотел, чтобы Увоке уничтожил всю землю, и молнией разбил его посох.

— Да, — согласился юный Нгата Ратаваке. — Это сделал Макемаке. Но тогда Увоке взял свою боевую раковину и дунул. И вопль раковины был так страшен, что Макемаке и все его младшие боги бежали. Крик раковины был так страшен, что испугался даже сам Увоке. Он уронил раковину и тоже убежал. Так кончилась война между Увоке и Макемаке».

Рассказывая, Папалеаиaina обратила внимание, с каким интересом слушал ее Аракелов. Слушали все, но он как-то особенно.

— Вы не могли бы повторить, Аина? — попросил он, когда все стали расходиться. — Я хотел бы записать эту легенду, если можно...

— Вы собираете фольклор?

— Не совсем... Но эта легенда меня заинтересовала, и если вы не возражаете...

— Сколько угодно. Только ведь в ней нет ничего особенного, есть другие, интереснее, живее, и я с удовольствием расскажу их вам, моряк.

— Спасибо, Аина, при случае я непременно напомню вам об этом. А сейчас...

И Папалеаина еще раз повторила легенду, глядя на угасающий костер, по угольям которого пробегали последние маленькие и острые язычки пламени.

— Еще раз спасибо, Аина,— сказал Аракелов, выключая магнитофон.— Значит, это сделал Увоке...

— Что? — не поняла Папалеаина.

— Это я так, про себя...

Станный все-таки человек Аракелов. С одной стороны, начисто лишенный маниакальной ганшинской цельности, способный казаться то великовозрастным мальчишкой-сорванцом, то таким университетским профессором, то старым морским волком, но за всем этим крылось то внутреннее единство, которое Папалеаина научилась уже распознавать в людях и которое ценила превыше всего. О своей миссии Аракелов рассказывал мало и неохотно, не скрывая, что бродит покуда в потемках. Однажды он так и сказал, отвечая на настойчивые расспросы Кортехо:

— Я сейчас вроде негритенка Джима, который в безлунную полночь искал черную кошку в старой угольной шахте.

Потом Ганшин отозвал Аракелова, и Папалеаина невольно подслушала их разговор. Она поняла не все,— беседовали они по-русски,— но общий смысл был достаточно ясен; в конце концов не зря же она четыре месяца кряду изо дня в день имела дело с Николя...

— Вам не кажется, Александр Никитич, что не стоит выставять себя в таком невыгодном свете? Ведь все-таки здесь международная группа... Анна — представитель правительства Караури к тому же. Не роняете ли вы в их глазах престиж советской науки? Несерьезно это, право, несерьезно.

— Врать не приучен, а правду говорить — так и сказать пока нечего. В такой ситуации посмеяться над собой — значит лишиться этой возможности других.

— Не знаю, Александр Никитич, не знаю... По-моему, даже о трудностях можно было бы сказать, ну, повеселее, что ли, посолиднее. Ведь вы...

— Да знаю я,— перебил Аракелов.— Ей-богу, знаю, Николай Иванович. И самому мне достаточно тошно от этого. Каникулы на Караури — думаете, нужны мне эти каникулы?! Но раз уж я здесь, буду пытаться до конца. И говорить об этом все как есть. Не умею я делать хорошую мину при плохой игре...

Папалеаиана не знала, что и думать. Было обидно, что задача — и задача для ее родины немаловажная — оказалась порученной человеку, который, судя по всему, с ней не совладеет. А с другой стороны, подспудно верилось, что все ж таки совладеет: было в Аракелове нечто внушающее уверенность...

Однако порой ее охватывало сомнение: так ли уж она права в своих ощущениях? Вместо того, чтобы заниматься делом, Аракелов устраивает всякие увеселения, чудит — ведь, конечно же, именно он, а не Янг придумал этот странный ночной концерт. Что за очередная затея?

Папалеаиана протянула руку к тумбочке, еще раз повертела перед глазами билет: «Фрайди-Айлендское филармоническое общество имеет честь пригласить Вас...»

Что ж, раз приглашают — пойдем.

* * *

«Ну погоди у меня, Джайн! Я не я буду, если ты не попляшешь, да как попляшешь! Дай только до Тонга добраться. А уж там будь спок. Зря, что ли, я подрывником на Трансавстралии работал? Нет, дружок, не зря, ох, как не зря... Думаешь, ты без конца надо мной измываться будешь? Безнаказанно, думаешь? Мачту тебе скреби... Лапы у якоря точи... Хватит! Вот доберемся до Тонга — и все. Первую петардочку я тебе в магнитофон засуну. Аккуратненько так засуну, красивенько,

комар носу не подточит. Очаровательный концерт получится... От такого концерта удовольствие не скоро забудешь... Ни ты, ни я. Жаль только, не увидеть мне тебя в тот момент... А второй заряд под баллер руля. Ювелирненько сделаю — не переборщить чтоб. Я тебя топить не хочу, греха на душу брать не стану. А вот без руля ты у меня поболтаешься — пока еще на твой SOS кто откликнется. Будешь тогда меня вспоминать. Поймешь, может, что над людьми измываться — тоже меру знать надо. Может, это тебя вежливости научит, господин капитан, король яхтсменов...»

VI

Янгупонадобилось сделать три рейса, чтобы на крохотной надувной «ладожке» перевезти гостей на катер. Лодчонка была двухместная, и когда в последний заход они оказались в ней вдвоем — вместе с Папалеаианой и Жюстин, то, хотя в пассажирках было от силы килограммов сто на двоих, вода едва не переплескивала через баллоны. Благо еще залив распластался, словно отутюженный тяжелым серебром полной луны... Аракелов, стоя на корме катера и чуть придерживаясь за леер, помогал гостям взбираться на борт, а потом спрыгивать в кокпит. Там сразу стало тесно, и Блюминг увел Папаязов и Кортехо в салон, а сам юркнул в рубку и уже оттуда спросил:

— Двинулись, Александр Никитич?

Аракелов, закреплявший буксирный конец лодки на кнехте, выпрямился:

— Давай, Веня, на малых...

Легко преодолевая встречное течение начинающегося прилива, катер даже на малых оборотах быстро — всего за каких-нибудь минут двадцать — двадцать пять — достиг выхода из бухты. Врезанные в темноту тропического неба, мерцающие под луной контуры скалистых мысов с запада и востока отступили назад и слились с конту-

ром острова. Янг внимательно смотрел на берег: когда вершина западного мыса окажется в створе с двугорбым выступом на гребне кальдеры — значит, они достигли места. Еще минут пять... Янг вылез из кокпита на палубу, прошел на нос катера и в ту самую минуту, когда он встал прямо над вскипающим у форштевня белым буром, Аракелов скомандовал:

— Стоп! Орсон, якорь!

Янг сбросил за борт блестящий, на вид несерьезный, игрушечный, но вместе с тем ощутимо увесистый для катерного — килограммов восемь, не меньше — якорь Горбунова. Одновременно левой рукой он снял со стопора якорь-шпиль. За бортом плеснуло, несколько брызг попали ему в лицо; трос с текучим потрескиванием, особенно слышным сейчас, в наступившей после выключения двигателя тишине, нарушаемой лишь мягким хлопанием мелкой зыби под бортом, сматывался с барабана и уходил в воду. Прилив неторопливо влек катер к берегу. Потом легкий рывок — якорь взял дно. Янг застопорил лебедку и вернулся в кокпит. Там уже распорядился Аракелов.

— Итак, леди и джентльмены, прошу приготовиться к погружению. Снаряжение в каюте — Веня, раздай, пожалуйста, и помоги подогнать. В воду идем вместе, на катере никого не должно остаться минут через... — он посмотрел на часы, — двадцать, не больше. Нырять умеют все. Но береженого, как говорится, бог бережет. А потому я боюсь Аину и Жюстин, ты, Веня, возьми на себя Гранта, а вы, Орсон, пригляните за Карлосом. Возражений нет?

— Возражений-то нет, — негромко протянул Кортес. — Зато есть вопросы.

— На вопросы мы отвечать будем потом.

— Кто это мы?

— Мы — это мы. — Аракелов довольно ухмыльнулся. — Мистер Янг, товарищ Блюминг и ваш покорный слуга. Фрайди-Айлендское филармоническое общество.

— Оставь их, Карлос,— вмешалась Жюстин.— Ты ж видишь, они решили молчать до последнего.

Кортехо с комическим видом развел руками и стал примерять подводную амуницию. С носа донеслись звуки лебедочной трещотки: прилив набирал силу, автомат почуял нагрузку и стравил еще несколько саженей * якорного троса.

— И долго продлится ваш концерт? — спросила Папалеаина.

— Как сказать? — пожал плечами Янг.— Часа полтора примерно.

— А потому, Аина, натритесь-ка термофлексом,— вставил Аракелов.— Вода здесь, конечно, теплая, но...

— Слушайте, моряк,— Папалеаина частенько именвала Аракелова таким образом, явно поддразнивая и словно не видя, как он при этом каждый раз поеживается; такие оттенки взаимоотношений всегда разжигали любопытство Янга, и он поклялся себе, что рано или поздно докопается, в чем тут дело.— Слушайте, моряк, я все-таки родилась здесь. И еще в детстве плавала с Центрального Караури на Капа-Кауа, а это двадцать восемь миль, между прочим. Так что...

— Воля ваша, Аина,— Аракелов никак не хотел сдаваться, и Янг не мог взять в толк, что им движет: упрямство или профессиональный педантизм,— но лучше бы вы все-таки натерлись. Тем более что плыть — это одно, а просто висеть под водой... И мне спокойней будет.

— Что с вами сделаешь,— вздохнула Папалеаина.— Повинуюсь, мой капитан.

— Вот-вот, так оно лучше будет,— кивнул Аракелов.— Там Веня в каюте термофлекс раздаст, давайте.

Папалеаина, пригнувшись, шагнула в салон. Аракелов с Янгом остались в кокпите вдвоем.

— Ну что, Алекс? — негромко спросил Янг.— Пора? Аракелов снова взглянул на часы:

* Морская сажень равна 185,2 сантиметра.

— Да. Минут пять еще есть в запасе. Но не больше. Вы что-нибудь чувствуете?

— Тоскливо делается.

Аракелов прислушался к себе.

— Пожалуй... Под разговор-то и незаметно. Ну давайте.

Янг заглянул в каюту:

— Пора, друзья мои. Третий звонок.

Черная, негостеприимная, когда смотришь с палубы, вода приняла тело нежно и ласково. Янг нырнул, сделал несколько резких движений: фильтр «намордника» работал прекрасно, кислорода хватало. Тогда он всплыл и, придерживаясь рукой за скобу трапа, стал подстраховывать остальных. Женщины скользнули в воду красиво, без всплеска; Янг не удержался и одобрительно поднял руку с выставленным большим пальцем. Грант осторожно и аккуратно спускался по трапу, пока вода не сомкнулась над головой. За ним неуклюже бултыхнулся Кортехо, взметнув фонтан брызг. Последними прыгнули Аракелов и Блюминг. Когда все оказались в сборе, Аракелов включил фонарь и нырнул. Остальные последовали его примеру.

Янг держался чуть позади, так сказать, в арьергарде. Плыть было легко — балластный пояс подогнан удачно, а такая глубина не может доставить неудобств даже новичкам вроде порученного его заботам Кортехо. Янг несколькими сильными толчками ластов догнал Карлоса, легонько похлопал по плечу и указал — вперед.

Наконец они добрались до нужного места. Дно здесь поднималось крутым горбом, похожим на панцирь гигантской черепахи. Диаметр горба достигал добрых сорока метров. Этакий холм, подошва которого уходила вниз саженей на двадцать, а вершина не достигала поверхности на какой-нибудь пяток метров. Янг считал себя опытным рифкомбером, и это действительно было так, но в который уже раз за последние дни он поди-

вился аракеловской интуиции: в абсолютной темноте, которую лучи фонарей разгоняли всего на пять-шесть метров, Аракелов на одном чутье вывел их точно в нужное место, вывел не петляя, без спирального поиска, самым прямым, кратчайшим путем. Вот это класс!..

Янг и Блюминг помогли всей компании расположиться на склоне подводного холма. Это было непросто: сидеть под водой — целая наука, а просто висеть не давало приливное течение, все сильнее увлекавшее в сторону берега. Приходилось пристраиваться в самых разнообразных позах, держась за камни, которые здесь, к счастью, были почти чистыми, не обросшими водорослями, и потому давали надежную опору рукам.

Янг посмотрел на часы. Вроде бы самое время. И тут же Аракелов, осветив себя фонарем, поднял руку, призывая ко вниманию. Янг удобно заклинился в щели между двумя валунами. Он уже испытал это вчера ночью и сейчас знал, чего ждать, знал, как это будет; но именно потому весь напрягся в предвкушении, с одной стороны, того чуда, которое будет явлено им сейчас, а с другой — впечатления, которое произведет оно на Папазянов, Кортехо и Папалеанину.

В посвистывание, чириканье, чечеточный перестук, шипенье — обычный шумовой фон морской жизни — вплелся вдруг новый звук. Янг ждал его, но все равно он пришел внезапно, пришел, казалось, со всех сторон одновременно. И хотя Янг прекрасно знал, что под водой человек не может определить направление на источник звука, эффект все равно был ошеломляющий. Словно какой-то свифтовский великан протяжно и тоскливо вздохнул, нет, не вздохнул, а взяв гигантскую трубу, дунул — но не просто так, резвясь, от нечего делать, а примериваясь, ласково и умело; так первое, пробное прикосновение смычка к струне становится порой предвестием вдохновенного исполнения... Звук ширился, множился, рос — теперь уже не великан, пусть даже самый

невероятно огромный, а, казалось, вся темная, невидимая там, вдали, махина острова пробудилась и, ликуя от полноты сил и ощущения жизни, издавала страстный, трубный, насыщенный потаенной вибрацией клич. Его нельзя было просто слушать и слышать — он пронизывал насквозь, с ним в унисон начинал вибрировать весь организм, все тело, и Янг ощутил, что растворяется в этих волнах звука, медленных и торжественных, тягучих, но не вялых, а мощно-мажорных. Это была песня жизни, но жизни иной, с другим размахом и темпом, с иным пространством и временем. Так мог бы петь Океан, так могла бы петь Земля, будь они едиными живыми существами, для которых нет расстояний и даже вечность — мгновенна. И сам Янг ощутил себя таким вот существом, непередаваемо огромным и древним, посылающим сквозь бездны свой зов и не ждущим ответа, потому что любое ожидание бессмысленно для него, ибо, сколь бы длительным оно ни было, оно конечно, он же вечен, вечен как Вселенная, и даже если Вселенной не станет, он пребудет всегда, трагически одинокий, но непобедимый и неусмиренный, и будет слать и слать свой зов, и рано или поздно на зов этот откликнется Тот, Та или То, к кому он обращен... И ожидание ответа томило, хотя еще мгновение назад Янг ни за что не поверил бы, что так мучительно может давить нескончаемое одиночество, и, когда терпеть оказалось уже невмочь, когда, сочась кровью, стала рваться душа, ответ вдруг пришел, он родился в глубинах, самых потаенных недрах собственного его существа — родился вместе с новым звуком, захлестнувшим и поглотившим его без остатка. И так прекрасен, так манящ был этот звук, что хотелось идти и идти ему навстречу, и он плыл, плыл сквозь звездную россыпь, сквозь космические бездны, а звук уходил, он истончался и таял, пока не исчез совсем, и тогда Янг ощутил бархатистую прохладу воды и шероховатую поверхность камня, вдавившегося в бок.

Наваждение кончилось. Сирены умолкли.

Янг медленно приходил в себя.

И это — во второй раз. А каково тем, кто испытал такое впервые? Впрочем, вчера для него это тоже было впервые. И какая, в конце концов, разница, впервые ли, нет ли. Важно — чтобы не в последний раз. Чтобы испытать это еще и еще...

Янг поднес руку к глазам и всмотрелся в светящиеся цифры на часовом дисплее. С ума сойти! Прошло без малого два часа... Он легко оттолкнулся от камня, подвсплыл приблизительно на метр и завис, включив фонарь, — в конусе света блеснула пестрой чешуей и, вильнув, исчезла в темноте небольшая, в ладонь, рыбка. Янг неподвижно замер и вгляделся в дно, выбрав ориентиром три лежащих в ряд камешка. Его не сносило, лишь чуть-чуть поводило то в одну, то в другую сторону — значит, прилив кончился. Янг подплыл к Аракелову, и они обменялись несколькими словами на ватерлинге — международном жаргоне рифкомберов, упрощенном и модернизированном варианте языка глухонемых. Тем временем вокруг собрались все остальные. Аракелов жестом предложил следовать за собой и, сильно оттолкнувшись ластами, поплыл вперед. Янг, как и по дороге сюда, пристроился замыкающим.

На катере все собрались в салоне, торопливо вытираясь и одеваясь, — и то сказать, после трехчасовой подводной экскурсии даже Янгу было отнюдь не жарко. И это невзирая на термофлекс... Молодец Алекс, что настоял на своем! Аракелов успел привести себя в порядок первым и теперь достал из шкафчика объемистую шестигранную бутылку, стаканы, плеснул на полтора пальца в каждый, роздал. Янг дорого дал бы за рецепт этого магического напитка, который за последнюю неделю ему дважды пришлось отведать. Однако Аракелов героически отражал прямые атаки и на удивление ловко обходил всяческие ловушки, хотя по этой части Янг не без основания считал себя мастером. Секрет фирмы,

мол, и все тут... Янг мелкими глотками прихлебывал темную, напоминающую вкусом старый арманьяк, но, несомненно, безалкогольную жидкость. Внутри медленно разливалось приятное сонное тепло.

Первым нарушил молчание Блюминг:

— Заводить, Александр Никитич?

Аракелов кивнул, и тот исчез в рубке. Фыркнув, завелся двигатель, в его мерном рокоте почти утонул ноющий звук якорь-шпиля. Янг вздохнул, но дисциплинированно отправился на нос — принимать и убирать якорь. Когда он покончил с этим делом и вернулся в каюту, там все еще царило молчание. Наконец Жюстин решилась и повернулась к Аракелову:

— Что это было? Как вы это сделали?

Аракелов рассмеялся.

— Мы этого не делали. И не смогли бы сделать при всем желании.

— Но тогда кто же...

— Никто. Или, если хотите, что. Природа. Мы только называли это... Точнее, собственно, назвал Орсон. Нептунова Арфа.

— Нептунова Арфа,— задумчиво повторила Папалеаина.— Здесь Эолова, там — Нептунова, да?

— Именно так,— коротко кивнул Янг.

— Значит, море... море...

Она подошла к Аракелову, поднялась на цыпочки и быстро поцеловала.

— Спасибо, моряк, вы даже не представляете себе, как это было...— Она резко махнула рукой.— Спасибо!

Прежде, чем Аракелов успел сказать хоть слово, она повернулась к Янгу, чмокнула в щеку:

— И вам, Орсон, спасибо. Какие вы молодцы, ребята, какие вы все трое молодцы...— и выскользнула из каюты в кокпит.

Аракелов озадаченно посмотрел на захлопнувшуюся дверь, но последовать за Папалеаиной явно не ре-

шился. Пуританин, подумал Янг. Всем бы хорош, но пуританин... Впрочем, это его дело. Зато от Папалеанины такого всплеска эмоций Янг никак не ожидал. Скорее это подошло бы Жюстин. Досадно: выходит, он неверно оценил ее характер... Для матерого журналиста, каким был Янг, непростительно. Впрочем, утешил он себя, в главном ошибки не было — Нептунова Арфа произвела впечатление. Вкусный материал, черт побери, из него такое можно сделать... Тянет на хороший цикл передач...

* * *

«Господи, до чего они все мне надоели! Расписывали-то как — свобода, мол, океан, пассат, восходы, летучие рыбы... А что мне эти летучие рыбы? Потрошить их да жарить для этих скотов? Чтобы руки — в чешуе да в слизи? Ну уж дудки, хватит с меня. Дня нет, чтобы не поругались. Дня нет, чтоб лечь на сухие простыни — сырость, сырость, сырость... К черту все! Если им это нравится — их дело. А с меня хватит! Ноги моей больше на их паршивой яхте не будет, как только придем в ближайший порт. Если Алю по душе, чтоб им дальше так помыкали — пусть остается. Я и без него проживу. Не пропаду. До него не пропала, так уж теперь и по-давно. А если у него хоть чуть-чуть мозги варят, и он сбежит. Вернемся в Аделаиду, там жизнь человеческая. Работает — так за деньги. Домой возвращаешься — так действительно домой. Сухо, уютно, телевизор включить можно, в дискотеку сходить, в бар... Хочет, пусть со мной возвращается, хочет — пусть остается, а я в эти игры больше не играю».

VII

Не без некоторого самодовольства Аракелов окинул взглядом поле боя; сегодня он хотел превзойти самого себя, и это, похоже, удавалось.

В большом закопченном котле, подвешенном над костром, томился суп из акульих плавников, заправленный содержимым чернильного мешка осьминога. Долетавший оттуда аромат будоражил гастрономическое воображение, и Аракелов удовлетворенно улыбнулся. Салат из *frutti di mare** оставалось только заправить митихаари — кокосовым соусом, искусству приготовления которого научила его Папалеаиаина. Ну а гвоздем программы был, без сомнения, все тот же многострадальный осьминог, сдуру подвернувшийся вчера под гарпун Янга. Утром Венька добрых два часа отбивал его упругое, резинистое тело, доводя до должной кондиции, — процедура, требующая не только искусства, но и серьезной физической подготовки. Подняв туловище моллюска на вытянутых руках — безвольные щупальца свисали Веньке чуть не до пояса, — парень с надсадным мясницким «хаканьем» швырял спрута оземь, следя за тем, чтобы щупальца распластывались и шмякались на камни с сочным, глухим шлепком. Со стороны это выглядело весьма эффектно: казалось, Венька не то отправляет загадочный мистический обряд, не то исполняет модернистский танец... А сейчас, сваренный, освежеванный и завернутый в фольгу, неудачливый головоног медленно запекался в земле под костром. Еще немного — и его пора будет извлечь оттуда, чтобы разместить на блюде, которое по здешней робинзонской убогости с успехом заменит дюралева крышка кормового лючка, разместить, уложив на свитые аккуратненькими коническими пружинками щупальца, наконец, полить его спиртом, поджечь и таким фантастическим светильником поднести гостям...

Да, пожалуй, и в самом деле все хорошо. Да так и должно быть. Ведь сегодня прощальный ужин. Миссия Аракелова завершена. И сегодняшнее пиршество озна-

* *Frutti di mare* (итал.) — дары моря, смесь различных съедобных моллюсков, водорослей и т. д.

чает конец каникул на Караури, означает расставание. Расставаний Аракелов не любил. Но именно потому стремился всегда обставлять их елико возможно праздничнее, чтобы витийством и шутейством скрасить, приглушить внутреннюю горечь.

Из ближнего домика вышел Янг и, приветственно махнув рукой, направился к Аракелову.

— Как поработалось?

— Отлично, Алек, отлично,— жизнерадостно откликнулся журналист. Мимоходом он почесал за ухом Амбала, возлежавшего на куче до соломенного хруста высушенных солнцем водорослей; тот не шевельнулся, даже глаз не приоткрыл, шельмец.— Попозже, к вечеру, я прокручу вам, Алек, что у меня получилось. Две полчасовки. Разумеется, без вашей санкции, Алек, я ничего в эфир не пушу — не беспокойтесь...

— Я и не беспокоюсь,— заметил Аракелов.— С чего бы?

— Одна беда: я запись Арфы дал, минут на пять, приблизительно, точно еще не хронометрировал, так вот, не звучит она. То есть звучит, конечно, но не то. Не так, как там, под водой...

— Естественно,— Аракелов кивнул.— Как же иначе? Они помолчали.

— А Бен где? — поинтересовался Янг.

— Веня-то? Я его за плавником послал. А то вечером костер не получится. Что было, мы за день извели.— Аракелов махнул рукой в сторону своей импровизированной кухни.

Янг потянул носом воздух:

— Вы, я вижу, сегодня в ударе.

— Надо.

— Понимаю. Завтра мы снова уходим в бескрайнее море, как сказал кто-то из классиков. Или почти так.

— Точно. Могу подбросить и вас. Уходим с рас-

светом. И к вечеру будем в Папалениме. А то вы здесь оказии ждать можете еще черт знает сколько. На прошлой-то неделе экраноплан так и не пришел. Рейсовый называется...

— Спасибо, Алек. Очень может быть, я воспользуюсь вашей любезностью.

— И чудненько.

Скажи в тот момент кто-нибудь Аракелову, что сутки спустя он все еще будет торчать здесь, на Фрайди-Айленде, в то время как Орсон, прибыв на его, аракеловском, катере, станет без устали мотаться по самым что ни на есть неожиданным местам в Папалениме,— он бы не поверил. Ни за что не поверил. И от души посмеялся бы над подобным предположением... Впрочем, все это случилось уже позже. Вечером, или, точнее, почти ночью. А пока — пока начали возвращаться с работы ганшинские изыскатели; вслед за ними появился и Венька — катер, стеля по воде едкий дымок дизельного выхлопа, развернулся и бросил якорь у самого берега. Все мужское население острова, даже Ганшин, которому возня эта была явно не по душе, отправилось перетаскивать наверх, к костровой площадке, привезенный Венькой плавник. Было его в избытке: десятка полтора досок, какие-то палки, сохранившие еще следы полировки и лакировки, и цельная лючина с каботажной шхуны, которой, похоже, крепко досталось в здешних (или нездешних?) водах. Но так или иначе, а это были почти четыре квадратных метра добротных, смоленых двухдюймовых досок — сущий клад! Не только на сегодняшний костер хватит, но и на тот, что зажжется на острове завтра или послезавтра, словом, тогда, когда Аракелова тут уже не будет...

Потом Аракелов с помощью Папалеаианы и Жюстин закончил последние приготовления, и начался пир горой, праздник желудка, Лукулл обедает у Лукулла... В рекордный, даже выдавшего виды Аракелова поразивший срок все было съедено...

Потом пели песни — несусветную мешанину языков и мелодий, вавилонский концерт, от которого даже Амбал, сам великий мастак по части мартовских арий, одурел и удалился, гордо неся задранный к небесам хвост... Наконец, приустав несколько, уселись чаевничать.

Вот тут-то Папалеаина и Жюстин и взяли Аракелова в клещи. Усевшись по обе стороны и умильно заглядывая ему в лицо смеющимися глазами, они потребовали подробностей об Арфе, да так, чтобы ничего он, Аракелов, не упустил, чтобы интересно было и дух захватывало... Аракелов не мог устоять, оно и ни к чему было — послезавтра так или иначе придется отчитываться в Папалениме, а там и на «Руслане». Так почему бы не порепетировать, чтобы и потом получалось эффектно? Любил Аракелов эффекты, любил, что греха таить...

И он пустился рассказывать с самого начала, извинившись, что может повториться где-то, потому как расспрашивали они его уже об этой «операции Кракатук». Он — как мог коротко, хотя в несколько слов все равно не укладывалось, хоть убей — напомнил историю «Вахине Меа», и перед глазами его опять встал тот солнечный денек, пологая, длинная, зеленая волна и шхуна, пишущая круги под зарифленными, слишком непонятно для такой погоды зарифленными парусами... Вспомнил он и про архивные изыскания, коими они с доктором Фарвелем занимались в Папалениме, и про то, как наткнулся он — случайно, по сути дела, — на «аракеловский клин», и как наблюдение это забросило его сюда, на Фрайди-Айленд, подарив попутно знакомство с Папалеаиной, а потом и со всеми остальными. И что без них, без остальных этих ничего бы у него, Аракелова, не получилось, сказал он. Ибо едва ли не каждый из них, вольно или невольно, давал ему какую-то ниточку, какую-то мысль, какое-то новое направление поиска, каждый, включая даже Амбала.

— И за это спасибо тебе, Вениамин Палыч, хоть и достанется тебе на «Руслане» за умыкновение кота, ох, достанется, и выгораживать я тебя не буду, не надейся, но сейчас — спасибо!

— А кот-то при чем? — перебил Аракелова Ганшин.— Шутить изволите, Александр Никитич?

— Ни в коей мере, Николай Иванович,— категорически возразил Аракелов.— И никоим образом, но об этом речь впереди. А пока...

А пока Аракелов рассказывал, как первые два дня они беспечно шныряли на катере вокруг острова, заглянув на Биг-Бэзис и Литл-Бэзис. Больше всего смущало тогда Аракелова присутствие Янга, опасался он впросак попасть, да и адмиральского эффекта побаивался... Поймав вопросительный взгляд Кортехо, он пояснил:

— Лет сто, если не полтораста, назад было замечено, что, если даже царит на корабле полнейший порядок, стоит явиться на борт для смотра адмиралу, как все начинает идти вкривь и вкось — даже то, что вкривь и вкось пойти в принципе не может.

— Разве я похож на адмирала, Алек? — возмутился Янг.

— Судя по результатам — нет,— улыбнулся Аракелов.

И правда, первые результаты появились как раз благодаря журналисту. Как-то, когда они в очередной раз обсуждали перспективы «операции Кракатук», вновь и вновь приходя к выводу о полнейшей безнадежности аракеловской миссии, Орсон не без ехидства порекомендовал за неимением лучшего выхода обратиться к астрологии и скрупулезно изучить расположение звезд и планет. «А что,— подумал Аракелов,— что делать, когда нечего делать?» Само собой, в астрологию он не верил. И звезды здесь, конечно, ни при чем — как дважды два. А вот планеты? С горя Аракелов засел ночью за интеллектуальный терминал и порядком подоил информа-

ционные банки «Навиглоб» и «Маресат». Результат превзошел ожидания, о чем Аракелов торжественно и сообщил Янгу поутру: все расследуемые случаи группировались не только в пространстве, образуя пресловутый «аракеловский клин», но и во времени, стягиваясь к новолуниям и полнолуниям, особенно перигейным. Вот тебе и астрология! Только что же дальше?

И кто его знает, что было бы дальше, чем бы не... А впрочем, неправда. Не было этого — последовательно, по звеньишку, и так вся цепь. Было иначе, совсем иначе. Копилось, копилось что-то — факты разрозненные, разбросанные, непонятные; наблюдения, чьи-то отдельные слова... Все тут было — и странная Амбалова хворь, усиливавшаяся по вечерам; и ганшинские слова о пористой структуре острова, который «как губка, весь пронизан подземными пустотами, трещинами, кавернами»; и рассказы Папалеаианы о том, что прежде здесь, в недрах острова были храмы древних караурцев; и легенда о божестве вулканов Увоке... Были вылазки туда, в пещеры под островом — вылазки, которые даже сам Аракелов называл экскурсиями, ибо не видел в них никакого практического, реального, осязаемого смысла, хотя потом на поверку оказалось, что без всего этого вместе взятого ни за что не найти, не нащупать было бы ему проклятую и благословенную Нептунову Арфу...

Нынче кажется, будто все работало на него, на Аракелова. Будто бы он только взял готовые кубики и сложил из них слово. Что греха таить, и самому ему так кажется. И еще кажется, что был он великим, нет, величайшим олухом, когда не видел, как легко и просто, как однозначно слово это складывается. А тогда? Тогда он маялся, так и этак перекладывал мысли и факты, выстраивая из них вымученные, искусственные, ходульные конструкции, вся мертворожденность которых была очевидна с первого же взгляда. И так до тех пор, пока однажды, болтая вечером с Венькой в кокпите катера, судача о том о сем, на сон грядущий, они не зацепились

языком за Амбала и не стали перебирать все возможные причины его загадочного недуга. Аракелов, правда, готов был списать странное Амбалово поведение на исконное окаянство кошачьего племени, Венька же стоял на своем: зря, мол, и ворона не каркает и кот не мяучит, следовательно, есть причина, и причина серьезная,— по его, Амбаловым, меркам, естественно.

— А может, Александр Никитич, ему тут чей-то голос не нравится? Мы вечерами сидим, языками чешем, а его это раздражает, вот и орет он. Возмущается,— доказывал Венька, но Аракелов его уже не слышал.

Вспомнилось ему вдруг бог весть где вычитанное: кошки — единственные существа на планете, которые звук не только слышат, но и видят; передается у них как-то звуковое раздражение на глаза. И вообще, если мы девяносто с лишним процентов информации об окружающем получаем при помощи зрения, то для кошек столь же важен слух. Был даже случай, помнится, во время второй мировой войны... Кстати, где-то в здешних широтах — на Мидузе, что ли?.. Ладно, не суть. Словом, размещалась на этом Мидузе-Риджуэ американская воинская часть. И кот туда затесался — кто его знает, какими судьбами; может, и там нашелся свой Венька? Важно другое: кот прекрасно разбирался в звуке авиационных моторов. Если американские самолеты летели, продолжал спокойно загорать, но если японские, во всю прыть улепetyвал в укрытие. Улепetyвал задолго до того, как засекали эти самолеты звукопеленгаторы, установленные на острове. Этим талантом он даже заслужил себе прозвище Радар...

Увы, все эти зоопсихологические экзерсисы ничуть Аракелова к решению проблемы не приблизили, и он снова, в который уже раз, обратился к статистике. Полнолуния, новолуния... А что это значит? Что они за собой влекут? Тут-то ему и пришлось признать себя стопроцентным болваном! Моряк называется, батияндр, «дух пучины»! Да ведь это же сизигийные приливы!

Сизигийно-перигейные *. И звук... Звук приливов сизигийных раздается над волной... Стоп! А в этом что-то есть, ей же богу, Аракелов, есть!

Тогда-то и начали сдвигаться кубики, складываясь в слово. И дальше было уже проще, дальше пошли уточнения, проверки, поиски, причем теперь уже четко направленные, а не прежнее «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». И получилась любопытнейшая картинка.

Двадцать, а то и двадцать пять дней в месяц остров был просто островом — частью суши, окруженной морем. Но с началом больших приливов он просыпался. Наступающая на берег вода проникала во все его бесчисленные внутренние пустоты, сжимая, гоня заключенный в них воздух. И некоторые из трещин в этом гигантском массиве начинали петь. Они превращались в органные трубы — странные, причудливые органные трубы, созданные самой природой. Были здесь любые — на выбор, в пору музыкальный музей открывать: лабиальные и язычковые, открытые и закрытые, невероятнейших форм и сечений. Полностью разобраться во всем механизме этого органа аракеловской команде было, само собой, не под силу; этим займутся потом, тут нужны тщательно подготовленная экспедиция, классные специалисты и специальное оборудование. Однако главное ясно уже сейчас.

Остров «поет» на два голоса. Один из них разносится над водой — мощный пучок инфразвукового излучения, направленный на юго-юго-запад. Какие именно трубы

* Сизигийные приливы и отливы — максимальные, порожденные суммарным влиянием Луны и Солнца в момент, когда Земля и оба эти светила находятся на одной линии; величина их, как правило, на 20 процентов превосходит средние значения. Перигейные приливы — порожденные Луной в то время, когда она находится ближе всего к Земле (в перигее); эти приливы также на 20 процентов выше средних. Таким образом, сизигийно-перигейные приливы, порожденные суммой этих причин, почти в полтора раза превосходят средние (авт.).

генерируют этот звук, пока неясно. Ясно лишь, что высокие скалистые берега бухты Ко-те-Томонга-о-Рано-Матуа, правильным параблоидом вписывающейся в береговую линию острова, служит естественным рупором, усиливающим и направляющим этот пучок. Ну а дальше просто. Свойства инфразвука изучены превосходно — с первых опытов Роберта Вуда и до наших дней. Действие его на психику и физиологию человека исследовано пренебрежительно. Если суда, загадочное исчезновение или гибель экипажей на которых расследовал Аракелов, попадали под такой инфразвуковой удар, остальное уже объяснимо. И с ума люди посходить могли, и за борт побросаться в неизбежном и на первый взгляд беспричинном ужасе, и от инфаркта умереть, как экипаж злополучного «Вайхофу»... В какой-то мере пришлось ощутить это и аракеловской команде в тот день, когда впервые слушали они Нептунову Арфу.

— Не надо, Алек, не напоминайте,— негромко сказал Янг.— Не знаю, как вы, а у меня до сих пор при одной мысли об этом мороз по коже...

Венька согласно кивнул, да и сам Аракелов невольно зябко передернул плечами. Прав, прав Орсон, лучше не вспоминать...

Потому-то так жестко и выдерживали они во время ночных прогулок к Арфе график, уходя под воду до того, как пронесется над океаном неслышная убийственная песнь острова.

И на этом закончилась «операция Кракатук».

— Это нечестно, моряк! — возмутилась Папалеаиана.— А Арфа? Нептунова Арфа — что она такое?

— Второй голос острова. Голос, слышимый лишь под водой. И уже не в инфра-, а в обычном звуковом диапазоне. Если хотите — песнь острова и моря, можно сказать, острова, моря и Луны.

— Как просто...— вздохнула Жюстин.

— И как прекрасно,— возразила Папалеаиана.— Я только раз так чувствовала музыку. Давно уже... Это

была «Симфония псалмов» вашего, моряк, соотечественника... Господи, что у вас за имена!

— Уж кому бы говорить,— усмехнулся Аракелов.

— Не спорьте, моряк... Да, Игорь Стравинский... В переложении для органа Гейра Тордаля. И в его исполнении.

— В записи? — поинтересовался Янг.

— Нет. Запись — это всегда не то. Даже лучшая. Я тогда попала — чудом почти — в церковь Санта Мария дель Кармен в Мехико.

Янг присвистнул.

— Вот и говори о всесиии прессы,— завистливо сказал он.— Мне туда прорваться не удалось. А я старался, очень старался, Папалеаинаина...— Аракелов не мог взять в толк, как удавалось журналисту произносить ее имя полностью, ни разу не запнувшись, легко и свободно.— Ведь это был его последний концерт. Великий Гейр умер через час в своем номере «Амбассадор-отеля»,— пояснил он Аракелову.

Однако Аракелову все это в равной мере казалось тарабарской грамотой: меломаном он никогда не был и, безусловно, предпочитал Гейру Тордалю Тура Хейердала... Он взглянул на часы:

— Нам пора, пожалуй. Утром уходим, так что... И знаете, давайте не прощаться. Не люблю я этого. К тому же — кто знает? — может, и свидимся еще... В Папаленим никому не нужно?

— Нет,— сказал Ганшин.— Завтра у нас испытания.

— Нет так нет,— кивнул Аракелов.— Ну, спокойной ночи.

Однако спокойной ночи не получилось. Потому что часа полтора спустя в каюту, где Аракелов совсем уже было собрался залечь на боковую, ворвался Янг.

— Алек! А ведь до меня только сейчас дошло!

— Что именно? — поинтересовался Аракелов.

— Завтра Ганшин проведет испытания.

— Знаю.

— Испытания с помощью взрывов.

— И что ж с того?

— Господи, Алек, так ведь...

И тут Аракелов понял. Ведь взрывы должны вызвать просадки. Просадки — и тонкий, ювелирный механизм Арфы...

— Да,— сказал Аракелов, поднимаясь.— Вы правы. Пошли.

* * *

— Не плачь, ну не плачь же, милая, слышишь? Ну перестань, перестань... Что, опять этот хам тебя обидел? Ох, до чего же все они мне надоели! Ну, не плачь, никто из них и слезинки нашей не стоит!

— Да... Это говорить легко... А сама...

— Бывает, что и сама. Так потому что дура. И ты сейчас — дуручка. Милая заплаканная дуручка.

— И ты туда же, Роберта, что же это такое!..

— Да не ругаюсь я, глупая.

— Ну вот, сама видишь, «глупая»...

— Конечно! Сейчас же перестань, не стоят они того. Вот погоди, доберемся мы до Тонга, Аль говорил, что через месяц, не больше,— и дадим деру от них. Пошли они все подальше! Вернемся в Аделаиду, заживем с тобой, сперва вдвоем, а там видно будет... И главное — слышишь, Линда, милая? — главное держаться нам друг друга, пока мы здесь. Вдвоем мы против этих хамов — сила!

VIII

Вернувшись к себе, Ганшин решил перед сном еще раз просмотреть программу завтрашних испытаний. В общем-то, это было необязательно: в конце концов он не сейсмолог и не геолог, так что завтра — праздник Папаянов да отчасти Кортехо. Но раз уж вышло так, что здесь, на Фрайди-Айленде, он совмещает в одном лице

координатора, диспетчера, директора и так далее, ему поневоле надо быть в курсе всех дел, влезать по мере возможности и в те детали, которые непосредственного отношения к нему вовсе не имеют.

На зеленоватом дисплее сменяли друг друга графики, формулы, таблицы, тексты. Однако, как ни старался Ганшин полностью сосредоточиться на них, из головы не выходил сегодняшний вечер, бесстыдная аракеловская самореклама, впрочем, надо отдать ему должное, самореклама мастерская, на первый взгляд ненавязчивая, легкая, в меру приправленная самоиронией... А разобратся — везунчик. Везунчик, и этим все сказано.

Ведь как оно получилось? Идею ему Янг подкинул — раз. Анна эту самую легенду о боге Увоке подбросила, где о боевой раковине говорится, местной трубе иерихонской — два; тут уж и слепому ясно, что к чему. Котяра несчастный — и тот ему информацию добавил... Бывает же так, чтобы фартило во всем подряд! Ведь появившись он здесь на своем катере в то время, когда нет этих... — как их?... — сизигийных приливов — и не вышло бы у него ни черта, не раскусить бы уважаемому Александру Никитичу пресловутого его орешка! Так нет же, и тут везуха! Слепая удача — разве ж это работа? Та, настоящая, за которой стоят напряженные, до последней минуты отданные делу дни и бессонные, напролет прокуренные ночи? Разве ж это работа, если курортник сей кашеварил тут всю, распевал у костра свои дурацкие морские песенки да рассказывал байки? От такой работы воистину не переломишься. А в итоге что? Герой. Великий деятель науки. Кай Юлий Аракелов. Пришел, увидел, победил.

С одной стороны, оно, конечно, хорошо. Ведь Аракелов, как и он, Ганшин, представляет здесь отечественную науку, и возложенную на него миссию, к чести оной науки, выполнил. Выполнил, к немалому ганшинскому удивлению. Но чему же удивляться, когда перед тобой везунчик?!

Везунчиков Ганшин не переносил. Может быть, потому, что ему самому всегда приходилось добиваться цели только трудом и потом. Лишь один раз, полтора десятка лет назад, еще там, на Синявинской опытной станции, когда работали они вместе с рыжим зайкой Борей Бертеновым, тощим Тапио и увальнем Ланге... Впрочем, об этом времени Ганшин вспоминать не любил. Не позволял себе вспоминать. Ведь и он тогда оказался везунчиком. Пришла ему в голову идея, ослепительная идея, и, торопясь, перескакивая в непонятных еще местах через все подводные камни так, словно не существовало их в природе, он исписал быстрым, ломким почерком несколько страниц. Исписал и отдал Боре и до следующего дня ждал, а потом ощутил вдруг страшную опустошенность. Словно выгорел угольный пласт и осталась только пустая каменная порода, холодная и никому не нужная... И он ушел, ушел на работу в эксплуатационный отдел МЭК и с тех пор верил, что удержать в себе человека, теплоту, жизнь можно только подлинным трудом, а не сжигающим, оставляя страшную космическую пустоту, вдохновением... Нет, не нужно ему, Ганшину, везения. И везунчиков вроде этого дылды морячка не нужно. Чужие они. Чужие...

Вдобавок этот чужак, явившись сюда, на Фрайди-Айленд, сумел вмиг очаровать сперва Анну, потом журналиста, который прибыл, кстати, из-за «Беаты», а вовсе не ради каких-то дурацких подводных шляний, а после и всех остальных, включая даже Бенгтссена, а уж от кого-кого, но от Бенгтссена Ганшин этого не ожидал, никак не ожидал...

Впрочем, он не ожидал и того, что несколько минут спустя в комнату, бегло пробарабанив по двери подушечками пальцев, войдет Анна. В первый момент он не поверил глазам — за все время их совместной работы ни разу не приходила она к нему так поздно; во второй — обрадовался... Но из-за спины Анны вышли Аракелов и Янг, и радость в душе Ганшина истаяла, оставив в

осадке нерастворимую тоскливую горечь. Бессмысленную — Ганшин сам прекрасно понимал это. Нелепую. Ненужную. Он выругался про себя. — легче от этого не стало — и жестом предложил пришедшим располагаться.

— Простите, я сейчас, секунду, — Ганшин вышел, чтобы тут же вернуться с полудюжиной жестянок и стопкой медипластовых стаканчиков. За эти секунды он успел взять себя в руки и теперь размышлял лишь о цели неожиданного визита.

В неловкой тишине он расставил стаканчики на столе.

— Соку?

Анна и Янг кивнули, Аракелов, поблагодарив, отказался. Ганшин молча вскрывал запотелые — только что из холодильника — жестянки, которые резко хлопали и выплевывали легкий дымок. В конце концов Ганшин у себя дома, он никого не приглашал и потому вправе ждать, что именно гости начнут разговор. Не для светской же болтовни они явились в такой час...

— Николя, — голос Анны был мягок, почти ласков, и Ганшин внутренне напрягся, чтобы не поддаться его очарованию, чуя за мягкостью постели неуютный и жесткий сон. — Николя, мы готовы к завтрашним испытаниям?

— Конечно, — отозвался Ганшин чуть недоуменно, ибо вместе с Анной они убедились в этом еще сегодня, проверяя напоследок все приготовления. — У вас есть основания сомневаться, Анна?

— Нет, — сказала Анна. — Или, вернее, да. Не знаю...

Впервые со дня их знакомства Ганшин услышал в ее голосе неуверенность, даже растерянность. «Чудеса! Ведь этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Анна, уверенная в себе до самоуверенности, не ведающая сомнений, — что происходит? И все это...» — Ганшин метнул на Аракелова отнюдь не ласковый взгляд, но тот смотрел на Анну.

— Я и подавно ничего не понимаю. Что происходит, Анна?

— Мы можем отложить испытания, Николая?

— Вы с ума сошли! Ведь с завтрашнего дня на нас работает спутник. Мы вышибали эти жалкие десятки минут на трех витках чуть не полгода! Вы же знаете, сколько стоит минута спутникового времени. Потом нам год снова дожидаться очереди...

— Но мы могли, например, не успеть...

— Мы успели,— сказал Ганшин, чувствуя, что начинает раздражаться, и стараясь это раздражение скрыть.— Мы не могли не успеть. Мы работали точно по графику.

— Да, конечно... Но ведь могло же что-то случиться, помешать нам? Представьте себе...

— Ничего не случилось. Не помешало. В чем дело, Анна?

— В том, Николая, что испытаний производить нельзя. Понимаете, нельзя.

— Не понимаю.

— Я тоже не понимала. Недавно еще не понимала. Но теперь — теперь убеждена в этом,— сказала Анна, и Ганшин понял, что неуверенность ее уже исчезла; он снова видел перед собой прежнюю, не ведающую сомнений Анну, и превращение это окончательно сбило его с толку.

— Так, может быть, вы объясните это и мне?

— Конечно, Николая. Впрочем, я думаю, вы лучше меня справитесь с этой задачей, Александр,— повернулась она к Аракелову.

— В сущности, Николай Иванович, все очень просто. Я ведь рассказывал сегодня о Нептуновой Арфе. И право же, достаточно подробно. Структура это очень хрупкая, понимаете, она может разрушиться от... Черт знает, от чего. Степень ее стабильности станет ясна после серьезного исследования, на какое мы сейчас просто не способны. И ваши взрывы...

«Вот, значит, откуда ветер дует,— подумал Ганшин.— Значит, ему нужно испортить мне и дело. Нет! Не дам... Анна... Хватит и этого!»

— Однако, Александр Никитич,— возразил Ганшин, стараясь говорить как можно спокойнее,— вы противоречите сами себе.

— В чем же?

— Вы говорили сегодня, что ваша Нептунова Арфа, во всяком случае инфразвуковой ее генератор, существует как минимум лет двести. Ведь именно с ее помощью вы объясняете все наши морские тайны, не так ли? Но разве вы можете ручаться, что за это время здесь не происходили сейсмические явления куда масштабнее наших завтрашних взрывов? Кракатау, например...

Удар попал в цель. Аракелов задумался, а на лице Анны вновь отразились колебания. Только Янг, в разговоре пока участия не принимавший, явно наслаждался. Оно и понятно: конфликты — подарок для журналиста. Хлеб, так сказать. Пусть его!

— Что ж,— сказал Аракелов, помолчав.— Возможно, вы и правы, Николай Иванович. Но можете ли вы дать гарантию, что я не прав? Что ваши взрывы не повредят Арфу, не уничтожат ее, не заставят замолчать навек?

— Между прочим,— взъелся Ганшин,— вам бы мне спасибо сказать, а не палки в колеса ставить! Вас сюда зачем послали? Зачем, позвольте спросить?

— Разобраться в причинах загадочных случаев, происходивших в разное время с экипажами различных судов в акватории, входящей в зону хозяйственных интересов республики Караури. Удовлетворены?

— Более чем. Вы в этом разобрались?

— Да.

— И уверены, что причиной всех этих трагедий... Я правильно употребляю это слово? Помнится, вы сами во время вечерних бесед, увлекательных ваших повествований, характеризовали «случаи», как вы теперь гово-

рите, куда жестче. Вы говорили о морских катастрофах, о трагедиях. Или я не прав?

— Правы.

— Прекрасно. Тогда я продолжу. Итак, причиной этих, повторяю, трагедий, причиной гибели множества людей является ваша Нептунова Арфа. Вы ее открыли? Отменно! А я ее закрою.

— То есть?..

— Предположим, вы правы и наши завтрашние испытания повлекут за собой уничтожение вашей прелестной Арфы, вашего очаровательного инфразвукового убийцы.— Ганшин уже не раздражался, не нервничал, наоборот, он скорее наслаждался теперь, чувствуя, как с каждым словом приближает лопатки Аракелова к коврику. И поделом! — Итак, вы правы. Прекрасно! Вы можете в своем отчете указать, что впредь означенный район указанной акватории безопасен для мореплавания. Отныне и навсегда. Благодаря, заметьте, осуществлению проекта «Беата». Разве это не конечная цель? Разве вы искали причину не для того, чтобы сделать мореплавание, столь дорогое вашему, Александр Никитич, сердцу, полностью безопасным?

Ганшин торжествовал, но виду не показывал. И вроде бы успешно. Зато на лице Аракелова отражались самые разные чувства — растерянность, смущение и что-то еще, чему Ганшин точного определения найти не мог.

— Ну так что же,— закончил Ганшин,— вы по-прежнему будете настаивать на отмене испытаний?

Наступила настороженная пауза. Выдержать бы ее Ганшину, продлить бы молчание — и выиграл бы он, может, этот поединок. Так нет же! Кавалерийская атака, враг рассеян, мы на плечах противника врываемся в крепость — ура! — и пала цитадель... Манило, манило Ганшина это, и сорвался он.

— Вот ведь как получается,— продолжил Ганшин, и в голосе его отчетливо, слишком отчетливо прозвучали не столько раздумчивые, сколько откровенно поучающие

нотки.— Технологическая наша цивилизация оказывается прекрасным, регулирующим природу механизмом. Был экологический кризис, боролись мы за охрану этой самой природы, окружающей среды. И что же? Кто эту борьбу выиграл? Те, кто заповедники создавать призывал? Отказываться от технологического развития? Нет! Технари. Те, кто технологию творил и с ее помощью пресловутую первую природу реставрировал. Реставрировал и модернизировал, к человеку приспособлявая, к его потребностям, о которых матушка-природа отнюдь, между прочим, не заботилась... И сейчас вы за эту самую Арфу вашу ратуете, спасти ее жаждете. А чего, спрашивается, ради? Ради новых жертв? Зато технология, наступая, стирает ее с лица земли. Чтобы мир был наш, человеческий, чтобы в любой его точке человеку было так же удобно, спокойно и уютно, как в собственном доме. И заметьте, даже не специально это делается, а попутно. Не с Арфой мы боремся, а энергоприемник для «Беаты» строим. И лишь параллельно, одновременно... И в том великий смысл технического прогресса.

Ганшин поймал себя на мысли, что некстати, совсем некстати представилась ему вдруг не «Беата», которая повиснет над Фрайди-Айлендом через несколько лет, а другая орбитальная гелиоэлектростанция, «Арабелла», на которой был он когда-то... И вспомнился Йензен, апологет того самого прогресса без берегов, прогресса безоглядного и самоцельного, о котором он, Ганшин, сейчас говорил. И чем Йензен кончил, ему вспомнилось, и шевельнулось где-то в глубине души сомнение в собственной правоте, и, словно учуяв это движение, заговорил хранивший доселе молчание Янг.

— Знакомую песню вы завели, Ник! Заманчиво, конечно, не спорю:

Лес
надменно встал до небес.
Ну-ка его пилой —
долой!

Щепки сдувайте,
пни вырывайте,
асфальта, асфальта сюда давайте!
Вот это подвиг в веках!
Вот это будет планета!
Катись хоть вокруг света
на роликовых коньках!

О таком мире мечтается вам, Ник? Все безопасно, все гладко, все чисто, выметено, вылизано — до тошноты. До омерзения...

— А вам приключений надо? Борьбы со стихией? Что ж, идите в космический флот. Получите — сколько угодно. Где-нибудь на Марсе, на Венере, хоть на Плутоне. А здесь — Земля. Наш дом. И в доме должен быть порядок.

— Вот именно, Николай Иванович, порядок,— подхватил Аракелов, и по тону его Ганшин понял, что предстоит второй раунд, что дал он какое-то оружие в аракеловские руки, хотя в толк не мог взять, какое именно.— Совершенно справедливо замечено. А скажите, пожалуйста, сколько человек, ну да, в среднем, в самом что ни на есть первом приближении,— сколько человек за день, например, под машины попадает? И сколько людей, даже в наше время, отмеченное триумфами медицинской науки, погибает от простого удара током, в собственном доме?

«Вот черт,— подумал Ганшин,— куда он гнет?..»

— Не знаю,— коротко сказал он.— Я этой статистикой не занимался.

— Я тоже,— кивнул Аракелов.— Но если предположу, что за год таких людей в любой отдельно взятой стране окажется побольше, чем погибло из-за Арфы за все двести лет, думаю, что окажусь недалек от истины.

— И что вы хотите этим доказать?

— Я не доказываю. Я только спрашиваю. Так вот, настаиваете ли вы на этом основании на ликвидации электрической проводки в домах и автомобильного транспорта на улицах?

— А смысл? Эта проблема решается просто до банальности — соблюдайте правила техники безопасности и уличного движения. Все.

— Отменно. Но ведь если мы знаем, что Арфа опасна во вполне определенное время и во вполне определенном месте, разве мы не можем избежать опасности?

Ах, чтоб тебя... Но сдаваться Ганшин не спешил. Слишком многое было поставлено на карту.

— А чего ради, чего ради, я спрашиваю? Электричество — это свет, тепло, это энергия, жизненный сок нашей цивилизации. Транспорт — это транспорт, тут и говорить не о чем. Да, осторожность необходима; да, любое детище прогресса несет в себе и потенциальную опасность; да, да, да! Но — это теневая сторона прогресса. Однако лицо у него тоже есть!

— Я и не спорю, вовсе не спорю, Николай Иванович. И никто, будучи, как говорится, в здравом уме и твердой памяти, оспаривать этой истины не станет.

— А где же лицевая сторона вашей Арфы? Где, я спрашиваю?

— Там,— сказал Аракелов и неопределенно махнул рукой. Во всяком случае, Ганшин этого жеста не понял, хотя на Анну и Янга он, похоже, впечатление произвел. Или помстилось Ганшину?

— Где «там»?

— Под водой. Там, где поет собственно Нептунова Арфа.

— Вы же не были, не захотели услышать ее, Николая! Вы же не знаете... А мы слышали... Это прекрасно, по-настоящему прекрасно!

— Пользуясь более казенной фразеологией,— подхватил слова Анны журналист,— Нептунова Арфа является уникальным, может быть, в глобальном масштабе уникальным природным образованием. И как таковое должна быть сохранена. Любой ценой.

— Памятники, конечно, дело великое, даже памятники природные,— Ганшин продолжал стоять насмерть.— Но можно ли противопоставлять их ценность тому потоку даровой почти энергии, которая будет падать сюда с неба?

— Не можно — должно.— В голосе Аракелова Ганшин ощутил уверенность в собственной правоте, может, даже превосходящую его, ганшинскую.

— Послушайте, Александр Никитич,— сказал Ганшин, меняя тон.— Вот вы батияндр...

— Бывший...

— Неважно. Значит, вы представитель едва ли не самой передовой области нашей, человеческой, науки. В какой-то мере можно сказать, что вы ее творение. Ее детище. И как вы можете противопоставлять поющую скалу, пусть даже феномен этот и любопытен, согласен, но по сути своей — диковину, не более, энергоснабжению огромного региона Океании? Не понимаю, честное слово, не понимаю!

— Так ведь я не противопоставляю. И никто из нас не противопоставляет. Ведь это же можно, можно и должно, повторяю, сочетать. Ну не будете вы строить свой энергоприемник здесь. Рядом постройте. На другом острове. На искусственном острове на худой конец. Дороже — понимаю. Усложнение — понимаю. Трудности дополнительные — понимаю. Но здесь должен быть создан заповедник. Национальный парк. Морской национальный парк, так. И нельзя иначе.

— Так ведь не в одних дополнительных трудностях дело, это же годы, годы, которые уходят, уходят безвозвратно, поймите! Мы запустим «Беату» на несколько лет позже. А что это означает для Океании? Для вашего Караури, Анна? Вы отдаете себе в этом отчет?

— Да,— твердо сказала Анна, и по тону ее Ганшин понял, что дальнейшие убеждения бесполезны.— Да, Никола.

— И не измените своего мнения?

— Нет, теперь уже нет.

— Что ж...— Ганшин на секунду запнулся, принимая решение.— Что ж...— повторил он, все еще колеблясь, но потом отрубил все же: — Ну а я такого решения ни одобрить, ни тем более принять не могу. У меня есть программа испытаний, утвержденная в МЭК и согласованная с правительством Караури. Я уважаю вас, Анна, я уважаю вас всех, но отступить от этой программы не хочу, не могу и не стану.

— Однако, Николая, я все-таки официальный и полномочный инженер-инспектор и имею право...

— Разве ваши полномочия, Анна, распространяются так широко, что вы можете остановить работы? — Ганшин пер напролом, ничего иного ему не оставалось.

Анна замаялась.

— Нет,— признала она наконец.— Или, вернее, это не оговаривалось. Просто не могло прийти в голову...

— Если так, и говорить не о чем. Я решаю, мне и отвечать.

— Но я могу связаться. Радио, слава богу, есть. И тогда...

— Ночью? Кого и где вы застанете?

— Не сейчас, естественно. Утром.

— И там будут собираться, совещаться, решать, а на это уйдет и день, и два, и три... И время будет упущено. Нет! Испытания начинаются завтра. Все.

— Не все, Николая. Неужели вы не можете понять...

— Не могу, Анна,— сказал Ганшин, сжигая последние мосты.— Не могу.

— Эх, Николай Иванович.— Аракелов махнул рукой, постоял несколько секунд и, резко повернувшись, вышел. За ним последовали остальные.

Стоя посреди комнаты, Ганшин долго смотрел им вслед, хотя взгляд его и упирался в беззвучно и плотно закрытую Анной дверь.

«И все-таки Джайн бывает джентльменом. Когда хочет. Редко, правда, он этого хочет, ох, как редко... Ну да что там, я же знала, на что шла, когда отправлялась в плавание. Не первый ведь год мы с Джайном. Хотя нет, здесь он другой, не тот, что дома. Совсем, совсем другой. Свободный. Решительный. И жестокий. Грубый. Как это получается у него — все вместе? Но получается... А у меня что получается? Если б я знала... Хорошо Линде — поплакала, поплакала, а потом снова со своим Алем милуется, попробуй его задень — глаза выцарапает! Сама может костерить его почему зря, но — сама. Смешная девчонка! Может, впрямь взять ее за шиворот, свести на берег, когда придем на Тонга, — в аэропорт, домой, вытащить ее из этой нашей кучи? Или пусть сама барахтается, как может? Да когда же я наконец научусь решать хоть что-нибудь, не спрашивая совета у других? Или так и буду вечно ходить за кем-то как привязанная? Или — так и надо? Не знаю, ничего я не знаю, да и как можно знать что-нибудь, когда под тобой все качается — палуба, яхта, море, вся жизнь качается, качается, качается, попробуй удержишься, не упади за борт, а держаться надо, надо, надо, потому что, если выпадешь, никто руки не протянет, спасательного круга не кинет, скажет только: «Барахтайся сама, детка, может, и добарахтаешься до чего!» И все. Сама. Только сама. А я не хочу, я ведь женщина, я слабая, а тут еще эту дуручку тащить... Господи, как я устала, и хоть бы немного твердой земли под ногами, хоть чуть-чуть, хоть на один день...»

IX

— Да, задала ты мне задачку, тама... — Исслел Фалемахуфу, министр энергетики и туризма, откинулся на спинку своего необъятного кресла и, прикрыв глаза, погрузился в размышление. Воцарилась тишина, нарушае-

мая лишь доносившимся сквозь распахнутые настежь окна размеренным рокотом далекого прибора.

Собственно, эту схватку можно считать выигранной. Сколько бы ни размышлял почтенный тамана Ислел, но придет-то он именно к тем выводам, к которым подтолкнула его Папалеаинаина... Впервые за сегодняшнее утро она позволила себе немного расслабиться.

Утро это началось для нее поздно, за каких-нибудь полчаса до того, как катер мягко привалился к причалу Национального яхт-клуба. Зато благодаря заботливости Орсона и Бена, ночь напролет ведших катер в незнакомых им обоим водах архипелага, она выпалась более или менее достаточно для того, чтобы весь день — и нелегкий день — чувствовать себя в форме. Правда, оказавшись дома, она сквиталась с ними: уступила Бену свою спальню, и через четверть часа он уже спал сном праведника; Янг получил в полное свое распоряжение кабинет Папалеаинаины.

— Может, и вы вздремнете, Орсон? — предложила она, указывая на широкую тахту, где любила поваляться, приводя в порядок мысли, когда работа особенно не ладилась. — Не железный же вы...

— Ни в коей мере. Но прежде всего дело. Вот закончу — и завалюсь. И — предупреждаю — буду храпеть самым что ни на есть постыдным образом.

Папалеаинаина не настаивала — Орсон был, безусловно, прав. Она быстро приняла резкий контрастный душ (привычка, оставшаяся еще со студенческих лет), вмиг сбивший и смывший с нее последние следы усталости. Потом наступил черед танца, тоже контрастного, где летящая плавность сменялась вдруг яростным буйством; просто удивительно, как танец этот, которому она научилась еще в детстве, не утомлял, а, наоборот, вливал энергию. Не только тело, но даже мысль наполнялись легкой, звенящей, светлой силой. Такого, была уверена Папалеаинаина, не дала бы никакая зарядка. Перебрав свой не слишком богатый гардероб, она остановилась

на сари глубокого синего цвета. Пожалуй, никакая другая одежда так не подчеркивает всех линий фигуры, ее изящества и женственности, не придает такого царственного величия. А сегодня и это должно было служить ей оружием. И лишь теперь, приведя себя в полную боевую готовность, Папалеаина взялась за телефон.

Первым делом она позвонила туангане Тераи. Задача оказалась не из самых простых: энергичного заместителя морского министра ей удалось отловить лишь после целой серии звонков, причем там, где она меньше всего ожидала его найти — в Архиве государственных актов.

— Нет, душа моя, меня ты в это дело не впутывай,— категорически заявил господин Хироа, когда Папалеаина, прервав его витиеватые излияния родственных чувств, коротко изложила суть дела.— Моего ведомства это не касается, а я предпочитаю быть от таких скандалов подальше...

— А я, туангане, помощи от тебя и не жду,— спокойно парировала Папалеаина.— Но одно ты можешь сделать, и не вмешивая в мои сомнительные затеи свое доброе имя. И ты это сделаешь. Ты договоришься с Фараджем Таароа, и он меня примет. Сегодня. Неофициально. После обеда. Или во время. Понял?

— Говорить об этом с президентом? Ты с ума сошла!

«Господи,— подумала Папалеаина,— слово в слово то же самое твердил вчера Ганшин!»

— А ты говори просто обо мне. Надеюсь, это ты можешь? — И, не дав собеседнику возможности возразить, повесила трубку.

Затем она добилась от Ислела Фалемахафу обещания уделить ей минимум полчаса, а лучше — час, причем немедленно. Это было не так уж сложно: Фалемахафу ухитрялся принимать всех, кому был нужен. Как это у него получалось, оставалось загадкой, но не исключено, что именно этому своему дару он был обязан чуть ли не двадцатилетним пребыванием на министерском посту...

— Да, задала ты мне задачку, тама,— повторил Фалемахафу, открывая глаза.

— Так ли уж трудна задача, тамана? — полюбопытствовала Папалеаиана. И чтобы подсластить пилюлю, добавила елейно: — Для государственного деятеля с таким опытом...

Фалемахафу усмехнулся:

— Женская душа — такая же тайна для государственного деятеля, как и для последнего сборщика кокосов.

— При чем тут женская душа? — искренне изумилась Папалеаиана.

— Когда старый Ислел сомневался, нужно ли строить энергоприемник непременно на Хаапай-Матуа, кем он был? Одна женщина сказала: «Ретроград!» Когда старый Ислел требовал дополнительных изысканий, кем он был? «Перестраховщик,— сказала та же женщина,— сразу видно, чиновник, не инженер!» А теперь, когда выясняется, что старый Ислел сомневался не зря, к кому приходит эта женщина? К старому Ислелу... А ты говоришь, тама, женская душа тут ни при чем!

— Я и сейчас уверена, тамана, что энергоприемник строить надо. Только в другом месте.

— Не знаю, не знаю... Солнечные коллекторы у нас работают прекрасно. Приливная электростанция на Телеки Лаге тоже дает свои киловатты. И немаленькие киловатты, тама. Даже добрые старые тепловые станции, что работают на отходах кокосового сырья, еще не отжили свой век. И долго еще не отживут, поверь. Так что все эти низвергающиеся с небес гигаватты не кажутся мне первой необходимостью.

— Сегодня вы правы, спору нет. А завтра? Мы должны думать о завтрашнем и даже о послезавтрашнем дне!

— Об этом ты станешь думать, когда сядешь на мое место, а это будет уже скоро, очень скоро.

— А пока?

— А пока строй свой энергоприемник.— От Исслеловой логики Папалеаиину оторопь брала.— Может, когда-нибудь он и впрямь окажется нужен позарез. Только трижды подумай, прежде чем выбирать для него место. Помни, тама, у нас маленькая земля. Очень маленькая. И мы должны дорожить каждой ее пядью, использовать ее только разумно, только правильно, только бережно, только доходно. И главное — только любя.

— Все это так, тамана, но что же делать сейчас?

— Ты спрашиваешь меня?

— Нет, я прошу вас. Именно потому, что нужно спасти эту самую пядь земли — такую, какой нет, может быть, нигде больше. Во всем мире нет.

— Что ж, тебе надо поговорить с Фараджем. Это может решить только он.

— Я думала поговорить с ним вместе с вами, тамана.

— Уволь, тама, уволь. Чтобы ты с твоим напором, с твоим умом, с твоим обаянием да не сумела убедить президента нашей маленькой республики?..

Покидая министерство, Папалеаиина уже не была так уверена в своей победе. Хотя... Не будь Фалемахафу в глубине души согласен с ней, он вел бы себя иначе. Что-что, а «нет» говорить он умел во все времена. Значит... Либо он в самом деле настолько уверен в ее правоте, что считает излишним вмешиваться, либо затевает какую-то свою игру. Но не враждебную — это Папалеаиина ощутила бы. «А раз так, пусть затевает. В конечном счете сегодня мы с ним все равно союзники, как бы несхоже ни думали о завтрашнем дне. Да так ли уж по-разному думаем мы о нем?» — спросила себя Папалеаиина и не смогла найти однозначного ответа. В последнее время это стало происходить с ней подозрительно часто.

Туангане Тераи все-таки постарался на славу. В этом

Папалеаинаина убедилась, когда, оставив на стоянке возле Часов свой маленький, яркий «рено-электро», она пешком подошла к малому входу в президентский дворец. Национальные гвардейцы в полной парадной форме, с четырехцветной кокардой на ослепительно белых шлемах и воронеными пистолет-пулеметами Скандера на груди, замершие по сторонам витых чугунных ворот, бросили на нее лишь мимолетный взгляд и тут же развели преграждавшие путь ритуальные копыя. Значит, о ее приходе предупреждены. Впрочем, Папалеаинаина не сомневалась в этом. Как бы ни брюзжал Тераи, но если она попросит, а еще лучше прикажет, как сегодня, — он сделает. В лепешку разобьется, но сделает, даже если ему это не по душе. Такие уж отношения установились между ними еще с детства...

Как это нередко случается, продолжение оказалось куда хуже начала, и разговор с Фараджем Таароа очень скоро зазвучал совсем не в той тональности, какой хотела бы Папалеаинаина. Может, беда была в том, что здесь, на обширной террасе президентского дворца, где сидели они в легких плетеных креслах псевдоколониального стиля, в покойной, прохладной тени натянутого над их головами тента, рассказ Папалеаинаины о Нептуновой Арфе, о ночных подводных концертах, словом, обо всем том, что для нее самой было прожитым и прочувствованным, невосполнимо терял изрядную долю достоверности и убедительности.

— Боюсь, госпожа Фолиаки, — сказал президент, когда Папалеаинаина смолкла, — что одобрить вашего поведения я при всем желании не могу. Судите сами: на одной чаше весов гипотетическая пока ценность явления, открытого нашим русским другом, а на другой — участие республики в крупном интернациональном проекте, первый выход Караури на международную арену, и выход серьезный, пусть даже ограниченный рамками нашего региона Океании. Ценности, согласитесь, несоизмеримые.

«Боже,— подумала Папалеаинаина,— неужели мне не удастся пробить эту холодную, упруго-твердую, словно литая резина, стену, которую воздвигает сейчас между нами Фарадж Таароа? Ведь я была так уверена, я убедилА Аракелова, Янга, Блюминга... И что же? Аракелов сидит сейчас в пещерах под островом, прикрывая наш вояж в Папаленим, потому что, пока он там, в лабиринте подземных ходов, Ганшин не рискнет, ни за что не рискнет начать испытания, ибо вызванные взрывами просадки могут убить человека. А это совсем другое, нежели хладнокровное уничтожение Арфы. На это он пойти не сможет. Пусть даже вероятность столь сильных просадок ничтожно мала — все равно не сможет. По крайней мере, Аракелов был в этом уверен (или делал вид, что уверен, успокаивая ее?). Как он тогда сказал, Аракелов? «Я знаю таких людей, Аина. Поверьте, знаю. Они решительны на словах. Но слова — это одно, а поступки — совсем иное. Не станет Ганшин взрывать, зная, что я там, внизу...» Мне бы его уверенность,— подумала Папалеаинаина, у которой при мысли об Аракелове нет-нет да екало сердце.— А может, именно уверенности мне сейчас и недостает? Что ж, придется говорить иначе».

— К тому же,— продолжал Фарадж Таароа,— я не могу не согласиться с вашим непосредственным руководителем...

— С кем? — переспросила Папалеаинаина.

— Я имею в виду господина Ганшина.

— Он руководитель работ на Фрайди-Айленде, но не мой руководитель, господин президент.

— Поскольку вы принимаете участие в этих работах, он является одновременно и вашим руководителем.

— Ваше правительство, господин президент, дало мне полномочия официального и полномочного инженер-инспектора при производстве работ, а инспектор не может находиться в подчинении у их производителя.

— Неужели вас так задевают вопросы субординации, госпожа Фолиаки?

— Нет. Я просто ставлю все на свои места.

— Хорошо, пусть вы правы,— сдался президент, и Папалеаиана отметила про себя эту маленькую свою победу. Она сама не знала, зачем нужно было препираться по столь пустячному поводу, но инстинкт подсказывал ей поступать именно так.— Пусть вы правы. Но это не отменяет правоты господина Ганшина в ином. В главном. В том, что Нептунова Арфа, как вы ее называете, является источником повышенной опасности для экипажей судов, совершающих рейсы как непосредственно в водах архипелага, так и за его пределами.

— В очень узких и четко очерченных границах, а кроме того, лишь в строго определенное время. Достаточно нанести этот район на карты, выставить буи, составить таблицы зависимости Арфы от высоты приливов — и безопасность мореплавания гарантирована.

— Мы просили советских друзей найти причину чрезвычайных происшествий на судах, плавающих в этих водах, вовсе не для того, чтобы потом эту причину лелеять.

— А подумали ли вы, господин президент, что поток микроволнового излучения, который низринется с «Беаты» на антенну Фрайди-Айлендского энергоприемника, представляет не меньшую опасность для авиации, чем Арфа для судов? Причем источник постоянный, ежедневный, ежечасный...

По глазам Фараджа Таароа Папалеаиана поняла, что такая мысль прежде не приходила ему в голову. Это было первое зерно сомнения, которое ей удалось заронить в президентскую душу, и теперь оставалось не терять инициативы.

— Кроме того, существует и другая сторона вопроса. Вы абсолютно правы, указывая на необходимость соблюдать все пункты договора, на основании которого

проводится подготовка к международной стройке на Фрайди-Айленде. Но не думаете ли вы, что Лозаннская Конвенция об охране уникальных природных зон и образований («Умница, Орсон, спасибо, вот и пригодилась ваша подсказка!») является документом не менее значимым? Представьте себе, каково будет нашему представителю в ООН, например, в случае запроса о нарушении этой Конвенции на Караури...

— Не понимаю, госпожа Фолиаки...— Этой репликой президент явно брал тайм-аут.

— Если одна из крупнейших международных радиокомпаний, Ай-би-си, например, выпустит в эфир серию передач — сперва о Нептуновой Арфе и ее открытии, а затем о том, как это уникальное природное образование было по недомыслию разрушено... Передачи такой компании слушают десятки, если не сотни, миллионов человек. Среди них наверняка найдутся тысячи и даже десятки тысяч тех, кто поднимет свой голос в защиту Арфы. И как будет выглядеть тогда правительство, не воспрепятствовавшее акту... Я не хочу сказать «сознательного вандализма», но в некоторых случаях недомыслие не слишком от него отличается, не правда ли?

— И откуда же Ай-би-си почерпнет информацию? Уж не от вас ли, госпожа Фолиаки? — В голосе президента тускло блеснул металл.

— Нет,— покачала головой Папалеаинаина.— Помните того журналиста, что брал у вас интервью с месяц назад?

— Орсона Янга? — Фарадж Таароа всегда отличался отменной памятью на имена.— Конечно.

— Он был на Фрайди-Айленде. И передачи эти готовы выйти в эфир, как только станет необходимо. Насколько мне известно, сегодня он уже снесся с австралийским филиалом, и ему зарезервировано время. Конечно, он может использовать его и для любой другой передачи, у хорошего журналиста, а Янг, смею заве-

рить, мастер своего дела, всегда есть кое-что в запасе...

Президент задумался.

— Нет,— сказал он наконец.— Думаю, госпожа Фолиаки, что нарисованная вами картина при всей ее мрачности на деле окажется гораздо приемлемее. С этой проблемой мы сумеем справиться. В худшем случае это грозит правительственным кризисом и отставкой кабинета. Зато нарушение контракта по проекту «Беата» подорвет доверие к нашему государству, и боюсь, неоправдимо. А этого допустить нельзя. То же самое я сказал сегодня Ислелу Фалемахафу...

«Ах, старый хитрец! Не остался в стороне. Прекрасно,— подумала Папалеаина.— Нашего полку прибыло...»

— Что ж, господин президент,— сказала она. Жаль, но придется разговаривать иначе. Не хотелось ей этого, ох, как не хотелось...— Что ж, в таком случае мне придется напомнить вам, что по праву рождения я являюсь главой Совета кланов, который, по конституции нашей республики, имеет право вето.

— Вы уверены, что кланы пойдут за вами?

— Кланы шли за родом Фолиаки три века. Пойдут и сегодня.

Папалеаина не блефовала, и оба они понимали это. Многие, очень многие еще зависело на Караури от кланов, которые могли привести к власти и свалить кабинет, могли добиться принятия нового закона или отмены старого, потому что структура эта, уходящая корнями в древнюю родовую, пронизывала насквозь все общество. Некогда во главе ее стояли королевы; после отречения в начале века бабки Папалеаины, королевы Папилоа III, гражданская и родовая власти разделились, однако по-прежнему во главе Совета стоял клан Фолиаки, а в нем предводительствовала старшая дочь старшей дочери последней королевы.

— Надеюсь,— сказал Фарадж Таароа,— весь наш

народ в этом конфликте поддержит свое конституционное правительство, ибо оно отстаивает решение, жизненно важное для всей республики. Весь народ, невзирая на принадлежность к тому или иному клану.

В голосе его настолько не было уже прежней уверенности, что Папалеаиаина не стала возражать. Тем более что ей пришел в голову еще один ход. Как хорошо, что она поймала сегодня туангане Тераи именно в Архиве государственных актов! Не случись так — и не вспомнила бы она, нет, не вспомнила...

— В таком случае остается лишь небольшая формальность. При подписании моей бабкой, королевой Папилоа III, отречения от престола, первым правительством Республики Караури был подписан акт, на вечные времена закрепляющий за ней и ее наследниками по родовому праву земельное владение, издревле бывшее королевским доменом...

Папалеаиаина выдержала паузу, заставив Фараджа Таароа теряться в догадках, куда же она клонит. Наконец он не выдержал:

— Я не помню этого документа, но охотно верю, что он был. Так что же?

— Этим доменом, господин президент, является остров Хаапаи-Матуа, именуемый также Фрайди-Айленд. И теперь я заявляю на него свои права.

— Так... Ну а что вы скажете, госпожа Фолиаки, если правительство выкупит у вас остров?

— Акт оговаривает вечное владение этой землей из поколения в поколение, причем республика навсегда отказывается от любых претензий на Хаапаи-Матуа.

— А национализация?

— Попробуйте. Только сначала вам придется провести национализацию всех остальных земель, находящихся в частном владении. Я посмотрю, как скоро у вас это получится...

Этой последней соломины не могла уже выдержать даже могучая президентская спина. Фарадж Таароа сдался. Он лишь спросил:

— Но почему, почему, госпожа Фолиаки, вы раньше не заявляли своих претензий на Фрайди-Айленд?

— Я была убеждена в необходимости строительства на нем. Убеждена, что именно так он лучше всего может послужить нашему народу. А теперь я уверена в обратном.

— И все же я не могу вас понять. Ну, Ислел Фалемахафу — ладно. Его чаруют нарисованные вами перспективы. Толпы туристов, новые отели, валютная Амазонка, вливающаяся в наш бюджет, что само по себе, конечно, экономике страны только на благо, согласен. Но что видите в этой ситуации вы? Ислел построит туристический комплекс и сам, между прочим, заработает на этом. А вы? Ведь вы инженер, вы энергетик. Я понимал вас, когда вы добивались утверждения проекта этой стройки. Но сейчас...

— Да,— сказала Папалеаина, понимая, что победа ею одержана и теперь нужно проявить максимум мягкости и обходительности,— сейчас я думаю иначе, чем год назад. Но лишь отчасти. Проект «Беата» все равно будет осуществлен. Без этого нам не обойтись. Придется лишь сменить место энергоприемника. Да, стройка станет несколько дороже. Что ж, деньги принесет нам Арфа. Туризм. Ислел Фалемахафу сумеет организовать все это, и организовать быстро... Мы введем «Беату» в строй позже, пусть даже на несколько лет. Но зато сохраним Арфу, которая является достоинством нашей республики... Вот в чем дело, господин президент. И я думаю, мы с вами найдем общий язык. Во всяком случае, я сделаю для этого все, что смогу.

Последующие несколько часов показались Папалеаине сплошным коловращением и мельканием разговоров, встреч и дел. Получив от Фараджа Таароа желан-

ный документ, временно приостанавливающий производство любых работ на территории Фрайди-Айленда (формулировка наиболее мягкая и обтекаемая, признанная ими обоими самой подходящей), Папалеаина прежде всего вновь надела на своего многотерпеливого туангане Тераи. На этот раз ей нужен был вертолет — одна из тех садящихся на воду винтокрылых машин повышенной дальности полета, которые находились в ведении морского министерства и несли патрульно-спасательную службу. Пока господин Хироа, кляня на все лады свою беспокойную родственницу, выполнял это ее поручение, Папалеаина вновь — на этот раз по телефону — побеседовала с министром энергетики и туризма. В итоге разговора родилась радиограмма, отправленная Ганшину на Фрайди-Айленд и приказывающая немедленно приостановить изыскания и работы. Радиограмма была подписана Ислелом Фалемахафу, президентский же указ должен был в дальнейшем подтвердить и узаконить это распоряжение. Потом она мчалась домой, чтобы забрать Янга и Бена («Не беспокойтесь, Бен, здесь с вашим катером ничего не случится, можете положиться на меня и охрану яхт-клуба, а там, на острове, вы будете нужнее, не мне нужнее — Аракелову...»). Потом они — уже все вместе — неслись на аэродром патрульно-спасательной службы, расположенный в тридцати с лишним километрах от Папаленима, возле маленького рыбацкого порта. Наконец еще час спустя поплавок вертолета оторвались от иссеченной мелкой рябью глади бухты, и тяжелая машина, набирая высоту, взяла курс на северо-северо-запад.

— Слушайте, Папалеаина, — сказал Янг, в упор уставившись на нее своими чуть раскосыми глазами. — Вы можете честно ответить на один вопрос?

— Могу. — Меньше всего ей хотелось сейчас отвечать на какие бы то ни было вопросы, даже вообще разговаривать, но что с него возьмешь? Журналист есть

журналист, даже если он союзник и почти что друг.—
Давайте.

— Вы сегодня обедали?

Папалеаина задумалась, вспоминая, но в голову пришел лишь стакан кокосового молока, выпитый на террасе президентского дворца.

— Нет,— призналась она озадаченно.— А что?

— Я так и думал,— удовлетворенно произнес Янг и стал вынимать из своего объемистого кейса аккуратно завернутые в фольгу сверточки, пакетики и даже термос, в котором Папалеаина не без удивления узнала свой собственный.— Я там похозяйничал на вашей кухне. Надеюсь, вы не станете обвинять меня в самоуправстве?

— Я вас расцелую,— уже с набитым ртом пообещала Папалеаина. Проголодалась она изрядно, даже больше, чем могла предположить.— Вы мой добрый гений, Орсон!

Потом она задремала, откинувшись на спинку кресла, и проснулась лишь тогда, когда вертолет, накренившись, стал поворачивать, чтобы подойти к острову с запада. Папалеаина не знала, зачем это делается, но так было всегда, во время всех ее полетов сюда, и она могла уверенно сказать, что до Фрайди-Айленда осталось километров двадцать, во всяком случае, не больше четверти часа. Сидевший напротив Папалеаины Янг приплюснул нос к иллюминатору.

— Чем вы так заинтересовались? — полюбопытствовала она.

— Пустяки,— сказал Янг, отстраняясь от окна.— Яхту увидел. Коч с топовым стакселем. Ходко идут, красиво. Всю парусину вывесили, что можно и что нельзя. Нахально, черт побери! Я бы не рискнул, разве что на гонках. Да и то... Нет, не уверен, право. Зато и выжимают узлов десять, если не одиннадцать. Смелые ребята. Молодцы.

Впервые они заметили скалистый силуэт вчера вечером — темной полоской врезался он в багровое закатное небо. Островок как островок, таких в здешних местах куча. Камни да жалкий пляжик, который весь-то в три горсти песку — и все. Но команда словно сдурела. Линда с Робертой пустились в пляс, чуть за борт не попадали, выдавая что-то неопишное и непрерывно вопя: «Земля! Земля!! Земля!!!» Можно подумать, год земли не видели, а не месяц как вышли из Апия. И Аль не лучше — уселся в кокпите, глядя на этот голый, мерзкий берег, как кот на сливки, только что не облизывался. А Джайн, естественно, тут же стал для всех врагом номер один. Как же — не захотел, видите ли, яхту гробить, когда берег им подавай. Немедленно. Сию же минуту. И плевать им, что места тут неизвестные. Лощи толковой и то нет, так, карта одна более или менее приличная — не разбежишься. Глубины — лотом дно пробовал нащупать, пробовал — черта с два. А эхолота нет. И ночь уже. Лег в дрейф до утра, так они, как сговорившись, глядят волками... На берегу, мол, переночевать бы, набрыдла, мол, каюта... Эх, народ...

К полуночи, правда, поуспокоились, сварили тодди — сразу жизнь веселее казаться стала; согласились до утра с берегом подождать. Они спать завалились, а Джайну полночи корпеть пришлось у штурманского стола, проверяя себя и перепроверяя, пока наконец не убедился он, что к островам Страстной Пятницы вышел. Больше тут миль на двести никакой тверди среди хлябей морских нет. А настолько он обмишулиться не мог при всем желании: ошибки при счислении бывают, спору нет, и солидные даже ошибки, но не на двести же миль! Правда, какой именно из островов перед ними, Джайн решить не мог. Фрайди-Айленд покрупнее должен быть — это ясно; значит, один из рифов, да поди догадайся который — Биг-Бэзис или Литл-Бэзис? А какая разница?

Будь воля Джайна, он ни за какие пироги вообще не стал бы на такую грудку камней высаживаться, что он там потерял? Но до Тонга еще недели три идти, если не больше, а потому не стоит с ребятами совсем уж собачиться. Хочется им по камням этим козлами попрыгать — пусть. С Джайна не убудет. А долго они здесь и сами не засидятся.

И не зря он над картой маялся, не зря, как чуяло сердце. Только глаза поутру продрали, как Линда, гусяня надутая, сразу же к нему:

— Джайн, а Джайн, я вчера на радостях и не спросила, что за остров? Это уже Тонга?

— Нет,— хладнокровно откликнулся Джайн,— сто раз тебе говорил, до Тонга еще топать и топать. А это просто риф. Литл-Бэзис называется.

Шансов на то, что он угадал название, было ровно половина, но — кто проверит?

Обогнув остров, Джайн нашел-таки малюсенькую бухточку, где лот нащупал дно. Бросили якорь, спустили надувную лодку и высадились на берег.

Как и предполагал Джайн, островок был пустынен — камни, камни, камни... Но и по камням для разнообразия поскакать не так уж плохо — какая-никакая, а разминка. Джайн впереди всех полез на вершину рифа и тут обнаружил, что островок-то с секретом. То, что принимал он за обычный камень, этакий обточенный ветрами столб, на деле оказалось крестом — просто видел его Джайн до сих пор не под тем углом. Крест, явно сделанный человеческими руками, высеченный из камня, правда, грубо, примитивно даже. Клад, что ли, какой-нибудь пиратский? А вдруг?..

На миг захлестнула Джайна горячая волна. Но тут же одернул себя — какой идиот станет закапывать клад на рифе, перехлестываемом волнами даже в самый заурядный шторм? Нет, для этого есть острова. Настоящие. Всякие там Кокосы да Оуки. И вообще, поддаваться кладоискательской лихорадке он не станет. Кладоиска-

тельство — это дело серьезное, подготовки требующее, знаний, снаряжения, денег, наконец. А у него ничего этого нет. И не за этим он в море вышел — за свободой. За независимостью. Хватит, отдал он десять лет этому миру, вкалывая на него в паршивой конторе, а теперь будет просто жить, жить и брать от мира все, что сможет. Брать, а не ковыряться неделями, месяцами, годами в земле, разыскивая кем-то в нее зарытые (и может, выкопанные давно) сундуки...

Тем временем к нему присоединились остальные, и теперь стояли, глаза на крест. Джайн прямо-таки чувствовал, как в их душах разгорается желание расковырять этот риф, дорыть его в поисках сокровищ до самого океанского дна.

— Что это, Джайн? — спросила Роберта.

«И она туда же,— со злобой подумал Джайн.— Добро бы одни свинюеды эти, но она... Ладно, сейчас я на них холодной водичкой брызну!»

— Как что? — спокойно переспросил он. — Крест.

— Сама вижу. А зачем он тут?

— Ты в школе училась когда-нибудь?

— Опять хамишь?

— Интересуюсь. Если училась, так должна была про Кука слышать.

— Это в честь которого Куктаун?

— Ну.

— Слышала.

— Так вот это — его могила.

— Брось ты,— сказал Аль,— он же в Антарктику плавал.

— Ну и что?..

— И съели его там.

— Кто? Пингвины?

— Нет, Аль,— вмешалась Линда.— Джайн правду говорит. Его где-то здесь сожрали.

— Вот-вот,— Джайна несло напропалую.— Здесь корабль разбился. Сами видели, риф-то такой, что не

только в шторм, просто при хорошей волне и не заметишь. Здесь они и сидели, умирая с голоду...

— Господи,— у Линды даже глаза округлились,— вот коровища-то, где только Аль ее откопал! — Господи, и что же они... друг друга... ели?

— Нет, конечно,— Джайн чувствовал себя на высоте, ему внимали как оракулу.— Их съели каннибалы, которые приплыли на длинных лодках с соседнего острова.

— Ужасно! — На глазах Линды навернулись слезы.— Правда, Аль?

Аль между тем, присев на корточки, ковырялся у подножия креста.

— Смотри-ка, здесь доска какая-то. Чугунная вроде бы. И надпись на ней...

— О том и надпись. В память Кука.

Аль усердно пытался очистить доску от покрывшего ее ракушечника. Потом встал, растеряв икры.

— Не соскresti всей этой пакости, даже ножа нет... Не прочесть.

— Это мы сейчас устроим,— пообещал Джайн.— Походите-ка.

Прыгая по камням, он помчался к берегу, забрался в лодку, в несколько взмахов весел подогнал ее к борту яхты. Вот и угадай, какое барахло когда пригодиться может! Только куда он эту штуковину засунул? Ах да... Штуковиной был портативный мультивибратор, купленный по дешевке на распродаже,— вдруг да пригодится в плавании. И пригодился. Джайн осторожно опустил вибратор в лодку. Тяжелый, зараза! Через две-три минуты он уже снова был на берегу.

— Ну-ка подвиньтесь, сейчас мы это дело враз считим!

Он приложил пластину вибратора к чугунной доске, поухватистей взялся за ручки, нажал кнопку. Вибратор занял, завыл, застонал. Через минуту Джайн выключил агрегат. Все правильно — не только ракушечник отсыпался, но и от самой доски остались бледные воспо-

минания. «Попробуйте теперь по этому чугунному крошеву прочесть что-нибудь! Вот так-то. Правду я вам сказал. Кука здесь съели. Кука».

— Ну вот,— разочарованно протянул он вслух.— Что значит три века-то... Как чугун изъело, враз рассыпался.

И, вскинув на плечи вибратор, он зашагал к берегу. Вскоре вернулись на борт и остальные. Джайн был прав — что тут на этих голых камнях делать?

— А другой земли тут нет? — спросила Роберта.— Настоящей? Чтобы дерево росло, хоть одно-единственное...

Она так умильно — умеет же ведьма! — заглядывала Джайну в глаза, что тот сдался.

— Есть. Часах в трех-четырех ходу. Фрайди-Айленд называется.

В конце концов почему бы и нет? На Тонга их никто не ждет; днем раньше, двумя позже — какая разница?

Фрайди-Айленд открылся часам к трем пополудни. А еще через час они бросили якорь в уютной, просторной бухте. Собственно, уютной она была только из-за своей защищенности от ветров, в остальном же впечатление производила довольно угрюмое — высоченные, метров тридцать, наверное, скалистые берега, только в одном месте расступавшиеся достаточно, чтобы можно было взобраться наверх без риска свернуть себе шею. Зато дно хорошо держало якорь, а раз так — от добра добра не ищут. Прежде, чем отправляться на экскурсию по острову, решили пообедать. Линда посопротивлялась было, на берегу, мол, лучше, уютнее, но Джайн осадил ее в два счета.

— Да мы все с голоду передохнем, пока ты там пожрать организуешь! Здесь хоть плита, продукты под рукой, так что давайте уж по старинке.

Аль и Роберта — оба, бывает же! — поддержали его целиком и полностью. «С Робертой ясно, готовить сегодня не ее очередь, а вот Аль — как он против жены по-

шел? Впрочем, пусть сами разбираются. Меня это не касается», — решил Джайн.

— Слушай, капитан, поныряем пока, до обеда? — предложил Аль.

— А что? — согласился Джайн. — Давай...

Достав рифкомберские маски-«намордники» и ласты, они через несколько минут уже ухнулись в ласковую, теплую воду бухты. Заодно Джайн решил как следует осмотреть днище. Он занимался этим с четверть часа и, удовлетворившись результатами, вынырнул на поверхность. Аля нигде не было видно. Джайн взобрался на борт и растянулся на теплых досках палубы. Где его черти носят?

Аль появился минут через двадцать. Он буквально взлетел на палубу — так, словно за ним гналась дюжина акул. И вид у него был какой-то одичалый.

— Что это с тобой? — поинтересовался Джайн, уставясь на Аля с искренним любопытством.

— Я... Там... — Алю не хватало и слов и воздуха. Наконец он чуть-чуть отдышался. — Там, понимаешь, такое... Такая...

— Да можешь ты говорить по-человечески или нет?

— Могу, могу, погоди... Понимаешь, Джайн, там тридакна.

— Ну и что?

— Гигантская тридакна.

— Ну и что?

— Такая... Метров пять!

— В воде все в полтора раза, того считай — три. Ну и что?

— Да не три, Джайн, больше, я ее со всех сторон облазил.

— Ладно. Пусть больше трех.

— Достать бы ее! Я таких и в Сиднейском музее не видел. Ее же у нас с руками оторвут. Понимаешь?

— А как ты ее везти собираешься, если она три метра с лишним? В каюту засунешь, под коечку?

— Ты меня за дурака не держи, Джайн, не надо. У нас же понтоны есть...

И в самом деле не дурак. А что? Овчинка, похоже, стоит выделки. Если такую штуковину поднять, потом принайтовать к спасательным надувным понтонам... Сколько она может весить? Ну тонну. Ну полторы. Три понтона. Это мы имеем. Взять на буксир. Скоростенка, конечно, плакала. Но это нас не волнует. Если шторм там или что еще — буксир отдать, и делу конец. Понтонов, правда, жаль. Это серьезно. Впрочем, прогноз погоды пока благоприятный. А выручить за такую штуку можно прилично, тут Аль не врет, как денежками запахло, так у него и голова сразу заработала.

— Предположим. И что ты предлагаешь? Практически?

— Я сейчас нырну, только отдышусь малость да кофе чашечку... Нырну, застроплю ее, а ты концы на брашпиль и врубишь.

— Ладно, попробуем.

И Линда и Роберта пришли в восторг от такой перспективы. Спор разгорелся только из-за одного: может или не может быть в такой тридакне жемчуг?

— Может,— уверяла Линда.— Я читала...

Джайн сильно сомневался, что Линда прочла в жизни хоть одну книжку, кроме рекламных проспектов да журналов мод. Разве что по ошибке?

— Не знаю,— сказал он,— что ты читала. А вот что в гигантских тридакнах жемчуга нет — знаю. Жемчуг добывают на специальных фермах. Из специально выведенных раковин.

— А до ферм? — поинтересовалась Роберта.

— Как так до?

— Ну, когда ферм еще не было, ведь добывали как-то жемчуг, правда?

— «Не было, не было»... Фермы всегда были.

— И все-то ты знаешь,— сказала Роберта с какой-то странной интонацией. Завистливой, решил Джайн. Ну и

ладно, пусть завидует, лишь бы не спорила по пустякам.

Но Линда не сдавалась:

— В гигантской раковине и жемчуг гигантский. С кулак. Или с голову. А что мы с ним станем делать? Продадим? А сколько такая жемчужина стоит?

Джайн взбеленился.

— Заткнись, ты,— приказал он.— Отдохнул? — Это уже относилось к Алю.— Тогда давай. А вы смотрите, девочки, мешать будете — я за себя не отвечаю.

Аль нырнул. Возился он полчаса, не меньше. Потом высунулся из воды метрах в тридцати от яхты и махнул Джайну рукой. Не справится, мол, помогай. Черт безрукий. Джайн вздохнул, выругался и напялил «намордник». Впрочем, через несколько минут он уже не жалел об этом. Действительность превзошла все ожидания. Тридакна и впрямь была гигантской — зубчатые створки ее достигали в большой оси метров четырех, не меньше. Такого Джайн и представить себе не мог. «Выдержат ли понтоны? — подумал он.— Вроде бы должны. Хотя черт его знает, не взвесишь же это чудо морское... Ладно, рискнем».

Вдвоем они застропили раковину довольно надежно. Джайн вернулся на яхту, выбрал якорь, потом, закрепив стропы на барабане, включил брашпиль. Мотор заработал, но не тут-то было! Сперва яхта подтягивалась по стропам — до тех пор, пока они не стали уходить в воду отвесно. А затем... Брашпиль рычал, стропы натягивались, яхта начала зарываться носом в воду — это стало уже опасным. Джайн выключил двигатель. Вскоре на поверхности появился Аль.

— Ну что там?

— Ничего не получится. Не оторвать нам ее.

— А если от дна отбить сперва?

— Как? Молотком да зубилом под водой ковыряться будешь?

— Может, вибратором твоим?

— Вибратором? — вскинулся было Джайн, но тут же смолк.— Нет. Он под водой работать не будет. Не рассчитан.

— Жаль...— Аль по-турецки уселся на палубе, закурил, помолчал, соображая что-то.— Слушай, есть идея!

— Опять?

— А если подорвать ее?

— Чем? У меня атомной бомбы нет.

— У меня есть.

— У тебя? На яхте? Ты что, сдурел?

— Ладно, Джайн, не злись. Дело прошлое. Я ж подрывником на Трансавстралии работал. Там взрывчатки всяческой хоть завались было. Ну и... Словом, в каюте у меня чемоданчик...

— Ты что, яхту мне угробить хочешь? Ты за нее платил? А за жизни наши ты платил? Выкинь, говорю! Сейчас же!

— Да погоди ты, Джайн, погоди. Не взорвались до сих пор, так за две минуты не взорвемся. Выкину, выкину, ты меня дослушай только.

— Валяй!

— Я заряд подложу, вернее — три. Маленьких таких три зарядика. Я подорву их разом. Как ножом отрежет. Как бы эта пакость за дно ни цеплялась — отрежет. Ручаюсь. Я же подрывник, Джайн, я в этом деле — ювелир...

— Ладно, ювелир,— сдался Джайн.— Действуй. Только смотри мне, если потом узнаю, что хоть грамм этого добра на яхте остался — берегись. Я с тобой такое сделаю...

— Выброшу, выброшу,— буркнул Аль и скрылся в каюте. Впрочем, вскоре он появился на палубе снова, таща чемодан. «Ничего себе, чемоданчик,— подумал Джайн.— Вот гад... Полгода смерть свою с собой возим... Погоди у меня, дойдем до Тонга — и на берег. Хватит с меня таких фокусов. Без разговоров — на берег. Я себе

команду настоящую подберу, не то что эти взрывники-свиноеды».

Тем временем Аль закончил приготовления. Аккуратно уложив свои бомбы, как окрестил эти черные ребристые коробочки Джайн, в привязанную к поясу сетку, он запер чемодан и собирался уже отнести его обратно в каюту, когда Джайн остановил его:

— Не теряй времени. Скоро темнеть начнет, а работы впереди — воз. Я сам уберу. Ныряй давай.

Аль взглянул на часы, кивнул и скользнул в воду. Джайн на минуту задумался, глядя на проклятый чемодан. Потом принес из форпика конец дректова метров пятнадцати длиной, привязал к ручке чемодана и аккуратно, без всплеска, чтобы не привлечь внимания, опустил чемодан за борт. Так оно спокойнее будет. Пусть он тут на дне остается. Сразу Аль не вспомнит, заговорю ему зубы, а потом уйдем отсюда — и ищи-свищи.

Через четверть часа, когда Аль взобрался на палубу, Джайн кинул ему полотенце:

— Ну что там?

— Через десять минут. Я взрыватели на девятнадцать ноль-ноль поставил. А где чемодан?

— На месте, — не моргнув глазом ответил Джайн.

Аль спустился в каюту, но через минуту пробкой вылетел оттуда. Лицо у него было таким, что Джайн не на шутку испугался.

— Где чемодан?

— Выкинул я его, болван, выкинул, чтобы ты нас всех не угробил!

— Кретин! Сам ты нас угробил! — завопил Аль, и Линда с Робертой, мирно дремавшие на солнышке, вскопили от этого дикого крика.

— Пять минут, слышишь, пять минут осталось, некогда уже нырять, понял? Не успеть. Угробил ты нас, сукин сын!

— Почему? — не понял Джайн.

— Руби стропы, болван, не болтай языком! — крикнул Аль, и Джайн невольно повиновался этому неведь откуда взявшемуся командирскому тону. Он кинулся на нос, мгновенно перерезал стропы, связывавшие яхту с тридакной. Тем временем взревел запущенный Алем двигатель. Круто развернувшись, яхта направилась к выходу из бухты.

— Ну, если не успеем, держись, — пообещал Аль. — Я из тебя отбивную сделаю, коли жив останусь...

— В чем дело? — снова спросил Джайн.

— Замолчи! Только бы успеть...

Но они не успели. Яхта — не гоночный катер. За кормой с грохотом вспух жуткий белый гриб, фонтан, взметнувшийся выше береговых скал. Яхту подбросило так, что Джайн, ухватившись за поручни, еле удержался на палубе. Ему показалось, что на миг даже киль очутился над водой, потом со страшным, гулким ударом судно снова рухнуло на поверхность, повалилось на борт... Большие Джайн ничего не видел — его зацепило сорвавшимся гафелем, и он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, яхта качалась, но, понял он с облегчением, качалась на нормальной океанской волне.

— Счастлив твой бог, — сказал Аль. — Счастлив твой бог, что остались живы, хотя не знаю, надолго ли. Вставай!

Джайн с трудом поднялся. В голове гудело, и все плыло перед глазами; только собрав всю волю, ему удалось заставить мир снова стать резким и объемным.

— Что это было?

— У меня в чемодане, — охотно пояснил Аль с каким-то злоеющим спокойствием, — всякой твари по паре было. И тротил, и тетрил, и гексоген, и октоген, тэн, габровит и фульгуратор-рекс. И взрыватели разные. В том числе — детонационные. Они и сработали. Понял? Когда мои пакеты под тридакной сработали, весь чемодан рванул. Ясно? А теперь иди и проверь, ты в этом лучше

разбираешься, что с яхтой. Я ее из залива вывел, а дальше... А ну марш!

Кажется, все обошлось. Литой титанопластовый корпус выдержал, не дал трещины, во всяком случае, течи не обнаружилось нигде. Остальное можно было заменить или починить сравнительно легко. Можно сказать, легким испугом отделались.

Когда Джайн сказал об этом остальным, на лицах женщин выразилось облегчение, но не такое, какого можно было бы ожидать. Не понимали они, чем могло все это грозить, что ли? Зато Аль подошел к Джайну и коротко спросил:

— Точно?

— Да,— преодолевая тошноту, подступавшую к горлу, ответил Джайн.— Сейчас поднимем запасной гафель, паруса поставим — и все.

Они управились за двадцать минут. Поставили все паруса, какие только можно было — главное, подальше от острова отойти. Черт его знает, а вдруг обитаемый? А вдруг они там взрывом своим... Если погоня? Патруль? Рыбы-то они поневоле наглушили — будь здоров...

Когда яхта легла на курс и устремилась от Фрайди-Айленда, Аль подошел к Джайну и коротко, зло ударил. Дважды — в солнечное сплетение и в лицо. Джайн, скорчившись, повалился на решетчатые пайолы кокпита, ощущая во рту соленый вкус крови.

— Это тебе задаток,— сказал, стоя над ним, Аль.— А придем на Тонга — будет и расчет.

XI

На протяжении последних часов Аракелов от всей души жалел, что он не археолог, что никогда всерьез раскопками не интересовался и большую часть скудных познаний в этой области почерпнул даже не из популярных книг, а из досужих разговоров во время недолгой своей работы с подводными археологами на Иберий-

ском шельфе. Было это лет двадцать назад, и в памяти уцелело, увы, очень и очень немного, причем как раз то, что сейчас ему пригодиться никак не могло. Окажись теперь здесь, рядом с Аракеловым, кто-нибудь из тех ребят... Постой-ка, как же их звали?.. Ну хоть Пашка Корнев, например, — наверняка смогли бы они объяснить, кто, когда, как и зачем рисовал на тщательно выровненных стенах Колонного храма эти фрески, чуть потускневшие, покрывшиеся сетью мельчайших трещин, но все равно живые. И что означают эти круги, составленные из дельфиньих силуэтов — каждый не крупнее селедки, а круг — метра три диаметром?.. Или вот эта рожа, каменно-холодная, с жутким, лягушачьи-щелевидным... нет, не ртом — пастью?

Водя по стене лучом фонаря, Аракелов переходил от изображения к изображению и, чувствуя себя таким бездельником-экскурсантом, раздражался на незнание и непонимание свое, злился, но оторваться не мог. Картины (или фрески — чем они, собственно, отличаются?) занимали не всю площадь стен, а были разбросаны в кажущемся беспорядке, за которым, однако, Аракелов начинал ощущать некую систему, неясную пока, но все же закономерность. Если он прав, следующий рисунок должен быть метра в пяти правее. Ну-ка...

Он совсем уже собрался было переменить позицию и проверить, подтвердится ли догадка, когда пол под ногами судорожно дернулся, скорее даже — вздрогнул, как вздрагивают от боли или от испуга. Толчок не был сильным, во всяком случае, не показался Аракелову таковым, но сверху, с потолка, с шумом обрушились осколки, пыль, какой-то каменный прах. По колонне ближайшего сталагмита зазмеилась трещина. Другая пересекла рожу на стене — казалось, тонкий, безгубый рот приоткрылся в злобной ухмылке...

Так!

Аракелов обессиленно опустил на утрамбованный песок пола. Значит, все. Значит, конечно. Значит, зря.

Ай да Ганшин! Крепок оказался Николай Иванович, крепче, чем Аракелов мог предположить. Начал все-таки свои взрывы. Не побоялся. Ждал, ждал, ведь утром собирался начать, а сейчас уже вечер. Но все-таки рванул. Серьезный мужчина — недооценил его Аракелов, недооценил!

Толчков больше не было. И тут Аракелов сообразил, что не знает, должны ли они повториться, как предусматривалось программой ганшинских испытаний: взрывать все заряды одновременно или последовательно, по одному? Прошло пять, десять, пятнадцать минут — тишина. Значит, все. Ждать больше нечего.

А впрочем, какая разница? Кончилась аракеловская эскапада. Впустую кончилась. Ничему он своей дурацкой демонстрацией не помешал, себя только в идиотское положение поставил. Хотя какое это имеет значение?! Ведь не в нем же, не в Аракелове суть — в Арфе.

Аракелов вскочил на ноги. Арфа! А вдруг излишними были их опасения? Вдруг толчок оказался недостаточно силен? Аракелов дернулся было бежать, но взял себя в руки. Огляделся.

Один из ходов, соединяющих большие гроты с лабиринтом, начинался примерно посередине противоположной стены Колонного храма. Аракелов направился туда.

На первый взгляд очертания лаза ничуть не изменились — по-прежнему черным провалом зияло неправильной формы отверстие, расположенное почти на уровне груди, этакое окно в глубь скал. Ну, вперед!

Двигаться здесь по большей части приходилось ползком; лишь изредка, когда ход чуть-чуть расширялся, можно было для разнообразия позволить себе метров пятнадцать-двадцать пройти на четвереньках, что было, впрочем, еще неудобнее. Когда они с Венькой залезли в эти чертовы капилляры впервые, Аракелов никак не мог отделаться от ощущения, что никогда уже не суждено ему выбраться отсюда, что навечно обречен он

ползти и ползти куда-то в твердокаменной утробе острова. Но сейчас он не думал об этом. Сейчас его интересовало лишь одно: насколько поврежден взрывом лабиринт? Пока особых нарушений не заметно, а больше ли стало трещин в каменных стенках, кто ж его знает? Считал их Аракелов, что ли? Да и на что, собственно, могут они влиять? Ерунда!

На завал он наткнулся примерно на четырехсотом метре. Собственно, даже завалом его назвать было трудно. Не знай Аракелов, что раньше по этому ходу пробирались они дальше, куда дальше, не будь он в этом уверен абсолютно,— тупик, в который он уткнулся, казался бы естественным, изначальным. Ну, заполз в какой-то аппендикс, заплутал в лабиринте ветвящихся ходов... Только не было этого тупика прежде! Был ход, причем как раз в этом месте расширявшийся настолько, что можно становилось — ползком, правда, не поднимая голову,— развернуться; здесь они с Венькой лежали рядышком, обсуждая, куда ползти дальше... Аракелов пощупал, осмотрел, простучал стену перед собой: она казалась монолитной, нечего и думать как-то разгрести завал этот — скала, сплошная скала.

Пятясь, он вернулся на тридцать или сорок метров, свернул в боковое ответвление, которое должно было вывести туда же, к вертикальным каналам Арфы, только более долгим, кружным путем. Однако минут через двадцать убедился, что и здесь путь перекрыт не менее надежно.

Часа два или три, а может быть, и больше — времени он не засекал,— пытался Аракелов пробиться в дальнюю часть лабиринта, но в конце концов вынужден был признать свое поражение и окончательно отступить.

Он вернулся в Колонный храм. Все тело болело — ссадины, царапины, синяки... Да, шорты и безрукавка — не самый подходящий наряд для спелеолога-любителя. Аракелов отправился к сифону, соединяющему Колонный храм с Первым гротом, умылся: вода была морская, со-

ленная, и потому удовольствия Аракелову эта процедура, мягко говоря, не доставила. Ничего, утешил он себя, это полезно, антисептика это.

Больше ему здесь, в пещерах, делать было нечего. Правда, вылезать наверх — тоже перспектива, прямо скажем, безрадостная. Не хотелось, ой, не хотелось Аракелову встречаться сейчас с Ганшиным. Не сорваться бы, не наговорить бы такого, чего потом вовек себе не простишь: нет ничего бессмысленнее бессильной озлобленности побежденного. Оба они с Ганшиным были уверены — каждый в своей правоте. И у Ганшина хватило сил, характера, возможностей свою правоту, если не доказать, то хотя бы навязать...

Он сидел на краю сифона, свесив ноги в воду. Ганшинский взрыв породил просадки и смещения не только в недрах острова, но и в аракеловских мыслях и чувствах. В них медленно, трудно проходила какая-то перестройка, совершались подспудные духовно-тектонические процессы, осознать которые он пока еще не мог. Но в одном он был уверен. История эта не может кончиться просто так, ничем, не может остаться лишь одним из эпизодов его, аракеловской, жизни.

Так было уже — тридцать лет назад, когда расформировывали военно-морское училище и курсанту Аракелову пришлось искать себе новое место, новое поприще, новую точку приложения сил в изменившемся после разоружения мире. И он нашел ее, стал батияндром, «духом пучин», и не было дня, даже часа, даже минуты, чтобы пожалел он о своем выборе.

И так было снова — пять лет назад, когда вызвал его к себе Григорян, битый час ходил вокруг да около, а потом вдруг отрубил: «Все, Саша. Я понимаю, трудно это, больно, но лучше уж сразу. Не пропустила тебя медицина. Окончательно. Понимаешь, тебе уже сорок пять». Скажи ему это кто-нибудь другой, Аракелов, может, и стал бы спорить, возражать, требовать... Но Григорян сам был батияндром — еще из первого на-

бора. Он сам шагнул через этот порог. И Аракелов выслушал приговор молча. И так же молча принял новое назначение (иначе он сделанное предложение не воспринимал) — начальником подводных работ на «Руслан».

И вот теперь... А что, собственно, теперь?

Вода в сифоне пришла вдруг в движение, словно в черной ее глубине разыграла мощная рыба, вроде того группера, что живет под скальным козырьком возле входа в туннель. Только какая же рыба может жить в этой луже? Бред!

Аракелов вскочил на ноги — как раз в тот момент, когда из черной, маслянисто поблескивавшей в свете лежавшего рядом на песке фонаря показалась голова, неузнаваемая в бликующем коконе «намордника».

Ганшин?!

Быстрым движением человек выбросил тело из воды, сорвал «намордник»...

— Аина?!

— Вы живы, моряк? Живы!

Папалеаина шагнула к нему, обняла, спрятала лицо на груди. Вода ручьями стекала с ее тяжелых волос, и Аракелов не сразу понял, что она плачет. Плачущая Папалеаина — с ума сойти... Аракелов успокаивающе погладил ее:

— Что случилось, Аина? Как вы сюда попали?

— За вами... Я думала... Мы боялись... — Папалеаина говорила быстро, неразборчиво, всхлипывая, и Аракелов толком ничего не понимал.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь, все хорошо, — бес толково бормотал он; увещевать плачущих женщин никогда не было его любимым занятием. — Успокойтесь же, Аина...

— Да... А вы знаете, сколько времени? Три часа ночи, ясно?

Аракелов и не предполагал, что ползал по лабиринту пещерных ходов так долго.

— Мы чуть с ума не сошли,— успокаиваясь, более связно заговорила Папалеаина и отстранилась от Аракелова.— Отправились вас искать. А вдруг вас тут...— Она снова всхлипнула.

— Да жив, жив я,— безрадостно отозвался Аракелов.— Что со мной будет? Вот Арфа...

— И пошли искать... Орсон и Бен сейчас в ходах, что от Первого грота... Карлос, Бенгтсен, Грант — в верхних пещерах, я им сухой путь показала... Ганшин и Жюстин...

— Ганшин? Он что, тоже? — перебил Аракелов.

— Ну конечно! Это ведь не он.

— Что «не он»? — не понял Аракелов.

— Взрыв. Это не он. Понимаете?

— Нет.

— Я тоже. И все мы тоже. Что-то случилось. Там по всей бухте — рыба кверху брюхом.

Подводный взрыв. Аракелов запутался окончательно. Если не Ганшин, то кто же? Или что?

— Все равно,— махнул он рукой.— Его взяла. Может торжествовать теперь Николай Иванович.

— Нет. Я привезла Указ. Работы остановлены.

— Зачем? Арфы-то больше нет?!

— Нет?!

— Я только что оттуда. Ходы обрушены. Замолчала Арфа.

— А может быть?...— Папалеаина легко коснулась его руки.

— Нет, Аина. Это как раз те трубы. Мы же здесь все облазили. И потом — вы ведь пришли сюда, пришли с берега, во время прилива. Если бы Арфа запела — не бывать бы вам здесь.

— Я не думала об этом, моряк...

— И зря. Но теперь это неважно. Уже неважно. Остров от Арфы избавлен. Так что пусть Ганшин строит тут все, что надо.

— Он не будет строить, моряк. Он уедет.

— Почему?

— Я немножко знаю его. Строить здесь будут, да. Но уже не он.

Аракелов подумал и кивнул: понять можно.

— Но что же все-таки случилось? — спросил он, скорее просто подумал вслух.

Папалеаина пожала плечами.

— Если б знать...

— Узнаем, — сказал Аракелов. — Узнаем. Обязательно. Я узнаю.

— Вы?

— Да, — сказал Аракелов, отчетливо понимая, что взваливает на себя, — да. Я должен.

«Это и есть мой долг, — подумал Аракелов. — И дело мое. Узнать. И — не допустить впредь. Арфа погибла, да. Невозвратно погибла. Но сколько их еще в мире — скрытых, никому не известных арф... Сколько еще существует на свете красоты — никем не созданной, первозданной, природной. И каждый день, каждый час уничтожается где-то ее частица. Иногда самой же природой. Порой людьми. По умыслу и недомыслию, во имя разрушения и во благо вроде бы, но какое же благо может быть куплено такой ценой?» И отныне и на всю оставшуюся жизнь Аракелов сделал выбор.

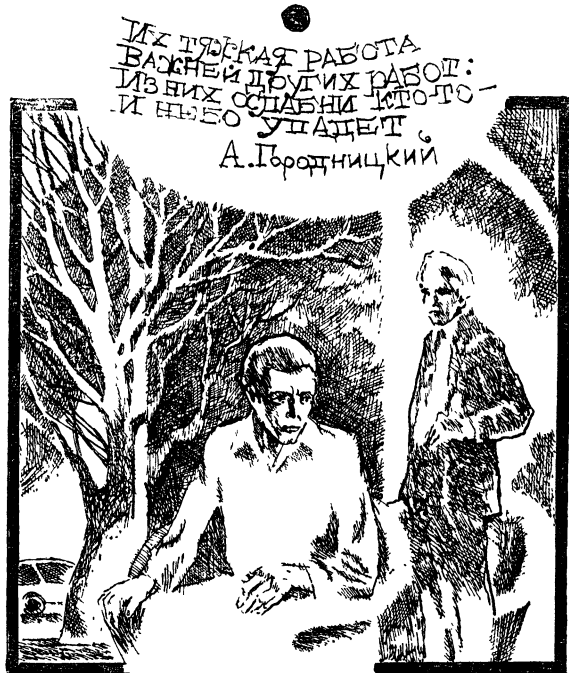
Он еще не знал, как свое решение осуществлять, не строил конкретных планов. Он просто увидел путь и был уверен, что не сойдет с него никогда.

— Пойдемте, моряк, — Папалеаина легонько потянула его за руку. — Там все уже с ног сбились...

— Да, — сказал Аракелов. — Сейчас, Аина. Только снаряжение соберу. Без «намордника» ведь отсюда не выберешься, — и он кивнул на сифон. — Я быстро, Аина. Соберусь — и пойдем.

ЭПИЛОГ

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Такого давно уже не бывало: вместо восьми загруженных контейнеров наверх ушли балластные болванки. Ганшин даже не поверил себе и снова взглянул на контрольный пульт: увы, все правильно. Восемь... Он вызвал дежурного диспетчера.

— Как прикажете это понимать?

— Караван задержался на шесть часов, Николай Иванович, а ждать я не мог...— В голосе диспетчера не было ни малейшего сомнения в своей правоте.— Не оставливать же Колесо...

— Естественно.— Ганшин помолчал, выжидая, пока уляжется злость.— Естественно. Вот только — кто за это должен отвечать?

— Речники. Опоздали — пусть и отвечают.

— А вы на что? Вы за продвижением каравана следили? Вы их торопили? Вы резерв контейнеров предусмотрели? На то вы и диспетчер, чтобы все предвидеть. И спрос потому будет с вас. («А с речниками разговор будет особый,— подумал Ганшин,— непременно будет, и пренеприятнейший, но об этом тебе, друг мой, знать вовсе не к чему...») Ясно?

— Ясно,— отозвался диспетчер, и на этот раз в тоне его была полнейшая безнадежность: он уже знал по опыту, что в таких случаях спорить с Ганшиным — что против ветра плевать.— Разрешите идти?

Ганшин молча кивнул.

Он несколько минут посидел, собираясь с мыслями, потом надиктовал график на завтра и уже совсем собрался было уходить, как вдруг вспомнил про Бертенева. Уходить сразу же расхотелось. Зачем, ну зачем ему это понадобилось, к чему ворошить старое, отболевшее и умершее?.. Впрочем...

Ганшин вышел из кабинета, попрощался с секретаршей и по лестнице — эскалаторы уже не работали — спустился к выходу. В холле стояли трое: тощий Харперс из планового, девица-технолог в струящемся платье (как же ее зовут, попытался вспомнить Ганшин, но не смог, хоть убей) и давешний диспетчер.

— Хорошо, если выговором отделаешься,— донесся до него поставленный голос технологини.— А то и...

— Твоя правда,— уныло отозвался диспетчер.— Педант шутить не любит...

Ганшин сделал вид, что ничего не слышал, и шагнул в распахнувшуюся навстречу ему дверь. Размеренным шагом он пересек разбитый перед зданием директората сад и вышел к паркингу. Машин на площадке было уже мало; Ганшин быстро отыскал свой крохотный черный «тет-а-тет», сложившись чуть ли не втрое (да, «детям маленького роста рвать цветы легко и просто...»), залез внутрь. К счастью, часов до трех погода была солнечной, и аккумулятор оказался заряженным почти полностью. Ганшин вздохнул, шелкнул тумблером — мотор занудно заныл — и набрал на панельке автомедон-та адресный код. Полчаса спустя он был уже дома.

Дом свой Ганшин не любил. Не то чтобы именно этот дом был ему чем-то неприятен: случись так, шеф-директор Теплоотводного Колеса уж как-нибудь да сумел бы его сменить. Дом был как дом, один из многих в поселке колесников, ничуть не лучше и не хуже других. Просто чувствовал себя в нем Ганшин как-то неприкаянно. Не при деле, что ли? Не было в нем умения окружать себя комфортом и уютом, и потому в доме, невзирая на честный труд кондиционеров, было холодно и уныло, как на только что расконсервированном спутнике.

Ганшин быстро переоделся, принял душ и к семи почувствовал себя гораздо свежее — как раз к тому моменту, когда тихонько мурлыкнул дверной звонок.

Ганшин сразу же узнал гостя, хотя за двадцать лет в этом высоком, грузном, каком-то прямоугольном человеке со слегка обрюзгшим лицом почти ничего уже не осталось от того, прежнего Борьки Бертенева, которого он знал и любил, от вихрастого долговязого парня, чуть заикаясь, оравшего на все Синявинские болота слова, так не похожие на нынешнюю гладкую речь.

— Каким ветром... — Ганшин на мгновение замялся, выбирая обращение, но старое все же пересилило, и он, хотя и с трудом, продолжил: — тебя занесло в наши края, Борис?

— Попутным,— улыбнулся Бертенев. Улыбка у него тоже была новая — более надетая и закрытая.— Повидаться захотелось. Как, примешь гостя?

— Долг гостеприимства,— шутливо развел руками Ганшин и вдруг почувствовал, что это действительно только долг, причем долг нелегкий. И хотя он готовил себя к этой встрече вот уже три дня, с того самого момента, как получил Борисово письмо, но только сейчас, пожалуй, до конца понял, как мало у них осталось общего. В сущности, ничего, кроме прошлого, мертвого прошлого, которое равно принадлежало им обоим и в котором не было места никому из них сегодняшних. И, преодолевая себя, он сказал, надеясь, что Бертенев не почувствует в его приподнятом тоне искусственности: — Ну заходи, Борис, заходи!

Оставив Бертенева в кабинете, Ганшин сооружал нехитрый ужин, комбинируя полуфабрикаты с произведениями собственного кулинарного искусства, оставлявшего, увы, желать много лучшего, и упорно пытаясь догадаться, что же все-таки понадобилось от него Бертеневу.

Оказавшись один, Бертенев подошел к окну. Ему казалось — впрочем, вслух бы он в этом никому не признался,— что открывающийся из окна вид может рассказать о хозяине дома не меньше, чем обстановка или библиотека. Во всяком случае, с тех пор, как люди стали достаточно свободно выбирать себе жилье. Но сейчас он оказался в невыгодном положении. Дом был самым обычным, стандартная жилая чечевица-«карат» безо всяких ухищрений в интерьере. А за окном уже стемнело; стоя на улице, еще можно было что-то разглядеть, но отсюда, из кабинета, освещенного мягкой люминесценцией потолка, увидеть можно было лишь собственное тусклое отражение, искаженное выпуклыми тройными оконными стеклами.

А может, зря он приехал сюда? В самом деле: ведь Ганшин сам сбежал,— сбежал тогда, когда дело еще

только-только проклевывалось, сбежал, чтобы в конце концов прибиться сюда, к колесникам, инженерной элите века. И стоило бы на этом поставить крест, забыть о нем навсегда, невзирая на годы, что проработали они бок о бок — и хорошо, славно поработали, — и забыл бы, но... Но ведь именно он, Ганшин, подал когда-то идею, которая сегодня привела их всех — и тощего рыжего Тапио, и весельчака Ланге, химика «божьей милостью», и его самого — к тому порогу, на котором не вспомнить о Ганшине было бы просто подло.

— Ну пойдем перекусим, Борис. Так уж повелось, что гостя первым делом попотчевать положено. Персжиток, конечно, но приятный. — Ганшин стоял в дверях кабинета, исподтишка наблюдая за Бертеневым.

— С удовольствием, Коля. Традиции традициями, но я и впрямь проголодался.

— Нашел-то меня легко? — поинтересовался Ганшин, когда они уселись за стол.

— Легко, — автоматически ответил Бертенев и тут же пожалел об этом. Потому что разговор как-то сразу пресекался, а ведь можно было живописать все перипетии поисков ганшинского дома; можно было рассказать, как, припарковав машину на окраине поселка, он нырнул в быстро сгущавшиеся сумерки, как дважды ошибался домом и как его облаял какой-то гигантский пес, черный и лохматый, облаял без злости, а просто так, во исполнение традиционного долга, потому что собачьи инстинкты меняются медленнее, чем обычаи людей. Можно было бы рассказать, как он еще минут десять плутал по поселку, который и весь-то состоял из полусотни разбросанных по роще «диоменов», «каратов» и «хеопсов», а потому улиц не было и в помине, да и нужды в них не ощущалось, ибо разрывы между мощными — в обхват, а то и в два — колоннами сосен пропустили бы не то что грузовой инимобиль, но и болотный танк класса «тортила». И про того соседа, который наконец показал Бертеневу ганшинский дом, можно было сказать, а заод-

но помянуть, как посетовал этот сосед, что мало кто заходит к Ганшину, живет, мол, затворником человек, а почему? В самом деле, почему? Что это за Симеон — столпник, сам себя в пустыню изгнавший? Так, слово за слово, и мог начаться разговор, ради которого он приехал сюда. Но момент был упущен, и теперь снова надо было пытаться сплести нить, так неосторожно порванную единым словом. И Бертенев пытался плести, все время чувствуя на себе настороженный, выжидающий взгляд Ганшина.

Он передал привет от Ланге и Тапио. Ганшин кивнул: спасибо, очень рад. Но не было за этими словами радости. Была лишь какая-то невысказанная боль и тоска. Еще бы, подумал Бертенев, трудно говорить с теми и о тех, кого ты бросил в не самый легкий час... Но двадцать лет есть двадцать лет, и срок давности вышел, давно уже вышел, тем более что никакой подлости ведь Ганшин не совершил. Просто ушел, ушел, не веря в успех начатого дела. А это простительно, хотя и больно тем, кто работал рядом.

Разговор вновь пресекся, не успев еще, по сути, начаться, и Бертенев попытался воскресить его традиционными «а помнишь?», возрождая в памяти давно ушедшие годы, магией слов вызывая к жизни фантомы тех, с кем вместе они начинали когда-то. Несколько раз ему казалось, что мелькнул в ганшинских глазах живой проблеск, что вслед за односложными репликами, которыми в основном ограничивал Ганшин участие свое в разговоре, вот-вот прорвутся настоящие, нужные сейчас слова. Но ничего не менялось, и Бертенев вновь и вновь гальванизировал умирающий свой монолог, пока не почувствовал наконец, что больше делать этого не в состоянии.

— Вот что, Коля, не мастер я дипломатию разводить, — сказал Бертенев, которому эта словесная игра надоела, а может, просто не по вкусу прилась или не по плечу. — Вот что. Ты в курсе наших дел?

— Более или менее,— неопределенно пожал плечами Ганшин.

— Мы получили последний штамм. Прирост массы великолепный — до тридцати процентов в сутки. Весь базовый бассейн кишит и бурлит. Помнишь базовый?

— Помню.

— Производительность — тоже. И главное — главное получаем не только кислород, но и уголь. Понимаешь?

— Понимаю,— безо всякого выражения сказал Ганшин и плеснул себе еще кофе; спохватившись, спросил: — Тебе налить?

— Нет, спасибо. Ты что, в самом деле не понимаешь? Или забыл?

— Ничего я не забыл. Ну так что же?

— То, что нас выдвинули на премию.

— Министерскую?

— Нет. «Золотое облако». — Бертенев против воли улыбнулся, и впервые за этот вечер Ганшин увидел на миг того, прежнего Бориса, с его улыбкой, которую все «болотники» называли инфекционной, ибо в самом деле не заразиться ею было крайне сложно.

«Золотое облако» — премия Климатологического Комитета ООН и Международного института охраны среды, пожалуй, самая престижная в этой области. На миг Ганшина охватило сомнение. Ведь все-таки он...

— Так что же? — спросил он как можно спокойнее, и кажется, это ему удалось.

— Я хочу, чтобы в числе группы был и ты.

— Спасибо, Боря. Но ведь, кроме тебя, есть еще Тойво и Оскар...

— Их я уговорю.

— Думаешь?

— Безусловно.

«Да, ты уговоришь,— подумал Ганшин.— И спасибо тебе. Но мне этого не надо. Ни «Золотого облака» мне не надо, ни разговоров этих».

— Нет,— сказал он.— Я тут ни при чем. Это ваша работа. Ваша, а не моя.

— Но ведь это же твоя идея! И забыть этого я не могу, не имею права! Ведь это же ты...

«Ну зачем, зачем мне нужно говорить об этом,— подумал Бертенев.— Не мог же он забыть, в конце концов! Как тогда, после пожара, когда начисто сгорел весь третий штамм, и все мы ходили как в воду опущенные, и руки не поднимались, а он, Ганшин, сказал: «Вот и хорошо, Боря. Дело-то безнадежное было. Бесперспективное. Ведь прежде всего нужна самоокупаемость — хотя бы частичная. Так?» Бертенев тогда мог только устало кивнуть, потому что об этой самоокупаемости было уже говорено и говорено... Конечно, сама по себе их идея была прекрасна: вернуть атмосфере безнадежно утраченный кислород, избавив ее от излишков углекислого газа, давно уже ставшего проблемой века.

Эта проблема родилась вместе с первыми искрами прометеева огня, зажженного на Земле человеком. Горели дерево, уголь, нефть, горели кизяк и бензин, горели торф, пропан, спирт и водород,— и в атмосфере появлялось все больше и больше углекислого газа. Огонь создал человечество, став самым мощным его инструментом, огонь защищал кроманьонца от пещерного льва, и огонь поднимал в Приземелье сверкающие обелиски первых ракет. И рождал проклятый CO_2 . Пока в начале века его не накопилось достаточно, чтобы окутать всю Землю незримым покрывалом, сквозь которое не могло уйти тепло, а значит, еще немного — и началось бы таяние ледников, и тогда...

Их было четверо, четверо видевших, что тогда будет, видевших наступающий океан и отступающее на возвышенности, в горы человечество, потому что океан поднимется почти на шестьдесят метров, а это значит, что вся жизнь человечества будет нарушена навсегда. С парниковым эффектом уже боролись, боролись давно, уже лениво вращались над Землей гигантские Теплоотводные

Колеса, уже запускали в небо контейнеры термоаккумуляторов беззвучные залпы электрических пушек, но это были просто попытки превратить курную избу в избу с дымоходом. Человечество выросло и теперь уже отапливало прометеевым своим огнем не только Землю, но и космос... И они — горстка, четверка энтузиастов — Ганшин, Бертенев, Тапио и Ланге — решили найти иной путь.

Ведь у CO_2 был исконный враг. Зеленый враг — хлорофилл. Леса и рощи, степи и луга, океанские водоросли — все это разлагало углекислый газ и возвращало кислород атмосфере. Но леса исчезали с лица планеты, питая ненасытный огонь; они исчезали, освобождая места для полей и плантаций. Дерево, дерево, дерево — сырье и строительный материал, пища, бумага и одежда... И океан, медленно затягивавшийся нефтяной пленкой океан, он тоже не мог уже работать так, как когда-то. Всем им нужна была замена, был нужен помощник, некий квазихлорофилл, суперхлорофилл, и раз он был нужен — он родился. Он родился в уме химика Ланге, под руками биологов Тапио и Бертенева, и он — бурая, зернистая масса, больше всего напоминавшая лягушачью икру, — потребляя углерод из углекислого газа, возвращал кислород в атмосферу.

А потом был тот пожар, и у всех опустились руки. И только Ганшин, последним присоединившийся к их группе физик Ганшин, сказал тогда Бертеневу: «Ведь что такое CO_2 ? Углерод и кислород. Вот и надо создать такой штамм, чтобы он питался солнечной радиацией, кислород возвращал в атмосферу, а углерод... Представляешь? Болото рождает алмазы, графит, уголь... Ведь все это — углерод. И это — самоокупаемость. А?..» А через день принес тоненькую пачку листов, исписанных от руки бисерным, но ровным и четким до педантичности почерком: «Я тут набросал кое-что. Ты посмотри на досуге, ладно?» Бертенев смотрел неделю. А потом узнал, что Ганшина нет уже на их болотной станции. Что

уехал он и никто не знает куда. Поначалу Бертенев пытался разыскать Ганшина, вернуть, понять хотя бы, что случилось, но никаких концов не сыскал. И лишь годы спустя узнал, что перекинулся Ганшин сперва к энергетикам-международникам, в эксплуатационный отдел, потом перешел еще куда-то, пока не осел в конце концов в директорате одного из Теплоотводных Колес...

А из этих его записей, из его идеи родилось то самое, что называли они берталаном — суперхлорофилл, создающий кислород и алмазы, кислород и уголь, кислород и графит... Потому-то сегодня и пришел Бертенев сюда, ибо нечестно это было, если вдуматься — берталан. Бертенев, Тапио, Ланге. А Ганшин?

— Понимаешь, Коля, нечестно это. Я так не хочу.

— Честно,— сказал Ганшин.— Можешь спать спокойно, Боря. Я не в претензии. Не был и не буду. Во веки веков. Потому что все эти двадцать лет работали вы. А я — сперва крутился сам, а потом крутил Колесо.

— Но идея — твоя!

— Идея, идея,— оставь ты идеи в покое. Нет ничего легче, чем бросить идею. А осуществить ее — это другое дело. Вы смогли. Я — нет. Я оказался спринтером.

— Спринтером?.. А в самом деле, почему ты тогда исчез, Коля?

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Тойво считает, что ты не верил в успех. Но я так не думаю. Не верил бы — не сделал бы тех выкладок...

— Забудь про них. Не в них дело. Ты и сам бы до этого додумался. На следующий день бы додумался. Через неделю. Через месяц. Так что суть не в этом.

— А в чем?

— Извини, Боря, но ты не поймешь, пожалуй. Если хочешь — я скажу. Суть в том, что всему свое время, и время всякой вещи под небом...

Ганшин встал, подошел к окну, прислонился лбом к стеклу. Бертенев молча ждал.

— Время рождаться и время умирать,— продолжил Ганшин тихо.— Время насаждать и время вырывать насаженное... Время разрушать и время строить... Время плакать и время смеяться... Время разбрасывать камни и время собирать камни...— Ганшин замолчал. Несколько минут Бертенев растерянно глядел на него.

— Я в самом деле не понимаю.

— Вот и хорошо,— сказал Ганшин.— Вот и прекрасно! И не надо. И вообще, давай на этом закончим. Не по душе мне этот разговор. А с премией я тебя поздравляю. И Тойво с Оскаром — тоже.

Бертеневу не оставалось ничего, как попрощаться.

Ганшин проводил его до машины, а потом долго смотрел вслед растворявшимся в ночной темноте рубиновым огонькам. Смотрел и старался ни о чем не думать.

Потом он медленно побрел к дому. Изредка он поднимал глаза к небу — и видел в нем другие рубиновые огоньки, те, что отмечали обод Колеса, медленно возносившего в стратосферу контейнеры с соляными термоаккумуляторами, чтобы отдать там лишнее тепло Земли.

Когда-нибудь, подумал Ганшин, под южным солнцем пролягут бетонные лежа и потекут по этим лежам реки зернистой берталановой жижи, и будет она, пузырясь, вновь насыщать воздух животворным газом... Вот ведь как оно получилось: технология занесла над миром меч парникового эффекта, но она же изобрела и щит. Один из парадоксов нашего времени. Сложного, бурного, прекрасного нашего времени. Но до этих берталановых рек и озер далеко. Ох как еще далеко! Десятки лет пройдут, пока будет все это создано и сможет принести какой-то осязаемый результат, пока не в болотной лаборатории, а там, под солнцем пустынь, родит берталан первые кубометры кислорода и первые килограммы угля, графита, алмаза. А пока, чтобы не задохнулась Земля, чтобы не стала она дном нового моря, должны вращаться Колеса. Изо дня в день, из часа в час, бесперебойно, неотвратно, как Колесо судьбы. «Да ведь это и есть колесо

моей судьбы,—сообразил вдруг Ганшин.— Дурацкой моей судьбы».

Потому что в жизни каждому из нас дарован лишь один звездный час. Лишь раз в жизни открывают закон всемирного тяготения, периодическую систему элементов или пишут «Марсельезу». И мой звездный час пришел тогда, в ночь пожара, и потом я понял, что больше такого уже не будет. Никогда. И что миновало мое время щедро рассыпать камни, драгоценные камни идей. Такое может прийти в голову лишь однажды. А потом, потом что? Стричь купоны со своего озарения? Но не значит ли это предать самого себя?

Он, правда, попытался было обмануть судьбу, пережить второй звездный час. Попытался и был наказан, ибо дважды в единый поток ступить нельзя. Хотя, чтобы понять это окончательно, чтобы внутренне смириться, больше того — согласиться с этим, ему пришлось пережить всю историю с «Беатой», всю горечь поражения и разочарования там, в Тихом океане, на богом и людьми забытом Фрайди-Айленде.

И тогда он понял, что нужно просто уйти. Уйти туда, где сегодня делается самое важное. Главное сегодня, хотя завтра главным будет иное, родившееся вчера из твоих бессонных ночей.

И пока другие создают твой берталан, ты будешь крутить Колесо, свое Колесо, чтобы сохранить климат Земли для них же, чтобы они могли спокойно работать, надежно прикрытые этим щитом.

Так приходит время собирать камни. Камни, из которых потом другие будут строить дом.

Ганшин постоял еще немного перед дверьми, глядя на огоньки Колеса, потом зашел в дом, разделся и лег. Он думал, что долго не сможет уснуть, но уснул почти сразу же — сказала многолетняя тренировка. Уснул под шуршание сосновых ветвей, колеблемых ветром, и под неумолчный, едва доносящийся сюда скрип вращающегося Колеса.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Должник	5
Часть I. Майский день	25
Часть II. Поле надежды	115
Часть III. Нептунова Арфа	167
Эпилог. Время собирать камни	283

Балабуха А. Д.

Б 20 Нептунова Арфа: Приключенческо-фантастический роман.— М.: Мол. гвардия, 1986.— 295 с., ил.— (Б-ка сов. фантастики).

85 коп. 100 000 экз.

Приключенческо-фантастический роман ленинградского писателя Андрея Балабухи «Нептунова Арфа» переносит нас в будущее, в первые десятилетия после всеобщего разоружения. Среди главных героев повести Александр Аракелов — исследователь и охранитель морских глубин, представитель трудной и опасной профессии. Ему удалось раскрыть причины многих таинственных происшествий

Б 4702010200—219
078(02)—86 169—86

ББК 84Р-4
Б 20

ИБ № 4615

Андрей Дмитриевич Балабуха

НЕПТУНОВА АРФА

Редактор В. Родинов

Рецензент Л. Поспелов

Художник Б. Федотов

Художественный редактор А. Романова

Технический редактор В. Пилкова

Корректоры А. Долидзе, В. Назарова

Сдано в набор 14.01.86. Подписано в печать 16.07.86. А 08212. Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,95. Усл. кр.-отт. 13,3. Учетно-изд. л. 13,6. Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп. Изд. № 2333. Заказ 6—26.

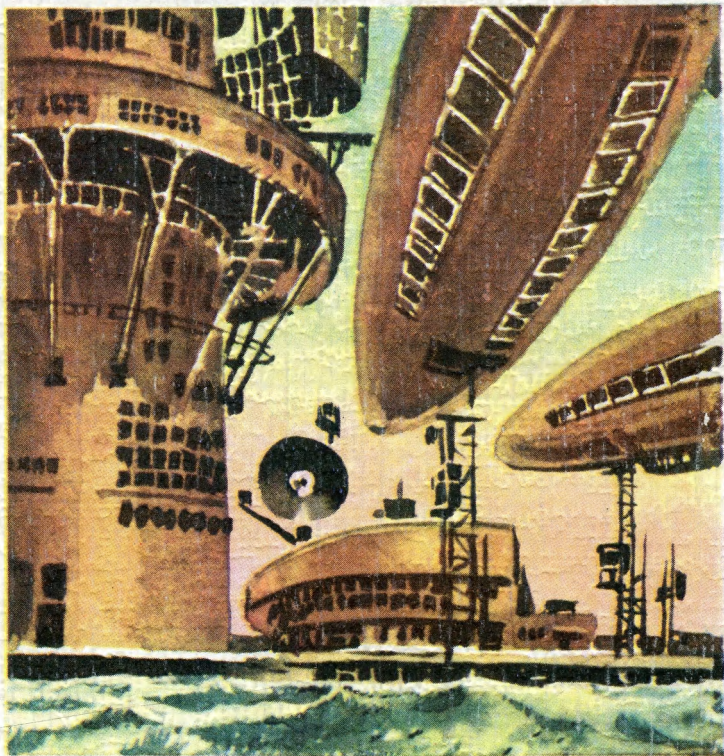
Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АНДРЕЙ БАЛАБУХА
НЕПТУНОВА
АРФА

